

Джон Стивенс

Жизнь
мастера
боевых
искусств
Тэссю

МЕЧ
БЕЗ-МЕЧА

Е В Р А З И Я

武士道

John Stevens

THE SWORD OF NO-SWORD

LIFE
OF THE MASTER WARRIOR
TESSHU

SHAMBHALA
Boston & London
1989

Джон Стивенс

МЕЧ БЕЗ-МЕЧА

ЖИЗНЬ
МАСТЕРА БОЕВЫХ ИСКУССТВ
ТЭССЮ

Санкт-Петербург
2012

ББК 68
УДК 35
С 80

Издание осуществлено при участии

Центра

Стивенс Джон

**Меч Без-Меча. Жизнь мастера боевых искусств
Тэссю.** Перевод с английского Витязева С. В. под редак-
цией Кирюковой Ю. С. — СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2012, 256 с.
ISBN 978-5-91852-047-5

Представляем Вам биографию знаменитого японского
фехтовальщика и основателя школы Муто Рю, мастера
дзэн и каллиграфии, политического деятеля и личного со-
ветника императора-реформатора Мэйдзи — Ямаока Тэссю
(1836–1888). Его жизнь пришлось на период падения режима
сёгунов Токугава и заката «золотого века» самураев. Именно
Ямаока Тэссю сумел проложить путь, по которому самурай-
ские боевые искусства перешли в новую эпоху.

Публикуется по соглашению с SHAMBALA PUBLICATIONS, INC.
(P. O. Box 308, Boston, MA 02115, USA) и Агентством
Александра Корженевского (Россия)

ПРЕДИСЛОВИЯ

© John Stevens, 1984, revisions, 1989
© Кирюкова Ю. С., пер. с англ., 2012
© Лосев П. П., дизайн обложки, 2012
© Оформление ООО «Издательство
«ЕВРАЗИЯ», 2012

ISBN 978-5-91852-047-5

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ямаока Тэссю в возрасте пятидесяти двух лет

Ямаока Тэссю был выдающейся фигурой той бурной эпохи, которая ознаменовала собой рождение новой Японии. Как политический деятель, Тэссю вел переговоры с Сайго Такамори и урегулировал процесс мирного перехода власти от старого режима к новому; как постигающий Путь, Тэссю достиг великого просветления в возрасте сорока пяти лет и постиг внутренние законы искусства меча, дзэн и каллиграфии. После этого Тэссю уподобился Миямото Мусаси, «проводя свои дни, не привязываясь к какому бы то ни было определенному Пути» («Книга пяти колец»). Кроме того, Тэссю стал выдающимся разносторонним и плодовитым мастером: несравненным бойцом, искусно владевшим холодным оружием и основавшим школу Меч Без-Меча; мудрым и сострадательным учителем дзэн в традиции Тэкисуя; а также непревзойденным каллиграфом. Даже сейчас, почти через столетие после его смерти, в иероглифах Тэссю можно увидеть его невероятную энергию. В его каллиграфических работах последних восьми лет жизни явственно видны огромные изменения, сопутствовавшие пробуждению Тэссю и постепенному углублению его просветленного понимания.

Мусаси, пожалуй, единственный из самураев-мастеров высочайшего класса, который постиг

сущность стольких различных Путьей; в отличие от Мусаси, чей жизненный путь сложно проследить, о Тэссю достоверно известно гораздо больше, и благодаря этому есть возможность достаточно точно воссоздать образ главного героя и его учения.

Поскольку лучшего воплощения духа дзэн, чем Ямаока Тэссю, не найти, я рад, что Учитель Стивенс подготовил эту полную биографию великого мастера на английском языке. За время нашей совместной работы над переводом моей книги «Дзэн и искусство каллиграфии» и некоторыми другими проектами я проникся глубоким уважением к обширным познаниям Учителя Стивенса и его тонкому пониманию восточной культуры. Прекрасный ученый и опытный мастер боевых искусств, он удачно воплощает в себе самурайский идеал *Бунбу Редо*, человека, изучающего как классические каноны, так и воинское искусство. Более того, преданность Учителя Стивенса духу Тэссю безгранична.

Истинная ценность учения любого просветленного мастера переступает через национальные границы; благодаря публикации этого труда взгляды Тэссю отныне станут руководством для интересующихся буддизмом людей всего мира.

Тэраяма Тангю (Кацудзэ)
Глава школы, преподаватель Общества
Хицудзэн,
Софийский университет
Автор книг «Тэссю и каллиграфия» (Тэссю
то Седо), «Хицудзэндо»
и «Дзэн и искусство каллиграфии»

ВСТУПЛЕНИЕ

Как и у многих, кого притягивает жизненный путь и учение Ямаока Тэссю, вначале мой интерес к нему был связан с тем, что я занимался боевыми искусствами. Тэссю, несомненно, был непревзойденным мастером меча, и любой, кто действительно стремится постичь будо, Путь Воинской Доблести, должен как следует познакомиться с принципами школы Без-Меча. Как бы то ни было, за многие годы изучения жизни и учения Тэссю я постепенно осознал, что он был далеко не просто мастером меча — мало того, что он являлся одним из лучших каллиграфов всех времен, Тэссю был еще и одним из величайших буддистов-мирян, достигших просветления.

Пожалуй, единственной равной ему фигурой в японской истории был живший в шестнадцатом веке Миямото Мусаси, хорошо знакомый американским читателям по «Книге пяти колец» и по роману «Мусаси». В отличие от Мусаси, чья слава основывается прежде всего на легендах и сильно романтизированных описаниях его жизни, Тэссю, хорошо знакомый с западной идеологией, европейской наукой и реалиями мировой политики, гораздо ближе к нам по времени и по характеру. Кроме того, хотя эпоха, в которую жил Тэссю, едва ли была менее жестокой, чем та, в которую жил Мусаси, Тэссю никогда не

прибегал к безжалостной тактике Мусаси любой-ценой-уничтожить-врага, вместо того обезоруживая своего противника при помощи «без-меча».

В двадцатом столетии практика трех до Тэссю — Пути Меча, Пути Дзэн и Пути Кисти — переступает через национальные границы. Во всем мире есть тренировочные залы, где обучают этим дисциплинам, и я твердо убежден, что ни в одном из этих трех Путей нельзя совершенствоваться должным образом без правильного понимания разнообразных учений Тэссю.

Влияние этих учений продолжается. Говорят, что последний премьер-министр Японии Накасонэ Ясүхиро является ревностным почитателем Тэссю. Каждый раз, когда у премьер-министра выдается окошко в деловом расписании, он занимается медитацией — в сопровождении телохранителей, которые устраиваются поблизости на подушках для медитации — в Дзэнсе-ан, токийском храме, основанном Тэссю.

Данная книга сродни публикации *«Изобильный мир: Биография Морихэя Уэсиба, основателя айкидо»*. Тэссю и Морихэй — два столпа современного будо: люди высокой культуры и религиозного вдохновения, достигшие непобедимости посредством упорных тренировок и непрерывного самоанализа. Никто из них не пролил ни капли крови, и оба ставили гармонию и любовь выше борьбы и мстительности. Их послание к нам есть послание мира, мира, обретенного в самой гуще яростных бурь.

Джон Стивенс
Сэндай, Япония
Сентябрь 1988

ДОБАВЛЕНИЕ ОТ АВТОРА

На японском языке написано множество биографий Тэссю, однако даже те из них, которые заслуживают наибольшего доверия, грешат непоследовательностью, противоречиями и историческими несоответствиями. Главная сложность здесь в том, что все источники представляют собой в лучшем случае описания из третьих рук, то есть компиляции тех, кто учились у учеников Тэссю. Сам Тэссю наотрез отказывался от просьб написать автобиографию; благородный и лишенный мелочной заботы о своем общественном положении, Тэссю не стремился создать хвалебное описание своей жизни — «То, что важно, останется; что не важно, исчезнет».

При работе над этим всесторонним исследованием я тщательно проштудировал весь необходимый материал, отделяя факты от вымысла и тесно сотрудничая с ведущими современными экспертами по Тэссю — Омори Согэн, Мураками Ясумаса и Тэраяма Кацудзэ. Я не утверждаю, конечно, что все происходило именно так, как описано в книге. Многое по сути представляет собой смешение разных версий. Тем не менее я уверен в том, что каждое описание достаточно точно отражает рассматриваемое событие и верно представляет учение Тэссю.

Все имена приводятся в соответствии с японской традицией, то есть первым идет родовое имя. Японские слова, впервые встречающиеся в тексте, выделены курсивом, а далее даются обычным шрифтом.

Я крайне признателен профессору Тэраяма Кацудзе и доктору Мураками Ясумаса за огромную помощь, оказанную мне: добрые наставления, постоянную поддержку, неоценимые советы и бесценные иллюстрации. Отдельное спасибо Хираю Гэнке из Дзэнсе-ан, Хориути Сосюн из Дзуйгандзи и Ясики Тидзе из Екодзи, которые помогли мне получить фотографии картин, хранящихся в сокровищницах своих храмов. Мне также повезло получить любезное сотрудничество со стороны бывшего председателя верховного суда Исида Кадзутто. Я благодарен Эмили Хилбурн из «Shambhala», тактичному и внимательному редактору, а также Самуэлю Беркольц за поддержку данного десятилетнего проекта.

1

ЖИЗНЬ ТЭССЮ И ЕГО ВРЕМЯ

После двух с половиной столетий относительного спокойствия и изоляции некогда могущественный сегунат Токугава пришел в упадок. Режим, основанный в 1603 году Иэясу, последним из «Трех объединителей» (двумя другими были Ода Нобунага и Токимунэ Хидэеси) придерживался строго закрытой политики. К 1640 году из страны были высланы все иностранные миссионеры (местных христиан, не отрекшихся от своей веры, казнили), а также прекратилась всякая заморская торговля (исключение составляла крохотная голландская концессия).

Островная нация процветала в мире и безопасности в первые годы правления Токугава, однако к 1830 году ряд факторов подточил ее экономику: строгая приверженность четырехчленной социальной системе (самураи — крестьяне — ремесленники — торговцы); огромный дефицит, который испытывали как центральное, так и местные правительства, который во многом был вызван разорительным требованием, чтобы все дайме (феодалы) содержали свой двор в столичном городе Эдо; многократные неурожаи, повсеместный голод и голодные бунты.

Вдобавок ко всему Россия, Англия и Соединенные Штаты угрожающе вторгались в береговые воды Японии, требуя от сегуната открыть страну для сношений с внешним миром.

Вот в таких условиях кризиса и неизвестности родился Оно Тэцутаро, впоследствии получивший известность под именем Ямаока Тэссю. Произошло это в Эдо 10 июня 1836 года. Его отец, Оно Асаэмон, был довольно крупным вассалом Токугава с солидным доходом в 600 коку. (Один коку примерно соответствовал пяти бушелям риса; в эпоху Токугава коку исполнял роль средства обмена и служил мерилем благосостояния.) Тэссю пошел в свою мать Исо, высокую и хорошо сложенную смуглую красавицу. Энергичная и вместе с тем нежная, она была дочерью синтоистского монаха из известного храма Касима. Несмотря на то что у шестидесятитрехлетнего Асаэмона было много детей, своих и приемных, от предыдущих браков, он считал Исо своей «официальной» женой, а ее детей своими законными наследниками. Поэтому Тэссю, хотя и был четвертым сыном, был назначен старшим. (Асаэмон стал отцом еще пятерых сыновей в течение последующих четырнадцати лет вплоть до своей смерти в возрасте семидесяти девяти лет.)

Первые десять лет своей жизни Тэссю провел в Эдо. В 1845 году его отец был назначен на новый пост в округе Хида, и семья переехала в красивый горный городок Такаяма. Там Тэссю начал серьезно изучать самурайскую науку: классическое образование и воинское искусство. Кроме того, отец заставил его практиковаться в дзэн, с тем чтобы развивать *фудо-си* (невозмутимый разум), необходимый настоящему самураю.

Тэссю всегда метил высоко, даже будучи ребенком. Однажды сосед решил угостить семью Оно угрями,

особым лакомством, и пригласил их к себе. Тэссю отказался и остался дома. Когда его спросили, почему вкусному блюду из жареных угрей он предпочел свои книги, мальчик ответил: «Почему я должен тратить время, поедая червей? Вот если б они подали на обед кита, я бы пошел!»

Несмотря на глубокое изучение конфуцианства, Тэссю больше привлекал буддизм; он был ревностным поклонником медитации и Каннон, богини милосердия. Тэссю никогда не забывал по утрам и вечерам совершать жертвоприношения в виде чая и лепешек перед маленьким изображением Каннон. Когда Тэссю было пятнадцать лет, он, действуя по поручению престарелого отца, совершил обязательное паломничество в храм Исэ. Путь был долгим и трудным. Шел Тэссю пешком и под постоянными проливными дождями, в том году особенно частыми. В конце путешествия, после особенно трудного дня, Тэссю не появился на обед в гостинице, в которой он остановился. Его нашли мокнушим под дождем, склонившимся в поклоне перед своей маленькой статуэткой Каннон. Когда Тэссю коснулся пола, чтобы совершить поклонение, то тут же уснул.

С другой стороны, это паломничество было весьма познавательным. Для Тэссю это стало первой возможностью встретить самураев и ученых из других мест и узнать о реальном положении дел в стране.

В 1851 году мать Тэссю скончалась от удара в возрасте сорока одного года, оставив после себя шестерых сыновей, один из которых был грудным младенцем. Поскольку отец Тэссю, больной старик на

восьмом десятке, не мог вести хозяйство, Тэссю взял это на себя. Он нашел для младенца кормилицу, которая нянчилась с ним в течение дня, а также заботился о своем отце и братьях. После того как все укладывались спать, Тэссю навешал могилу матери, где приносил в жертву лепешки, читал сутры и «разговаривал» с ней до рассвета. (Это продолжалось в течение пятидесяти дней, традиционного срока траура.) Полгода спустя умер Асаэмон, сделав Тэссю и его братьев сиротами. К счастью, Асаэмон оставил немалое состояние в 3500 ре. (Один ре представлял из себя золотую монету, по стоимости приблизительно равную одному коку.) Тэссю смог устроить своих братьев у различных родственников и распределил наследство среди них, оставив себе лишь 100 ре.

Уладив все дела, семнадцатилетний Тэссю решил вернуться в Эдо. По прибытии в Эдо в 1853 году Тэссю продолжил интенсивное обучение искусству владения мечом. Кроме того, он начал осваивать некоторые из других восемнадцати классических воинских искусств. Он записался в военный институт Кобукан, финансировавшийся правительством, и в школу боя на копьях (создуюцу) Ямаока.

Ямаока Сэйдзан был одним из лучших мастеров своего времени. В юности он прошел стандартный самурайский курс будо и получил классическое образование, однако в девятнадцать лет сконцентрировался на работе с копьем, забросив другие занятия. В двадцать с небольшим он овладел внутренними основами мастерства после бесконечных схваток, длившихся день и ночь напролет. Его рвение

Изображение Каннон, одетой в белые одежды, с Сердечной сутрой, написанной скорописью. Каннон, символ безграничного милосердия, часто появляется в бесчисленном количестве форм, для того чтобы спасать живые существа. Каннон гибкая, но сильная, свежая, но неизменная, как ветка ивы в вазе подле нее

к усердным занятиям вошло в легенду. Летом и зимой он носил одну и ту же тонкую хлопковую одежду и питался простой пищей. Каждый день он наносил по 30 000 ударов и часто всю ночь тренировался с копьем весом в двадцать фунтов. Как-то раз после четырехчасовой схватки с другим мастером Сэйдзан обнаружил, что кончик его копья стерся на четыре дюйма по сравнению с его обычными громадными копьями.

Однако Сэйдзан был не только неистовым воином. Он был образцом сыновней почитательности. Нежно заботясь о своей одинокой матери, он часто массировал ей плечи и вечерами сидел с ней, любуясь луной. Девизом Сэйдзана было: «Не говори о недостатках других; не похваляйся собой; никогда ничего не жди за услугу; никогда не забывай доброту». Однажды он сказал своим ученикам: «Если вы хотите достичь настоящей победы, расширьте свое понимание добродетели. Человека с высокой добродетелью не сможет победить ни один противник. Попытка одержать победу, опираясь лишь на технику, ни к чему не приведет».

К сожалению, вскоре после зачисления Тэссю в додзэ Сэйдзан умер от сердечного приступа, зашишая своего друга от нападения. Тем не менее благородство натуры Сэйдзана произвело на Тэссю глубокое впечатление.

Вскоре после смерти Сэйдзана стали поговаривать о том, что на кладбище появился какой-то призрак. Брат Сэйдзана, Дэйсю, решил это проверить. Когда он тихо сидел в темном укрытии, подул сильный

ветер. Вслед за тем хлынул дождь и сверкнула молния, и высокая фигура стремительно приблизилась к могиле Сэйдзана, низко поклонилась, сняла накидку и накрыла ею надгробную плиту. «Не бойтесь, Учитель, — услышал Дэйсю знакомый голос, — Тэцутаро здесь, все будет хорошо», — успокаивал он. (Сэйдзан, неустрашимый в бою, боялся раскатов грома.) Преданность Тэссю своим родителям и учителям не признавала даже барьеров, воздвигнутых смертью.

Сэйдзан умер холостяком, не оставив после себя наследника. У него было два брата, но один из них был глухой, а другой еще раньше был принят в клан по материнской линии Такахаси, нуждавшейся в мужском наследнике. Имя Ямаока должен был унаследовать будущий муж Фусако, семнадцатилетней сестры Сэйдзана. Говорят, что она открыто заявила своему брату Дэйсю: «Если я не смогу выйти замуж за Оно Тэцутаро, то я умру». Озадаченный Дэйсю — и что сестра нашла в этом нишем ученике по прозвищу Оборванец Тэцу? — посоветовался со старейшинами семьи. Итак как Фусако оставалась непреклонной, а Тэссю был готов жениться, в 1855 году они вступили в брак. (Синкити, глухой брат Сэйдзана, продолжил семейную традицию, став бойцом на копьях. Много позже Тэссю устроил для него показательные выступления перед императором. После того как соперник, старший наставник другой школы, был повержен наземь, Синкити продолжал атаковать, так как был не в состоянии услышать крик соперника о посыле. Тэссю пришлось вырвать у Синкити деревянное копье, чтобы остановить состязание.)

После женитьбы Тэссю оказался больше прежнего вовлечен в политику. Тренировочные залы кэндо в Эдо были местом собраний *сиси* («решительных людей»), молодых самураев, оставшихся не у дел, которые выдвинули лозунг *сонно-дзэи* («Поддержим императора, изгоним варваров»).

В 1853 году, спустя год после возвращения Тэссю в Эдо, американский флот, угрожая «черными кораблями», которыми командовал Мэттью Перри, бросил якоря близ Урага и потребовал возможности вручить правителю Японии письмо от президента Филмора. В другие времена сегун Токугава мог бы остаться верным своему титулу «Генералиссимуса, усмиряющего варваров», но к тому моменту его власть настолько ослабла из-за внутренних распрей, что он был бессилен отказать требованиям Перри. Первые переговоры с американцами состоялись в 1854 году. Спустя четыре года был подписан договор, по которому устанавливались полноправные дипломатические отношения, провозглашалась свободная торговля и принимались другие важные решения.

В ответ на такое насильственное открытие страны Тэссю и группа других *ронинов* (самураев без хозяина) образовали движение *сонно-дзэи*. Призыв «Поддержим императора» первоначально имел целью возродить ослабевающий дух самопожертвования и преданности традиционному правителю государства; призыв же «Изгоним варваров» был скорее боевым кличем, сочиненным для того, чтобы укрепить настроенность против колонизации страны западными державами, а не продуманной политикой — в сложившихся

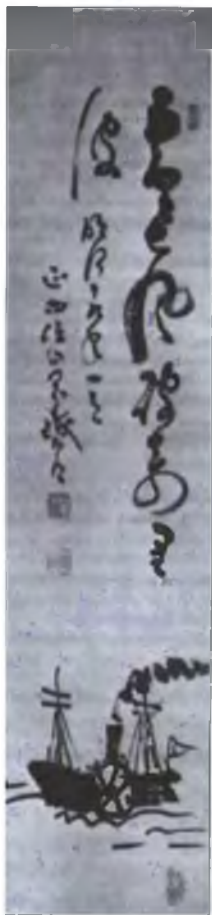
обстоятельствах изгнать иностранцев не представлялось возможным. В 1853–1868 годах в стране царил хаос: сегунат распался, национальная экономика разрушалась под давлением иностранной торговли, акты насилия и убийства стали обычным явлением, наконец, страну охватила гражданская война.

Поскольку старый режим был не в состоянии справиться с ухудшающейся обстановкой, контроль над ситуацией взяли на себя молодые энергичные самураи, такие как Тэссю. Искусный мастер меча, ростом более шести футов и весом около двухсот сорока фунтов, Тэссю был прирожденным лидером. Он начал служить сегуну в качестве младшего чиновника в 1856 году, стал автором ряда предложений по политическим вопросам и к 1863 году стал признанным представителем ронинов.

Это было бурное время, когда сотни честолюбивых самураев соперничали друг с другом по любому поводу, от высокого до смешного. Тэссю никогда не желал уступать первенства в спорах.

Как-то раз во время попойки один старший член группы Тэссю заявил: «Сегодня утром я собираюсь совершить дневной пеший переход до Нарита. Кто-нибудь хочет пойти со мной?» Разделить с хвастуном испытание дорогой в девяносто миль вызвался один лишь Тэссю. «Итак, Оборванец Тэцу желает сопровождать меня, — ухмыльнулся тот. — Жду тебя здесь в четыре утра».

Так как уже был час ночи, Тэссю вернулся домой, чтобы поспать пару часов. Когда он ровно в четыре пришел к дому старшего члена группы, шел

*Изображение парохода.
Иероглифическая надпись
гласит: «Укрощение великих
ветров, покорение волн на
десять тысяч лье». Время
нельзя повернуть вспять
и не следует бояться
перемен. Достижения
в технике тоже должны
быть использованы
для расширения наших
горизонтов*

проливной дождь. Жестоко страдая от похмелья, хвастливый хозяин едва мог держаться на ногах, не говоря о том, чтобы под ливнем пройти девяносто миль. «Ну, тогда я пойду один», — заявил Тэссю и отправился в путь. В одиннадцать часов вечера того же дня Тэссю возвратился назад, открыл входную дверь и крикнул: «Я вернулся!» Когда испуганный старший член группы пришел открывать дверь, он увидел в проходе Тэссю, с ног до головы обляпанного грязью. Трехдюймовые шипы на деревянных башмаках, еще утром новые, были стерты начисто.

Есть и другие примеры, когда Тэссю вступал в спор. В то время молодые мастера меча любили похвастать тем, сколько они могут съесть или выпить. Один знакомый хвастался перед Тэссю:

— Я за один присест съел тридцать яиц, сваренных вкрутую.

— Всего тридцать? — вздернул брови Тэссю. — Мог бы одолеть и пятьдесят. Вот я могу съесть сотню.

— В самом деле? — бросил вызов знакомый. Принесли сто яиц, сваренных вкрутую, и Тэссю поглотил их на глазах у нескольких свидетелей. Когда Тэссю вернулся домой, его рвало три дня подряд.

После аналогичного спора (с аналогичным исходом) Тэссю поглотил сто восемь бобовых лепешек. А однажды Тэссю опустошил девять бутылок сакэ (в каждой бутылке было примерно по две кварты сакэ) в питейном состязании; соперник выпил одиннадцать, но потерял сознание. Поскольку по правилам участник должен был самостоятельно добраться до дома, то Тэссю был объявлен победителем.

Однако Тэссю все-таки испытал вкус поражения от рук «Героя Сакэ» Икэда Токутаро. Однажды вечером они опорожнили семь галлонов сакэ. На следующее утро у Тэссю раскалывалась голова и он подумал: «Если уж у меня похмелье, то Икэда, должно быть, помер». Когда Тэссю пришел домой к Икэда, то увидел, что вокруг головы хозяина обмотано полотенце, а жена массирует ему спину.

— Похмелье? — ухмыльнулся Тэссю.

— Немного. А ты как?

— В порядке, — соврал Тэссю.

— Вчера ночью по пути домой я купил два галлона сакэ. Там в коробке еще чуть-чуть осталось. Угошайся.

На этот раз Тэссю ничего не ответил.

В другой раз, когда Тэссю пил с друзьями, они рассказали ему о коне, который был настолько необуздан, что никто не мог к нему приблизиться, не говоря уж о том, чтобы ездить верхом.

— Что! — воскликнул Тэссю. — Животное, которое не может усмирить ни один человек?! Это же смешно!

— Ну, попробуй проехать на нем верхом, — парировали друзья.

— Ведите меня к нему, — разъярился Тэссю.

Вся компания направилась к конюшне. Тэссю пошел прямо к стойлу, где находился конь, схватил его за хвост и начал дергать.

— Осторожнее, сумасшедший! — закричали остальные, бросаясь в укрытие. Ко всеобщему удивлению животное, которое никто не мог укротить, покорно вышло из стойла вслед за Тэссю и встало

посреди конюшни. (Когда впоследствии Тэссю рассказывал эту историю своим ученикам, он объяснял: «Животное тут же покоряется, если сталкивается с решимостью, большей, чем его собственная. Я знал это и поэтому смог подчинить себе того коня. Кроме того, я был довольно пьян, что сделало меня храбрее, чем обычно».)

Несмотря на такую безрассудную импульсивность, Тэссю не имел никакого отношения к актам насилия, совершавшимся более радикальными членами движения сонно-дзэи. Группа, которой руководил Тэссю, была особенно буйной. Любимым времяпрепровождением для них было *цудзи-гири* (убийство путников на перекрестке дорог) и ограбление домов богатых купцов. Желая предотвратить подобные преступные дела, Тэссю каждый вечер собирал их вместе на пиршество. Когда все уже были достаточно пьяны, Тэссю обычно сбрасывал с себя одежду и начинал исступленно танцевать и петь, увлекая за собой остальных. Все это Тэссю продолжал до тех пор, пока вся группа не выбивалась из сил. Все валялись с ног и крепко спали до самого утра. Пока на них не было одежды, они не могли носить мечи и причинять неприятности.

Но как Тэссю ни был занят политикой, он никогда не забывал о медитации. Киекава Хатири, известный радикальный политик, выражал недовольство по этому поводу:

— Ты слишком много времени тратишь на медитацию. Когда ты сидишь, работаешь ли ты на своего господина? Служишь ли ты в это время стране? Народу?

Тэссю ответил вопросом на вопрос:

—А вы уверены, что вы сами действительно служите своему господину, своей стране и народу?

— Конечно, я в этом уверен, — надменно бросил Хати́ро. — Я служу им день и ночь.

—Простите меня за эти слова, — вежливо сказал ему Тэссю, — но я не думаю, что вы служите кому бы то ни было, кроме себя самого. Ваши домашние слуги, разумеется, всегда служат вам, не обращая внимания на собственные удобства. Они не делают «принципа» из служения вам; они скромно выполняют свои обязанности. Если переоцениваешь важность своего служения стране и считаешь каждую услугу, которую ты оказал, то это вовсе не служба. Вы просто делаете все это ради придуманных наград. Забудьте о себе, в своем сердце помните о своих соотечественниках и не разглагольствуйте об этом. Никогда не похваляйтесь, что вы так-то и так служите стране — и тогда вы на самом деле будете служить отечеству. (Кстати, Киекава, сторонник крайних мер, был убит соперничающей группировкой.)

В 1867 году Тэссю вступил в личную гвардию сегуна Токугавы Есинобу. А тем временем сегунат агонизировал. 3 января 1868 года вооруженные отряды под командованием самурая Сацума под знаменами императора Мэйдзи захватили дворец Токугава в Киото, провозгласив отмену сегуната.

Началась непродолжительная гражданская война. Более сильные императорские войска отразили попытку войск, оставшихся верными сегуну, вернуть

себе Киото, наголову разбили их у Тоба-Фусими и стремительно наступали на Эдо, последний оплот Токугава. Есинобу и его советники собрались, чтобы решить, что делать дальше. Большинство было за «ожидание», то есть за «откладывание решения до последней минуты». Тэссю, с другой стороны, настаивал на немедленных действиях, говоря: «Если мы будем медлить, то потеряем все». Когда у него спросили, что он имеет в виду, Тэссю предложил отправиться на переговоры непосредственно с Сайго Такамори, командующим императорскими войсками. «Это слишком опасно, — запротестовали остальные. — Тебя непременно убьют прежде, чем ты сможешь до него добраться».

Тэссю это не остановило. Он получил от Есинобу разрешение вести переговоры от его имени, забежал домой сообщить жене, что отправляется по «поручению», и направился в ставку Сайго в Сидзуока. Несмотря на то что в Сидзуока было видимо-невидимо вооруженных до зубов дозорных, Тэссю выбрал прямой маршрут, упорно и решительно двигаясь прямо по дороге. Он добрался до лагеря Сайго, и никто его не остановил — только герой или глупец мог с такой уверенностью пройти сквозь вражеские посты.

Суть того, что Тэссю сказал Сайго, была такая: «Продолжение этой гражданской войны погубит страну. Необходимо избежать дальнейшей борьбы. Является ли волей императора убийство наших соотечественников?» Сайго посоветовался со своими помощниками и вернулся с предложением.

Императорские войска согласны пойти на мир, если Токугава Есинобу примет следующие условия:

1. Сдача замка в Эдо.
2. Эвакуация всех войск с окруженной территории.
3. Сдача всего оружия.
4. Сдача всех военных кораблей.
5. Ссылка Есинобу в Бидзэн.

— Я могу согласиться на все эти условия, кроме одного. Я не могу принять пункта о ссылке Есинобу. Его слуги никогда не пойдут на такое бессмысленное унижение, — заявил Тэссю.

— Это приказ императора! — властно сказал Сайго.

— Даже в этом случае, — спокойно ответил Тэссю, — я не могу пойти на это.

— Это приказ императора!

— Пожалуйста, поставьте себя на мое место. Я поклялся в верности своему господину и должен делать все, что в моих силах, отстаивая его честь. Если бы мы с вами поменялись местами, что бы сделали вы?

Какое-то время Сайго молчал, а затем сказал:

— Я понимаю. Я не могу дать вам официальный ответ, не посоветовавшись об этом с другими генералами, но я сделаю все, что смогу. Кстати, как вы добрались сюда из Эдо?

— Я шел по главной дороге, — сказал Тэссю.

Слегка озадаченный, Сайго спросил его:

— Разве вы не видели ничего необычного по пути?

— Видел. На всех дорогах полно дозорных. Это было довольно впечатляюще.

После пары чашек саке Сайго дал Тэссю документ, позволявший безопасно добраться до Эдо. По пути домой Тэссю встретил конюха, который вел небольшой табун лошадей.

— Чьи это лошади? — спросил он у конюха.

— Это подарок моего господина императорским войскам.

— Знаешь, я сейчас на службе в императорских войсках, так что дай-ка мне одну, — сказал Тэссю, запрыгивая на лошадь и срываясь с места.

Тэссю пробрался через вражеские кордоны без происшествий, правда, при подъезде к Эдо его обстреляли свои же часовые. К счастью, Тэссю вернулся благополучно, Сайго не настаивал на ссылке Есинобу, замок в Эдо был мирно передан императорским войскам, и сильного кровопролития удалось избежать. Отдельные стычки шли весь следующий год, но в итоге вся страна попала под власть императора. Эдо, переименованный в Токио, стал столицей нового правительства Мэйдзи. (По поводу встречи Сайго с Тэссю существуют разные мнения. Сторонники Кацу Кайсю заявляют, что Тэссю был всего лишь гонимым, передавшим письмо Кайсю Сайго, и что настоящие переговоры проходили во время позднейшей встречи между Кайсю и Сайго. Тем не менее, по версии Тэссю и из других источников, очевидно, что он провел начальные переговоры в качестве представителя Есинобу.)

Если некоторые из ближайших сторонников Токугава Есинобу вместе со своим господином отошли от политической жизни, то многие, такие как Тэссю,

присоединились к правительству Мэйдзи. В 1869 году Тэссю получил назначение в Сидзуока для содействия в реорганизации управления в этом районе. Не хватало еды, пиши и жилья, многие уехали из-за боевых действий. Тэссю без устали трудился над возвращением старых земель и получением новых для разорившихся жителей. Тэссю также помогал разрабатывать чайные плантации Маки-но-хара, на которых сегодня выращивают шестьдесят процентов японского чая. После двух лет службы в Сидзуока Тэссю вскоре получает назначение в префектуры Ибараги и Имари. В 1872 году Тэссю начинает службу при императорском дворе, где становится близким другом и помощником, пользовавшимся наибольшим доверием императора Мэйдзи.

Несмотря на нелегкие обязанности государственного деятеля и постоянную занятость, Тэссю находил возможность посвятить всего себя своему главному делу: совершенствованию духа через практику и учение Пути. Как многим из нас сейчас, обязанности не позволяли Тэссю безмятежно погрузиться в религию и искусство. Он не мог «улизнуть» от своих многочисленных обязанностей, но это вовсе не служило помехой: государственная служба, семейная жизнь и великое просветление не были для него вещами несовместимыми. Теперь о том, как это происходило на самом деле.

2

МЕЧ БЕЗ-МЕЧА

У Тэссю, известного как «Оборванец Тэцу», было еще одно прозвище — «Демон Тэцу». За что бы ни брался Тэссю, даже если это было самым ничтожным делом, он всегда отдавался ему полностью. Несмотря на то что отец Тэссю не был великим мастером боевых искусств, в клане Оно в прошлом было немало прославленных мастеров меча, и Асаэмон мечтал, чтобы его энергичный сын пошел по стопам своих предков. Свой путь в искусстве владения мечом Тэссю начал в школе *Синкагэ Рю* под руководством мастера Кусуми Кантэкидая в возрасте девяти лет и с этого момента не пропускал ни одного дня тренировок. После того как семья переехала в Такаяма, наставником Тэссю стал Иноуэ Киетора, весьма уважаемый мастер меча из школы *Оно Итто Рю*.

В Эдо Тэссю поступил в Кобукан, государственный военный институт, и переходил из одного знаменитого тренировочного зала (додзе) в другой. Ростом в шесть футов и обладавший громадной физической силой, Тэссю стал сущим наказанием для тренировочных залов Эдо. Однажды он одним ударом проломил двухдюймовую стену в зале Кобукан кэндо. Некоторые додзе запретили Тэссю наносить удары по *котэ* (наручнику) противника, так как боялись, что Тэссю может сломать тому руку. Свои тренировочные принадлежности Тэссю всегда носил с собой; когда

бы он ни услышал звук бамбуковых мечей, сразу же мчался туда и просил, чтобы ему позволили поучаствовать. На общих тренировочных занятиях многие мастера меча делали короткую передышку между схватками. Только не Тэссю — он не снимал своего шлема и бился с одним мастером меча за другим. Его друзья шутили: «Демон Тэцу искусство меча любит больше, чем есть и спать».

Все гости Тэссю, независимо от того, зачем они пришли, непременно оказывались в саду, чтобы скрестить меч с хозяином. Когда по утрам приходили разносчики продуктов, Тэссю, всю одежду которого составляла лишь набедренная повязка (*фундоси*), просил их со всей силы ударить его по любой части тела. Естественно, разносчики устали разбивать кулаки о тело странного клиента, твердое как скала, и умоляли брата Тэссю вступить за них.

— Но я просто тренирую свое тело, — объяснил Тэссю. — Самурай должен быть готов ко всему.

— Может, оно и так, — сказал брат, — но ты отпугиваешь всех разносчиков. Как ты собираешься получать продукты?

— Хорошо, хорошо! — засмеялся Тэссю. — Передай им, что ранних утренних тренировок больше не будет.

В течение первых лет в Эдо Тэссю участвовал в бесчисленном множестве состязаний с лучшими мастерами меча Японии. Он никогда не терял бойцовского настроения, ни во время туалета, ни во время сна. Когда как-то ночью Тэссю, спавший вместе со своим мечом для тренировок, случайно был разбужен другом, то уже через мгновение он был на ногах и зашишался.

Тем не менее однажды самоуверенный двадцативосьмилетний Демон Тэцу встретил в лице Асари Гимэй (Есиаки), мастера меча из школы *Наканиси-ха Итто Рю*, соперника, равного ему по силам. Когда Тэссю узнал, что этот прославленный мастер меча находится в городе, он вызвал его на состязание. После необходимой подготовки два мастера встретились. Состязание длилось полдня. Тэссю неистово атаковал, однако Асари уклонялся от каждого удара, все время держа Тэссю на расстоянии. Вконец концов они схватились, зацепившись рукоятками мечей. Тэссю, используя превосходство в росте и весе, сбил Асари с ног.

Асари поднялся, и они встретились лицом к лицу в середине зала.

— Что ты думаешь об этом состязании? — спросил Асари у Тэссю.

— Схватка была тяжелой, но, к счастью, я смог одержать победу, — гордо ответил Тэссю.

— Нет, я победитель, — заявил Асари.

— Вы ошибаетесь. Я победил, — настаивал Тэссю.

— До того, как ты свалил меня, мне удалось нанести точный удар по грудному шитку.

— Это невозможно. Я ничего не почувствовал.

— Проверь свой нагрудный шит.

Тэссю проверил и обнаружил три пробитые бамбуковые планки. Отказываясь верить в то, что проиграл, он негодуяше закричал:

— Это прогрызли насекомые, а я просто никогда раньше этих следов не замечал!

Вечером того же дня Дэйсю, шурин Тэссю, видевший состязание, пришел к Тэссю домой и сказал:

— Знаешь, а ведь Асари говорил тебе правду.

— Да, — сознался Тэссю. — Я сам знаю.

Как было принято в то время, Тэссю стал учеником того, от кого потерпел поражение. Асари был еще более страшным противником. Первое время во время их схваток на деревянных мечах Тэссю не мог принудить Асари перейти к обороне. По сути, Асари, который был на двенадцать лет старше и в два раза меньше Тэссю, часто заставлял того пятиться к стене тренировочного зала. *Киай* (духовная сила) у Асари была невероятна. В конце концов Асари выгнал Тэссю из додзе на улицу, сбил его с ног и бесцеремонно захлопнул дверь перед его носом.

Всякий раз, когда Тэссю закрывал глаза, он видел Асари, который возвышался над ним подобно горе, атакуя изумленного ученика. Терзаемый этим постоянным видением, Тэссю удвоил свои усилия как в тренировочном зале, так и на коврик для медитации. Мастер дзэн Ганно посоветовал ему:

— Если противник пугает тебя или приводит в замешательство, это означает, что тебе не хватает истинного понимания. Разреш коан «Ни одна вещь изначально не существует» (*хонрай муйтибуцу*), и все препятствия исчезнут.

Хотя Тэссю и смог разрешить этот коан после десяти лет созерцания, он все еще был не в состоянии стряхнуть с себя загадочное видение. Тэссю советовался с Тэкисум, настоящим из Тэнрюдзи, и тот дал мастеру меча следующий коан из «Пяти категорий» Тодзана:

Когда встречаются два сверкающих меча,
назад путь закрыт;
Двигайся спокойно, как цветок лотоса,
цветущий посреди бушующего огня,
И смело пронзай Небеса!

Коан повествует о четвертой категории, взаимном слиянии. Настоящий боец перемещается без колебаний сквозь путаницу и хаос материального мира, избегая любой двойственности.

В течение последующих трех лет Тэссю постоянно ломал голову над этим коаном. В перерывах между беседами Тэссю обычно скрешивал две трубки, пытаясь разрешить загадку; во время еды он складывал вместе палочки как два меча. Около постели Тэссю всегда хранил пару деревянных мечей. Если возможное решение озаряло его ночью, он вскакивал с постели, просил жену взять меч и противостоять ему.

В сорок пять лет после упорных тренировок и беспрестанного самоанализа Тэссю достиг великого просветления. Однажды утром, 30 марта 1880 года, во время медитации значение коана Тэкисуя открылось само собой. Он утратил всякое ощущение времени и пространства; угрожающий меч Асари исчез.

Годами закалял я свой дух,
изучая искусство меча,
Каждый вызов приемля без страха.
Стены обрушились вдруг;
Подобно капле росы, отражающей мир
в кристальной своей чистоте,
Пробужденье пришло.

В то же самое утро Тэссю пошел в додзе Асари, чтобы испытать свое просветление. Как только Асари скрестил с Тэссю меч, он понял, что его ученик постиг состояние «без-врага». Асари опустил свой меч и сказал: «Ты достиг». Говорят, что после того, как он официально признал Тэссю своим преемником в качестве Тринадцатого Главы школы Наканиси-ха Итто Рю, то никогда уже не брал в руки меч.

Вскоре после этого Тэссю основал школу *Муту Рю. Муту* («Без-меча») не было новой концепцией. Тэссю считал, что он скорее возрождает, чем создает что-то новое — его любимым изречением из «Бесед и суждений» Конфуция было: «Не создавай своих собственных учений, дорожи учениями древних» — и его школа (*Рю*) была строго выдержана в традициях прошлого. После того как Оно Нариро назначил его Десятым Главой Оно Итто Рю, Тэссю стал называть свою школу *Итто Седэн Муту Рю* (Система Без-Меча Правильной Передачи Учения Ито Иттосай).

Хотя Тэссю и владел маленьким, созданным им самим додзе, после создания *Муту Рю* возникла необходимость в более крупном тренировочном зале. Тэссю использовал вознаграждение, полученное после ухода в отставку из правительства, на создание зала, который он назвал Сюмпукан. Название взято из стихотворения Букко Кокуси, китайского монаха тринадцатого века, который приехал в Японию преподавать боевой дзэн сегунам Камакура. Когда Букко был еще на материке, на его храм напали дикие монгольские отряды. Когда нукеры бросились на него

с саблями наголо, Букко спокойно поднял глаза, прервав медитацию, и прочитал такое стихотворение:

Негде укрыться на земле и на небе;
Блажен, кто знает, что все пустота
и что человек ничто.
Воистину прекрасны сабли монгол,
Рассекающие весенний ветер подобно
вспышкам молнии.

Монголы, хоть и варвары, были поражены самообладанием Букко настолько, что не причинили ему вреда.

«Весенний ветер» по-японски звучит как «*сюмпу*». Созданный Тэссю Сюмпукан (*кан* означает зал) был не просто тренировочным залом, где обучали бить кого-то палкой по голове; это было священное место, где ковался дух и достигалось просветление.

При помощи мыслей постигать
действительность — это иллюзия;
Если думаешь о победе или поражении,
то потеряешь все.
В чем секрет искусства меча?
Молнии разрезают весенний ветер!

В Сюмпукан Тэссю мало внимания уделял сложным объяснениям и рациональному анализу техники. Он редко поправлял движения рук и ног учеников. В отличие от других школ владения мечом, где учеников наставляли: «Если ваш противник принимает такую-то стойку, в ответ примите такую-то стойку», в новой

На этой очаровательной картинке, датированной 30 марта 1886 года, изображены Три Патриарха школы Итто Рю. В центре — основатель Ито Иттосай Кагэхиса. Надпись над ним гласит:

*Его несравненный меч мудрости рассекает мир
реальности.*

*Просветление достигнуто, отброшена форма.
Совершенный мастер, шагающий по вселенной.*

Справа Второй Патриарх Оно Дзироэмон Тадааки. В стихотворении сверху сказано:

*Он сидел на высоком обрыве, настоящий
сын льва;*

*Его свободная энергия никогда не убывала,
даже если весь мир бросал ему вызов.*

Слева Третий Патриарх Ито Тэндзэн Таданари. Стихотворение рядом с ним гласит:

*Особый путь к великой победе —
быть в гармонии со всем сухим;*

*Жизнь и смерть, длина и ширина —
между ними ни малейших разногласий.*

Под Тремя Патриархами Тэссю изобразил себя (справа), рассказывающего про патриархов своему ученику, мистеру Накамура (слева). Над Тэссю находится надпись:

*Стоящий в додзе суйгэцу,
сражающийся в цветах пустоты.*

Это переделанное Тэссю дзэнское изречение «Сидящий в додзе суйгэцу, постигающий мириады форм цветов пустоты». Цветы пустоты видят как Будды, так и простые смертные, но те, кто достиг просветления, знают, что они фальшивы, тогда как заблуждающиеся думают, что они реальны

школе Муту Рю ученикам предписывалось полностью посвятить себя *ути-коми* по крайней мере на три года. *Ути-коми* — это «тренировка нападения», частые прямые удары по *мэн* (верхней части головы) противника. Важным моментом являлось то, что никогда нельзя было отступать или колебаться; бойцы должны были продолжать атаку до тех пор, пока не упадут. Это не означало, что Тэссю пренебрегал техникой; выдержку не развить другими способами. Когда ученики жаловались на то, что спустя год тренировок у них нет прогресса, Тэссю громко кричал: «Ты только начал! — и продолжал, указывая на свой живот: — Ты должен пережить искусство меча здесь!»

В трехлетних занятиях *ути-коми* было много преимуществ: тело становилось крепче, развивались сила рук, острота зрения, устойчивая стойка и мощная хватка, движения делались все плавнее и отличались мощными ударами и стремительными атаками; равнодушный к победе и поражению, полностью погруженный в движение руки, человек не терял присутствия духа. (Критики этой системы называли тренировки Муту Рю «колкой дров».)

Для продвинутых учеников Тэссю применял более суровые формы тренировки. Он ввел новый метод, который назвал *сэйган*. «Сэйган» — это буддийский термин, означающий «клятва», как, например, клятва Шакьямуни достичь просветления либо клятва Бодхисаттвы спасти все живые существа. В данном случае это была клятва бросить вызов смерти, с тем чтобы достичь основных принципов искусства владения мечом.

Сэйган были трех видов. Первому сэйган предшествовал продолжавшийся тысячу дней период занятий. В конце этого периода от кандидата требовалось принять участие в сэйган, состоящем из двухсот поединков с другими мастерами меча в додзе. Принимавший участие в соревновании постоянно (то есть *тати-кири*, как еще называли сэйган) отражал атаки своих противников, шедшие одна за одной. Делались лишь краткие перерывы на обед, состоявший из вареного риса и соленых слив. Поединки шли с раннего утра до того момента, пока каждый не сразится с двумя сотнями противников.

После дальнейших тренировок достойные кандидаты допускались ко второму сэйгану: шестьсот боев в течение трех дней в том же режиме, что и в первом сэйгане.

Третий сэйган был последним испытанием и представлял из себя семидневный марафон, состоявший из тысячи четырехсот схваток и требовавший от мастера меча максимального напряжения физических и духовных сил. Тэссю писал:

Искусство владения мечом должно открывать суть вещей, когда человек может открыто противостоять жизни и смерти. В последнее время искусство меча превратилось во времяпрепровождение, не затрагивающее важных вопросов. И чтобы противодействовать этому, я ввел недельную учебную сессию, состоящую из тысячи четырехсот боев. Вначале мастеру меча такие состязания покажутся похожими на обычные тренировки; однако к концу, по мере увеличения количества боев, будет

меняться и характер самого боя — испытываемый должен будет опираться на силу духа. Это настоящее искусство владения мечом. Если у человека нет непреклонной решимости, то он никогда не добьется успеха, сколько бы лет он ни тренировался. Таким образом я создал этот особый метод тренировки для того, чтобы проверить степень решимости своих мастеров меча. Укрепите свой дух и энергично беритесь за дело!

Сохранились два описания мастеров меча, прошедших сэйган.

Первым кандидатом был Кагава Дзэндзиро: «В первый день бои начались в шесть часов утра. Мне противостояли десять противников и, за исключением короткого перерыва на обед, примерно до шести часов вечера я ни разу не присел и не снимал доспехи, пока не провел двести поединков. Это было непросто, но я был в более или менее хорошем состоянии. Тем не менее позже ко мне домой пришел один из моих соучеников и передал записку от Учителя Тэссю: «Ты работаешь не в полную силу! Ты должен больше стараться!»

На второй день я решил показать все, на что способен. Тэссю тоже наказал моим соперникам не шадить меня. К середине вечера я испытывал огромную усталость. Так или иначе я провел необходимое количество боев и припелся домой. Мои ноги так сильно распухли, что я был не в состоянии подняться, чтобы дойти до туалета. К концу третьего дня я шатаясь ходил по додзе, едва держась на ногах. И тогда для схватки со мной в зал вошел один из

Секи, популярный демон-разрушитель из народного творчества, изображен здесь в виде мастера меча.

*Держитесь подальше, демоны!
Секи стоит на страже пустоты!*

Мастера меча, достигшие полного просветления, стоят в пустоте (ку), утратив всякую привязанность к вещам и явлениям. В «Книге Пустоты», последней из «пяти колец» Мусаси, говорится, что человек становится мастером Пути, когда он «свободен от сомнений, облака заблуждений скрылись из виду и он познал истинную пустоту»

бывших учеников. Подлый, невоспитанный хам, известный своими нечестными приемами, больше всего он любил наносить серьезные увечья сопернику. Боль и усталость с меня как рукой сняло; я полностью сосредоточился на своем нечестном сопернике. Даже если он раскроит мне череп, он тоже умрет. Подняв меч высоко над головой, я уже приготовился пересечь додзе, чтобы сразиться с ним, когда Тэссю внезапно закричал: «Отлично! Отлично! Достаточно!» Я был озадачен этим, потому что не провел еще нужное количество боев, тем не менее Тэссю велел мне не беспокоиться и возвращаться домой. Ту ночь я не ел и не спал. На следующее утро жена помогла мне подняться на ноги. На улице шел дождь, но я не мог поднять руки, чтобы нести зонт, поэтому она накинула на меня одеяло. Я шел в тренировочный зал в уверенности, что это будет последний день моей жизни — я твердо решил скорее умереть, чем не закончить сэйган. Когда я добрался до додзе, Тэссю уже ждал меня. «Готов продолжать?» — спросил он. «Да», — тут же ответил я. К моему удивлению Тэссю приказал мне прекратить испытание, а остальным ученикам завершить остаток сессии». У Тэссю не было необходимости подвергать Кагаву дальнейшему испытанию, поскольку тот постиг «Меч Без-Меча».

Янагита Гандзиро прошел сэйган из двухсот боев в последний день тысячедневного периода тренировок. Затем он занимался пятьдесят дней подряд и прошел трехдневный сэйган из шестисот боев. Удары, полученные от короткого и толстого бамбукового меча Муто Рю (синай), были крайне болезненными. Янагита

вспоминал: «После первого дня моя голова была усеяна шишками, а тело покрыто синяками, но я не чувствовал слабости. На второй день я начал страдать. Я думал, что мне придется сдаться на половине пути. Я смог продолжить, и где-то к концу дня я испытал состояние «самоотрешенности» — я действительно слился воедино со своим соперником и двигался абсолютно свободно. И хотя дух мой был сильным, мое тело было слабым. Моча была темно-красной, и у меня не было аппетита. Но несмотря на это, схватки заключительных дней я провел с ясным сознанием; я ошущал себя так, словно парил среди облаков».

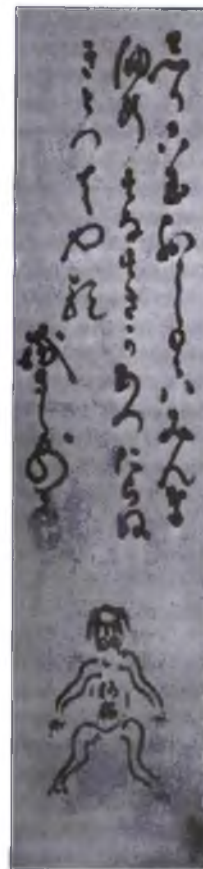
Тэссю не трогали подобные трудности. Он говорил своим ученикам: «Когда мне было двадцать четыре года, я принимал участие в совместной тренировочной сессии и за семь дней вступил в тысяча четырехсот схваток. Я не помню, чтобы уставал или испытывал боль. В искусстве меча есть победы и есть поражения, но гораздо важнее закаливание духа. В чем здесь секрет? Разум безграничен. Встречаясь с соперником, используйте свой разум, и вы никогда не почувствуете усталость, независимо от того, сколько схваток вы проводите и сколько дней они длятся. Задумайтесь над этим и упорней тренируйтесь!»

К сожалению, до нас не дошли воспоминания Коминами Ясутото и Сано (Тодзе) Дзисабуро, которые прошли семидневный сэйган. (Сано участвовал в памятном семидневном сейгане, проведенным после смерти Тэссю.) Согласно архивам Сямпука, восемь мастеров меча успешно прошли однодневный сэйган из двухсот боев. Огура Тэцудзю и Янагита Гандзиро

занимались ровно тысячу дней, считая однодневный сэйган. Янагита также успешно прошел трехдневный сэйган, как и Кагава Дзэндзиро. Два мастера меча, Коминами Ясутомо и Сано Дзисабуро, преодолели все три сэйгана: одно-, трех- и семидневный. Еще один мастер меча провел ката-сэйган, состоявший из 2750 движений. Успешное завершение сэйгана сопровождалось выдачей сертификатов, списков освоенных техник, а также памятного снаряжения. Однако по этому поводу нет четких сведений, и создается впечатление, что данная система применялась нерегулярно.

Одной глубины духа недостаточно; для создания настоящего искусства меча сила духа должна сочетаться с техническим мастерством. Для постановки у учеников правильной техники Тэссю заставлял их изучать классическую ката школы Итто Рю. Отточенная ката — формальные упражнения, охватывающие весь круг приемов, — дает мастеру меча готовность к любым неожиданностям. В отличие от придуманных, искусственно разработанных ката других школ, ката Мутто Рю всецело основаны на реальных боевых условиях. Существует пятьдесят основных ката школы Мутто Рю — на проведение всей серии требуется примерно тридцать минут — плюс ряд ката для продвинутых. И опять упор делается на основы: по крайней мере три года следует потратить на овладение первыми пятью ката.

Обычно занятия в Сюмпукан проводились с 6:00 до 9:00 утра. Ученики, жившие в додзе, вставали в 4:00 для того, чтобы убраться в саду, подмести

Этот каппа, фантастический водяной дух, обладавший огромной силой и боевым духом, является грозным соперником в борцовском состязании. Тэссю дает нам такой совет:

*Не мешкай,
Пытаясь защитить свой зад;
Как только появится
Удобный шанс,
Нападай!*

(Как полагают, Каппа любит вырывать печень противника через анус.)

тренировочный зал и подготовить снаряжение. К 6:00 собиралось от семидесяти до восьмидесяти мастеров меча. Тэссю двигался по периметру додзе, иногда позволяя ученикам атаковать свой шлем, а иногда молниеносно контратаковал, сбивая их на пол. Не было пространных объяснений — единственным наставлением было: «Упорней занимайтесь! Упорней занимайтесь!»

Тэссю развил у себя нечто вроде шестого чувства, часто удивляя учеников тем, что безошибочно говорил то, о чем они думают. Когда Тэссю спрашивали об этой «магической способности», он говорил: «Здесь нет ничего необычного. Если ваш разум пуст, то он отражает “искажения” и “тени” в разуме другого. В искусстве меча состояние без-разума дает нам возможность увидеть наилучшее место для удара; в повседневной жизни это позволяет заглянуть в сердце другого человека».

Несмотря на то что Тэссю возглавлял школу Муто Рю всего восемь лет, в нее попали более четырехсот учеников, включая некоторых из самых талантливых и эксцентричных мастеров меча Японии.

Хотя Хасэгава Унхати-ро, старшему ученику Муто Рю, и было больше семидесяти лет, он являлся единственным, кто мог более или менее противостоять Тэссю, всегда оказывая мощное сопротивление перед тем, как потерпеть поражение. Обладавший на редкость плохой координацией движений — всю свою жизнь он не мог ровно махать мечом — Хасэгава

олицетворял собой любимую поговорку Тэссю: «Когда дух един, есть ли то, что нельзя свершить?»

Тэссю нашел для Хасэгава работу в качестве охранника в Императорском дворце. В день полочки Хасэгава покупал огромный бочонок сакэ и с удовольствием каждый вечер понемногу цедил из него. К следующей зарплате бочонок был пуст. Наш мир Хасэгава покинул в соответствии со своим духом. Когда Тэссю приходил навестить Хасэгава, серьезно больного холерой, тот выпрыгивал из кровати, хватал меч и начинал яростно размахивать им. «Не беспокойтесь, Учитель, — успокаивал он Тэссю. — У меня все в порядке». Как только Тэссю уходил, Хасэгава тут же менялся, заявлял окружающим: «Я умираю» — и падал с ног.

Когда Накадзе Кинносукэ, старый знакомый Тэссю, узнал, что его младший сослуживец основал новую школу искусства меча, то пошел посмотреть на него. Тэссю сказал своему бывшему начальнику:

— Если бы сам Мусаси пришел и вызвал меня на поединок, то я не потерпел бы поражения.

Накадзе усомнился в этом:

— Ты это серьезно? Давай померяемся силами в поединке.

Когда они скрестили мечи, Накадзе был ошеломлен; он отбросил свой меч и признал:

— За все годы, что я посвятил искусству меча, я не видел ничего подобного.

Тэссю сказал:

— На то, чтобы достичь этого уровня, у меня ушло сорок лет. В молодости я чересчур рьяно стремился овладеть искусством меча.

Накадзе, на которого схватка произвела сильное впечатление, вступил в школу Муту Рю.

Существует еще одна версия этого поединка. В те дни схватка продолжалась до тех пор, пока один из соперников не признавал своего поражения словами: «Сдаюсь» (*майтта* или *майримасита*). Когда они сошлись, Тэссю сбил Накадзе с ног, однако более старший мастер меча отказался признать поражение от своего младшего соперника. Тэссю вынужден был продолжать атаковать, и в итоге Накадзе потерял сознание. Позже Накадзе пришел в себя и в недоумении отправился домой. На полдороге он вспомнил, что произошло; он вернулся в дом Тэссю, открыл дверь и крикнул: «Сдаюсь!»

Мураками Масатада также был давним знакомым Тэссю, ставшим его учеником. Среди всего прочего, Мураками был известен своей способностью успокаивать паникующую толпу своеобразным, но тем не менее действенным способом. Огонь легко охватывал японские дома, сделанные из дерева и бумаги. Во время одного из очень сильных пожаров в Токио горожане ринулись к ближайшему мосту в поисках спасения. Задние не знали, что мост, занявшийся от основного пламени, обрушился. Несмотря на крики «Не толкайте! Моста нет!», тех, кто был впереди, натиск обезумевшей толпы смял и сбросил в реку. Мураками, который присутствовал при этой сцене, выхватил меч и зарубил нескольких человек в середине толпы с воплем: «Всех убью! Всех убью!» Толпа,

охваченная ужасом, рассыпалась вдоль берега реки (в безопасное место) с тем, чтобы спастись от сумасшедшего. Вряд ли такой способ управления толпой можно порекомендовать как стандартную меру, но принесение в жертву нескольких людей содействовало спасению многих.

Мураками, подобно многим другим самураям, потерявшим источник средств к существованию в результате отмены феодальной системы, постоянно испытывал нехватку денег. Хотя его шурин Кайсю и его учитель Тэссю выплачивали Мураками энные суммы, он всегда выпрашивал еще. Мураками мог шантажировать престарелого Кайсю, но Тэссю это надоело, и он приказал тому жить на свои собственные доходы. Мураками, который в тот момент был пьян, оскорбил Тэссю и вызвал его драться на настоящих мечах. «В любое время, как только будешь готов, — бросил в ответ Тэссю. — Я буду ждать».

Тэссю взял свой деревянный меч (даже когда соперник был вооружен настоящим клинком, Тэссю, как правило, пользовался деревянным мечом) и до возвращения Мураками занялся чтением. Когда Мураками, протрезвевший, робко попросил прощения, Тэссю вскочил и начал гоняться за ним по всему дому. Остальные ученики изумились, увидев Тэссю, известного своим чрезвычайно уравновешенным характером, с таким свирепым выражением лица. Тэссю загнал Мураками в угол, заставив того дать слово никого более не беспокоить по поводу денег. Ученики никогда еще не видели более гневного выражения лица у Тэссю, равно как никогда не видели Мураками более бледным.

Мураками был большим оригиналом. Владевший сямисэн так же, как и мечом, на банкетах он пользовался большой популярностью как чтец народных баллад. Всякий раз, когда в Сюмпукан проводился сэйган, Мураками все время повторял припев «Убей ублюдка!».

В день похорон Тэссю Мураками насильно заперли из опасений, что он сделает сэппуку (ритуальное самоубийство). Мураками так и не оправился после смерти Тэссю, ведя бесцельное существование, пока сам не умер спустя несколько лет.

За много лет до того группировка, конкурировавшая с Тэссю, выбрала Мацуока Еродзу, мастера по цудзи-гири (уличным боям), чтобы поручить ему убийство молодого лидера ронинов. Мацуока пришел в додзе Тэссю под предлогом участия в соревнованиях на бамбуковых мечах.

— Если состязание проводится не настоящими клинками, — заявил он, — то я чувствую себя не в своей тарелке. Давай драться настоящими мечами.

Тэссю согласился, и они обнажили клинки. Мацуока не мог обнаружить ни малейшей прорехи в обороне Тэссю; наоборот, именно Мацуока угрожала опасность. Он был вынужден опустить меч и признать свое поражение. По своему обыкновению, Тэссю пригласил еще недавно угрожавшего его жизни соперника вместе выпить. Однако Мацуока все еще замыслил недоброе. «Если я не выполню свою миссию, то как я буду смотреть в глаза своим товарищам?»

В ресторане Мацуока сказал Тэссю:

— По правде говоря, в джиу-джитсу я более силен, чем в искусстве меча. Позволь мне показать тебе один захват.

Мацуока зашел за спину Тэссю и сделал удушающий захват, твердо решив сломать Тэссю шею. Тэссю вырвался из захвата, одной рукой сбил Мацуоку с ног, затем протянул ему чашечку сакэ и без тени гнева в голосе сказал:

— На, выпей.

Когда Мацуока сознался в истинной цели визита, Тэссю сказал, чтобы тот забыл об этом. Мацуока стремился попасть в команду Тэссю, но прежде чем дать свое согласие, Тэссю взял с него одно обещание. Если один из них пропустит хотя бы день тренировок, то другой может бить нерадивого мастера меча по голове деревянным мечом.

В дождь и в жару Мацуока появлялся в тренировочном зале. Тем не менее в один из зимних дней он не пришел. В тот же вечер Тэссю заглянул к Мацуока и обнаружил, что тот лежит в постели после пищевого отравления.

— Что! Ты все еще жив! — накинулся на него Тэссю. — Почему ты не пришел в додзе? Забыл наш уговор?

Той же ночью в дверь Тэссю постучали. Мацуока, закутанный в постельное белье, протягивал Тэссю деревянный меч и умолял:

— Убей меня.

— Ты не заслуживаешь того, чтобы быть убитым, — с презрением бросил Тэссю, захлопывая дверь.

Мацуока стоял в глубоком снегу, прося Тэссю добить его, пока Тэссю не послал пару учеников успокоить его и довести до дома.

У Тэссю было много хлопот с Мацуока, одним из его «Трех Сумасшедших» (двумя другими были Мураками и Накано Нобунари). Даже после того, как Мацуока стал учеником Тэссю, он продолжал заниматься цудзи-гири всякий раз, когда учитель не видел.

Когда однажды вечером они гуляли вдвоем, Тэссю остановился, чтобы воспользоваться общественным туалетом. Тем временем Мацуока исчез. После непродолжительных поисков Тэссю нашел его, когда тот направлял свой меч на высокого самурая, вызывая того на бой. После того как Тэссю за воротник гневно отташил Мацуока, он извинился перед самураем за недостойное поведение своего спутника. Самурай, стоявший со сложенными руками, произнес: «Ничего страшного» — и свалился в обморок.

В другой раз, без ведома Тэссю и по известным лишь ему одному причинам, Мацуока отправился убивать министра Ивакура Тономи. Ивакура отговаривал Мацуока от такого поступка, прочитав тому взамен лекцию о государственной ответственности. В своей неподражаемой манере Мацуока неверно истолковал замечания Ивакура и решил принести себя в жертву нации. Весьма неумело для опытного мастера меча, он так неудачно перерезал себе горло, что оставался в сознании до тех пор, пока не позвали Тэссю.

Как только Тэссю вошел в комнату, Мацуока с пафосом объявил:

— Сегодня я приношу себя в жертву на благо нации.

— Идиот! — прорычал Тэссю. — Что нация будет делать с таким куском дерьма, как ты! Я уйду отсюда немедленно!

Мацуока оправился от неудачной попытки самопожертвования, но прошлое непрестанно преследовало его. Терзаемый мстящими духами многочисленных душ тех, кого он безжалостно убил, Мацуока умер в алкогольном угаре.

Накано Нобунари, третий «Сумасшедший», любил говорить: «Моя жизнь в руках Учителя Тэссю». Хозяин Накано был убит во время гражданской войны, и он отправился к Тэссю за советом.

— Твой хозяин пал в бою, — наставлял Тэссю. — Для того чтобы не запятнать его память, тебе следует сделать сэппуку и сопровождать его после смерти.

Накано был не в восторге от такого предложения, однако Тэссю настаивал, что другой достойной альтернативы не существует. Накано принял нужное положение, собрался с мыслями и готов уже был распороть ножом свой живот, когда Тэссю закричал:

— Подожди! Раз уж ты сделал все необходимые приготовления, я временно беру твою жизнь в свои руки.

Двумя столпами Сюмпукан были Коминами Ясүтомо и Кагава Дзэниро. Коминами, один из двух

мастеров меча, прошедших все три сэйган, к старости ослеп. Но даже тогда, говорят, он мог выполнить ката Муто Рю с безошибочной точностью.

Из всех прямых учеников Тэссю Кагава оказал, наверно, наибольшее влияние на развитие современного кэндо. В качестве главного инструктора Национальной Полицейской Академии Кагава преподавал по всей Японии, а его лучший ученик, Исикава Рюдзо, воспитал нескольких наиболее выдающихся мастеров меча двадцатого века. Один из учителей автора, ныне покойный, вспоминал свои встречи с Учителем Кагава:

Наш наставник, Учитель Исикава, был учеником Учителя Кагава, и поэтому, когда Учитель Кагава оказался в наших местах, мы пригласили его провести урок в нашей средней школе. Сорок пять учеников вытянулись в линию, чтобы по очереди сразиться с ним. Несмотря на то что Учителю Кагава было около семидесяти, на каждого из нас хватало одной минуты — его удары косили нас. Покончив с нами, он взялся за Учителя Исикава. Они оба были выше шести футов, но Учитель Исикава был чуточку тяжелее. Когда Учитель Исикава бросился атаковать, Учитель Кагава пронес свой меч под руками нашего учителя, резко повернулся и швырнул Учителя Исикава на пол. Через мгновение Учитель Исикава был уже на ногах, готовый продолжать свою атаку. И опять он оказался на полу. Как правило, даже самые лучшие мастера меча мало что могут сделать, кроме как вывести из равновесия своего противника. Учитель Кагава тем не менее фактически подбрасывал в воздух Учителя Исикава. В конце концов Учитель Исикава

рухнул на пол, не в состоянии больше пошевелиться. Пока мы помогали нашему учителю подняться, Учитель Кагава спокойно снимал с себя доспехи, как будто не произошло ничего необычного. Я никогда не видел ничего подобного ни до, ни после этого; дрожь пробиралась от одной мысли, какими же были тренировки в Сюмпукан в лучшие времена.

Янагита Гандзиро, прошедший 1500-дневный курс тренировок и одно- и трехдневный сэйган, был глубоко уважаемым наставником кэндо в университете Тохоку в Сэндай, а также автором классического учебника эпохи Мэйдзи «Кэндо Кехан».

Поначалу Огура Тэцудзю (в то время известный как Ватанабэ Исабуро) неуютно чувствовал себя в Сюмпукан. Тэцудзю изучал китайские классические произведения, а беспокойная жизнь ученика, живущего при додзе, оставляла мало времени на чтение. Огура на время забросил занятия в Сюмпукан, с тем чтобы учиться в других учебных заведениях, но очень скоро понял, что лучшее образование, которое он может получить, — это образование в тренировочном зале Тэссю. Тэссю согласился вновь принять Огура к себе и сказал ему принести табличку. Тэссю написал на ней: «Ватанабэ Огура торжественно обещает пройти тысячедневный тренировочный курс». Затем Тэссю повесил эту табличку в додзе.

Особенно не давали жизни книжному червю Огура старшие ученики, приберегая для высколки самые сильные удары. Несмотря ни на что, Огура выдержал весь срок, включая однодневный сэйган

в завершающий день. В конечном счете Огура все же променял искусство меча на жизнь ученого и занятия дзэн. Впоследствии Огура основал в Токио *Ити-куай Додзе*, где некоторые из выдающихся мастеров боевых искусств изучали дзэн и практику *мисоги*.

Сано Дзисабуро, единственный мастер меча, прошедший все три сэйган, был полной противоположностью Огура. Сын бедного торговца тофу, Сано был совсем необразованным и зарабатывал на жизнь, работая строителем. Кэндо было для него жизнью; каждую свободную от работы минуту он проводил в додзе. Спустя годы Сано стал уважаемым наставником и умер от удара в разгар тренировочной сессии.

Повеса Судзуки Юсо (Канте) был одним из негодяев, виновных в подделке каллиграфии Тэссю. Искусный каллиграф, Судзуки мог создать почти идеальные копии работ своего учителя. Когда у Судзуки не было денег, он писал каллиграфические работы «Ямаока Тэссю» и продавал их где-нибудь на окраине. Получив деньги, он каждую иену проматывал в районе красных фонарей. Однажды, когда Тэссю прогуливался мимо магазинчика торговца произведениями искусства, он заметил каллиграфию «Тэссю», висевшую в витрине. Он принес подделку домой, позвал Судзуки и сделал ему выволочку. «Это ведь ты написал? Не может быть, что мой ученик сотворил такое!» (Судзуки был не единственным в окружении Тэссю, кто совершал подобные неблагоприятные

поступки. Грустно об этом говорить, но есть достоверные свидетельства, что после смерти Тэссю его сын Наоки использовал печать отца для своих собственных работ.)

Когда Тэссю умер, Судзуки, убитый горем, побрил голову, построил небольшую хижину возле могилы своего Учителя и посещал ее днем и ночью в течение трех лет. Для удобства многочисленных паломников, посещавших могилу, Судзуки продавал им благовоения и цветы. Он не потратил ни одной иены из этих денег, и поэтому накопилась значительная сумма. Втретью годовщину смерти Тэссю Судзуки использовал эти деньги на проведение огромного застолья в честь своего учителя. Спустя три года траура Судзуки вернулся к обычной жизни, став в итоге весьма состоятельным бизнесменом.

Помимо постоянных учеников — мастеров меча, в Сюмпукан занимались несколько высокопоставленных государственных чиновников, не столько для того, чтобы совершенствоваться в кэндо, сколько для того, чтобы укрепить и расширить свой дух. В их число входили выдающиеся деятели Котэда Ясусада и Китагаки Кунимити, а также знаменитый судья Кавамура Есимасу.

Среди необычных мастеров меча, наносивших Тэссю визиты вежливости, были «Палач Асаэмон» и «Ужас Эдо». Асаэмон был одним из официальных палачей при старом военном режиме. За время своей службы он отрубил более двух тысяч голов. Тэссю спросил его:

— Вы видели многих людей в последние минуты жизни. Были ли вы свидетелем чего-нибудь необычного?

— Только однажды, — ответил Асаэмон. — Я должен был казнить бандита Нэдзуми Кодзо [японский Робин Гуд] и его любовницу, гейшу Ханате. Первой шла Ханате. Она отказалась от повязки на глаза и ожидала удара клинка с абсолютным спокойствием. Когда я поднял свой меч, чтобы свершить правосудие, мои руки окаменели. Я опустил клинок и попробовал снова. Впервые за долгий опыт работы мной овладела нерешительность. В конце концов я глубоко вздохнул и убедил себя в том, что достоин того, чтобы взять голову Ханате. Следующим был Нэдзуми Кодзо. Он также решительно направился к месту казни и отказался от повязки на глаза. «Пожалуйста, сделай это сразу», — сказал он. И вновь с большим трудом, только с третьей попытки, удалось мне преодолеть подавляющую духовную силу приговоренного.

— Понятно, — задумчиво произнес Тэссю. — Их сердца были честны, а совесть чиста. Такая смерть достойна благороднейших самураев.

Тэссю сказал Ужасу Эдо, недавно освободившемуся после долгого тюремного заключения:

— Я слышал, что ты провел больше тридцати боев. Где ты учился искусству меча?

— Я почти полностью самоучка и всем приемам научился на улице, — ответил Ужас.

— Как тебе удалось избежать поражений?

— Когда я получал вызов, то перемешался достаточно близко, чтобы почувствовать кончик клинка

своего соперника. Если он крепко стискивал меч, я знал, что одолею его — один неожиданный выпад и с ним все кончено. С другой стороны, если соперник держал меч свободно, твердо отражая энергию ки, то шансов у меня не было — я бросал свой меч прямо в него и убегал. Так я остался непобежденным.

Бывали и незванные гости. Группа сторонников Сайго Такамори решила отомстить Тэссю, который, как они полагали, был виновен в поражении их вожака во время неудачного восстания 1877 года. Однако, подобно всем предыдущим наемным убийцам, осуществиться их планам помешала физическая и духовная мощь Тэссю. Во время их «визита» домой к Тэссю один из заговорщиков по имени Симада загадочно заметил:

— Трудно убить человека, не так ли?

— Вовсе нет, — заметил Тэссю. — Это трудно только тогда, когда сам хочешь остаться в живых.

После того как они ушли, Тэссю пожалел о своем высказывании:

— Этот Симада не понял меня. Он плохо кончит.

На следующий день Симада зарезал министра иностранных дел Окубо Тосимити, главного соперника Сайго в правительстве Мэйдзи.

Тэссю несколько раз вступал в незабываемые схватки с лучшими мастерами того времени. Мастер меча по имени Такаяма ворвался в додзе токийской Полицейской Академии и нанес поражение тридцати старшим наставникам подряд. Затем когда он вызвал на бой Тэссю, то пустил в ход свою коронную атаку,

Вторая, третья и четвертая части состоящей из десяти картин серии «Приехать домой на быке», традиционной темы дзэнских художников. Слева сверху — «Поиски следов быка»; слева внизу — «Обнаружение быка»; справа сверху — «Поимка быка». Другими словами, практикующийся получает первое неясное ощущение, затем некоторое представление, а потом — временное осознание ускользающей реальности дзэн

но безрезультатно; Тэссю отбросил его назад и усадил на стул в вестибюле тренировочного зала.

Время от времени Тэссю проводил показательные выступления перед императором. Как-то во время такого состязания с Ватанабэ Нобуро, одним из достойнейших соперников, трудно было уследить за движением меча, и император не заметил решающего выпада Тэссю.

— Если бы клинки были настоящими, — сказал Тэссю с определенной долей иронии, — то Ваше Величество смогли бы заметить момент, когда была одержана победа.

— А это опасно?

— Нет, — заверил его Тэссю. — Небольшая резанная рана пустит кровь, и Ваше Императорское Величество будет иметь ясную картину происходящего.

Император отказался.

Большинство японских исследователей и не подозревает о том, что Тэссю состязался с прославленным Сакакибара Кэнкити, четырнадцатым Главой Дзикисинкагэ Рю. После взаимных поклонов оба мастера подняли мечи над головами для *дзедан-катаэ*. Никто из них не сдвинулся ни на дюйм, продолжая по-тигриному свирепо смотреть друг на друга и глубоко дыша животом. Пот лил с них ручьем, и через несколько минут их форма была мокрой насквозь. Противостояние продолжалось больше сорока минут. Неожиданно оба мастера вложили свои мечи в ножны, низко поклонились, и поединок завершился. Никто из присутствовавших там учеников не мог определить победителя; мнения сходились на том, что это ничья,

так как никто из мастеров не смог найти ни малейшей бреши в обороне соперника. Однако Тэссю редко делал движение первым во время поединка, а Сакакибара был известен тем, что первым начинал атаку. Поэтому больше похоже на то, что проиграл Сакакибара.

Как-то раз Тэссю использовал свою голову, чтобы выиграть бой. Когда Огуса Такидзиро, один из бывших военачальников Тэссю, узнал о школе Муту Рю, то решил проучить своего зарвавшегося подчиненного.

— У тебя стыд есть? — спросил Огуса, ворвавшись в комнату Тэссю. — Как ты посмел открыть свою собственную школу? Получай!

Когда Огуса колотил Тэссю кулаками по голове, тот спокойно принимал удары, не делая попыток защититься. Огуса устал колошматить Тэссю по лицу, обиделся и ушел. Когда Тэссю спросили о причине такого поведения, он объяснил: «Необходимо укреплять наше тело, и этот случай просто был еще одной формой тренировки. Это было состязание воли, где боль моей головы соревновалась с болью кулаков Огуса. Так как он отступил, то я победитель». Очевидно, Огуса решил так же, потому что позже он принес официальные извинения.

Меч Тэссю был *кацудзин-кэн*, то есть клинком, защищающим и поддерживающим жизнь. Хотя Тэссю никогда не лишал никого жизни, сам он был готов в любой момент рискнуть своей собственной. Еще до реставрации Мэйдзи Тэссю шел как-то через лес и повстречал охотника с ружьем. «Даже самый искусный мастер меча не сравнится с ружьем», — сказал

охотник, направляя ружье на Тэссю. Ни секунды не колеблясь, Тэссю выхватил свой меч и бросился на охотника. Испуганный охотник бросил винтовку и в замешательстве бежал. Охотник, боящийся смерти, не может избежать поражения независимо от того, как хорошо он вооружен; Тэссю, готовый без сожаления расстаться с жизнью, не может проиграть.

Меч, дарующий жизнь, многолик, и иногда он может серьезно поранить. Усуи, один из молодых учеников Тэссю, постоянно страдал. Когда ему было восемь лет, его родители были безжалостно убиты во время сна наемными убийцами. Мальчик поклялся когда-нибудь отомстить за смерть родителей, и после того как его взяли в Сюмпукан, он попросил совета у Тэссю.

— В те дни происходило много ужасных вещей. Сейчас установлен новый порядок, лучше выкинуть это из головы.

— Я не могу, — рыдал Усуи. — Мое сердце никогда не будет спокойно, пока не отомщены мои родители.

— Тогда покончи с этим, — сказал Тэссю.

Целью Усуи был негодяй по имени Исэ, тот самый заказчик убийства его родителей. Усуи планировал нападение, но ему пришлось воздержаться, так как Исэ сопровождали телохранители. (У Исэ было много врагов, и он никогда не ходил один.) Когда Тэссю услышал о неудачной попытке, он накинулся на Усуи: «Как ты можешь пекься о личной безопасности, когда на карту поставлена честь твоих родителей? Ты жалкий трус!» Когда в следующий раз судьба свела

Усуи с врагом, он уже не осторожничал, и отмишение свершилось. (Благодаря заступничеству Тэссю Усуи избежал смертной казни, получив вместо этого сравнительно небольшой десятилетний приговор.)

Согласно Тэссю, для любого мастера меча необходимой вещью является непреклонная решимость. Когда один из друзей спросил Тэссю о секрете искусства меча, тот посоветовал ему обратиться за наставлением к Асакуса Каннон. Друг посетил храм, в котором находилось скульптурное изображение Асакуса, однако откровение не снизошло на него. Удрученный, он готов был уже отправиться домой, когда заметил картину с каллиграфией. Надпись гласила: «Дающий Бесстрашие».

В Сюмпукан новичкам говорили: «Цель искусства меча Мутао Рю — не умение побеждать других в состязаниях; тренировки в моем додзе способствуют просветлению, а вот за него ты должен быть готов рисковать своей жизнью. Атакуй меня так, как ты хочешь. Не сдерживай себя!» Сбив новичка с ног мощным ударом, Тэссю кричал: «Вставай и нападай еще раз!» Это продолжалось до тех пор, пока кандидат не падал от изнеможения. Тэссю мог неделю так обходиться с новичком, чтобы проверить решимость будущего ученика. Техническое мастерство никак не бралось в расчет; если дух у кандидата был крепок, то его принимали. Тэссю писал: «Если нет целеустремленности и решимости, то успеха не добьешься никогда, сколько бы лет ни тренировался... без техники не обойтись, но духовная закалка гораздо важнее».

Учитель Мураками Ясумаса, нынешний Глава Муту Рю, демонстрирующий ката в паре с учеником во время мемориальных мероприятий в честь Тэссю в Дзэнсе-ан. На заднем плане — Омори Согэн Роси, основатель Общества Тэссю

Тэссю настойчиво подчеркивал, что искусство Без-Меча в конечном счете представляет собой чистый дух. В конце жизни движения Тэссю стали необычайно гибкими и он мог нанести поражение сопернику, даже не касаясь его. У учеников появлялись синяки там, куда Тэссю просто направлял свой меч.

За неделю до смерти Тэссю созвал учеников на последнюю тренировочную сессию. Тэссю сказал им: «Я умираю. Физическая сила иссякла. Я едва могу держаться на ногах. От духа соперничества не осталось и следа. А теперь я всем вам покажу, что искусство меча Муту Рю зиждется на духе. Если кто-нибудь из вас сегодня выкажет хоть малейшую сдержанность, то Муту Рю погибнет вместе со мной».

Первым шел Сано. Не обращая внимания на смертельную болезнь учителя, Сано ринулся в атаку. Как раз когда он собирался со всей силы опустить меч, чудовищная сила скрутила его. Оправившись, он сделал обеими руками выпад в пустоту; в мгновение ока Сано был повержен наземь. Затем последовали атаки семи или восьми учеников, и все точно также полетели на пол. «Это Меч Без-Меча».

За день до своей смерти Тэссю спросил, почему из додзе не доносятся привычные звуки. Ему сказали, что старшие ученики между собой решили отменить занятия ради того, чтобы в последние часы Тэссю быть рядом. «Что! — гневно закричал Тэссю. — Лучший способ оказать почтение мне и Муту Рю — это прямо сейчас идти в зал и тренироваться до изнеможения!»

Хотя Тэссю вручал множество сертификатов разным ученикам, похоже, что удостоверения на право

преподавания *мэнкекайдэн* получили лишь два мастера меча: Хасэгава Унхатио (присвоено посмертно) и Кагава Дзэнзиро. Поскольку один из бесценных мечей Тэссю и архивы Сюмпукан перешли к Кагава, его обычно считают вторым Главой Мутто Рю. Лучшим учеником Кагава был Исигава Рюдзо, который в свою очередь обучал трех главных представителей Мутто Рю двадцатого века: начальника штаба военноморского ведомства Кусадзика Рюнодзукэ, председателя Верховного суда Исида Кадзутто и доктора Мураками Ясумаса. Учитель Мураками, единственный из них, кто живет и поныне, в настоящее время возглавляет школу Мутто Рю и содержит *Сюмпукан Бунко* (Архив), где хранится немало подлинных документов.

Техническое мастерство и методы тренировки Мутто Рю никогда не были широко распространены — сейчас, к примеру, насчитывается не более пятнадцати мастеров меча Мутто Рю, — а критики, раньше и в наши дни, заявляют, что методы обучения в этой школе слишком суровы, а принципы слишком глубоки для широкого применения. Вполне возможно, что так оно и есть: Тэссю никогда не стремился популяризировать Путь Меча как спорт или как приятное времяпрепровождение. Для Тэссю один хороший мастер меча стоил больше, чем десять тысяч посредственных учеников.

3

ВЕЛИКОЕ ПРОСВЕТЛЕНИЕ

«Как самурай, я должен закалять свой характер, как человек, я должен совершенствовать свой дух». Для Тэссю это означало воинские упражнения днем и медитацию ночью. Большую часть ночи Тэссю проводил в медитировании, независимо от усталости и занятости политическими делами. Главным источником вдохновения для Тэссю служили «Последние наставления» Дайто Кокуси:

Все вы, пришедшие на эту гору! Помните, что вы находитесь здесь во имя Дао, а не ради одежды и пищи. Если у вас есть плечи, то не будет у вас нужды в одежде; если у вас есть рот, то не будет у вас нужды в пище. Каждую секунду направляйте себя к познанию непознанного. От самого начала и до самого конца тщательно изучайте все сущее. Время летит подобно стреле, и поэтому остерегайтесь тратить энергию по пустякам. Будьте бдительны! Будьте бдительны!

После того как старый монах завершит свое странствие, некоторые из вас, возможно, будут владеть огромными замками с великолепными зданиями и богатыми библиотеками, украшенными золотом и серебром, и будут иметь много ревностных сторонников. Другие, возможно, посвятят себя изучению сутр, эзотерическому пению, длительной медитации и строгому соблюдению наставлений. Но чем бы вы ни занимались, если разум не

направлен на прекрасное и непередаваемое Дао будд и патриархов, то причинная связь нарушается и учение рушится. Такие люди порочны, и они никогда не станут моими законными наследниками. Лишь тот, кто сам прокладывает себе путь и очищает свое естество, даже если он обитает вдали от мира, питаясь дикими плодами и живя в тростниковой хижине, лишь тот изо дня в день овладевает моим наследием и с благодарностью внимает моему учению. Кто сможет овладеть им легко? Усерднее трудитесь! Усерднее трудитесь!

Что касается практики дзен Тэссю, то тут Демон Тэцу делил подмостки с Оборванцем Тэцу. Когда Тэссю только что женился, молодожены по бедности были вынуждены жить в старом полуразрушенном доме. Мыши считали этот дом своей вотчиной и бегали повсюду. Тем не менее стоило Тэссю приступить к медитации, как мыши разбегались и не издавали ни звука. Когда жена обратила внимание Тэссю на это необычное явление, тот пошутил: «Я думаю, что моя медитация годится лишь в качестве крысиной отравы». На самом деле Тэссю обнаружил, что если во время медитации он взглянет на потолок, то мыши падают на пол замертво.

Надо заметить, что демон дзен действительно может нести смерть. Один из прихожан мастера дзен Содзана покинул свой родовой храм Нитирэн из-за того, что тамошний настоятель был слишком не чист на руку. Вскоре после того, как он стал прихожанином храма Содзана, у него умерла жена. Услышав, что вокруг могилы жены бродит какой-то призрак,

Гора Фудзияма и самое знаменитое дока Тэссю, перевод которого приводится ниже

стена: «Я хочу, чтобы меня похоронили в моем фамильном храме Нитирэн», прихожанин отправился проверить это, и призрак на самом деле появился. На следующую ночь Содзан пошел на кладбище вместе с обеспокоенным прихожанином. Как только появился призрак, Содзан издал громоподобное КАЦУ!!! — и призрак исчез. Следуя указаниям Содзана, утром прихожанин вернулся на то же место и обнаружил «призрака» — злого настоятеля Нитирэн, одетого в белые одежды — лежащего мертвым неподалеку от надгробной плиты жены.

В первую половину своей службы при императорском дворе Тэссю изучал дзен под руководством Сэйдзе, настоятеля Рютакудзи в Идзу. После обеда накануне ежемесячных выходных Тэссю брал несколько рисовых лепешек, завязывал свои соломенные сандалии и отправлялся в Рютакудзи, находившийся в добрых семидесяти пяти милях от Токио. Добирался туда Тэссю обычно к утру. Там он получал наставления Сэйдзе, слегка перекусывал и возвращался

домой — чуть более суток на сто пятьдесят миль туда и обратно. Некоторые источники утверждают, что часть пути Тэссю преодолевал на коне, однако его ближайшие ученики настаивают на том, что поездка верхом была для него редким исключением. Тэссю никогда не был хорошим наездником, и в любом случае у него не было достаточно средств, чтобы нанимать лошадь.

В то время лошади и повозки, запряженные лошадьми, были роскошью. Хотя высокопоставленные чиновники, такие как Тэссю, могли свободно пользоваться казенными повозками, Тэссю предпочитал ходить пешком. Когда его спрашивали, почему он так поступает, Тэссю рисовал кистью демона, тащущего за собой повозку с хорошо одетым господином, и добавлял подпись: «Вам может нравиться ездить в повозках, но я предпочитаю эту огненную колесницу, потому что демон никогда не устает!»

К тому же Тэссю перемещался невероятно быстро. Когда во время гражданской войны ему было поручено отправиться на переговоры с Сайго, отряд мятежников послал убийцу, с тем чтобы не дать Тэссю добраться до места назначения. Но Тэссю перемещался так быстро, что убийца не смог настигнуть его, хотя и бежал, а Тэссю шел пешком. Путь в Рютакудзи включал в себя длинные горные тропы, и иногда разбойники требовали от Тэссю «дань» за право прохода. «Для этого вам придется сначала меня поймать», — смеялся Тэссю, стремительно удаляясь.

Спустя три года Сэйдзе сказал Тэссю: «Твое обучение здесь подошло к концу». Озадаченный Тэссю

не знал, как относиться к словам учителя, так как у него осталось еще много неразрешенных вопросов. И когда он возвращался в Токио, размышляя над этой загадкой, внезапно появилась гора Фудзи. «Вот!» — осенило Тэссю.

Прекрасный на солнце,
Прекрасный в ненастье,
Неповторимый
Силуэт Фудзиямы
Всегда неизменен.

*Харэтэ еси
куморитэмо еси
фудзи но яма
мото но сугата ва
каварадзари кэри*

Когда Тэссю прибежал обратно в Рютакудзи, чтобы поблагодарить Сэйдзе за наставничество, то увидел, что учитель ждет его.

Последним препятствием, которое предстояло преодолеть Демону Тэцу, был коан «сверкающие мечи», которому его учил Тэкисуй, наставник Тэнрюдзи в Киото. Когда бы они ни встречались, это всегда была схватка титанов — каждый воспринимал ее так, словно это была борьба не на жизнь, а на смерть. Во время их сандзэнов (спарринговых схваток) дома у Тэссю здание сотрясало от звуков воспитательных инструментов Тэкисуя — криков, железных кулаков и тяжелого посоха, — создающих нового Тэссю.

Тэкисуй представлял собой именно тот тип серьезного и безжалостного мастера дзэн, который и был нужен Тэссю. Когда он был молодым монахом, то был столь сурово наказан своим учителем за то, что пролил немного воды, что получил прозвище Тэкисуй («капля воды»): Генерал-лейтенант Торио, заносчивый

дилетант, любил вызывать мастеров дзэн на состязание в составленных им самим коанах. Однажды он пригласил к себе на обед Тэкисуя и после обмена традиционными любезностями спросил гостя, может ли тот продемонстрировать один из своих коанов. «Конечно», — согласился Тэкисуй, предчувствуя возможность шелкнуть по носу чванливого хозяина дома. Едва Торио открыл рот, чтобы что-то сказать, как Тэкисуй опрокинул его на пол. Когда ошеломленный генерал попытался подняться, Тэкисуй ударил его еще раз. В третий раз Тэкисуй толкнул Торио так сильно, что тот вылетел из комнаты в сад. Слуги, работавшие там, закричали: «Вы убили нашего господина!» — и накинулись на Тэкисуя с кулаками. Когда порядок был восстановлен, Тэкисуй предостерег Торио: «Составление своих собственных коанов — дело не для новичков».

Несмотря на то что Тэкисуй никогда не держал в руках меч, он был опытным мастером боевых искусств. Мураками, ученик Тэссю, негодовал по поводу грубого отношения Тэкисуя к своему учителю — в конце концов Тэссю был важным государственным чиновником, который давал советы самому императору. Мураками тайно дал себе слово расправиться с дерзким монахом и однажды ночью пошел следом за Тэкисуем, полный решимости разрубить его пополам. К большой досаде Мураками, каждый раз, когда он собирался осуществить задуманное, Тэкисуй бросал взгляд через плечо и сворачивал за угол либо по дороге исчезал в одном из храмов. Мураками попытался осуществить

задуманное в следующую пару ночей, но так и не смог добраться до мастера дзэн, который всегда был настороже. В конце концов Мураками отказался от своей затеи и сознался в своем замысле учителю. Тэссю рассмеялся: «Глупец! Даже если бы у тебя было два десятка сообщников, ты бы и тогда не смог приблизиться к этому мастеру». Смирившись, Мураками также стал заниматься у Тэкисуя.

Говорят, что ключ к разгадке коана «свергающие мечи» Тэссю получил от одного богатого торговца. Этот торговец пришел как-то к Тэссю домой посмотреть на образцы каллиграфии. В ходе беседы торговец раскрыл тайну своего успеха: «Я родился в крайней нищете. С огромным трудом накопил я небольшой капитал и купил кое-какие товары. Остальные торговцы понимали, что я стремился как можно скорее продать свой товар, и сбивали мою цену. Позже моя решимость окрепла, и я отверг их невыгодные предложения. Конкуренты предлагали все больше и больше, но тогда жадность овладела мною и я желал получить еще больше. В конечном счете я потерял львиную долю своего капитала. Тем не менее я извлек ценный урок о самой сути торговли. Торговцам никогда не следует быть нерешительными или беспокоиться по поводу победы или поражения, прибыли или убытка. Если человек думает только о деньгах, его сердце колотится от ожиданий; если он боится потерпеть неудачу, то его сердце сжимается и замирает. Когда беспокоишься о таких вещах, то ничего не получится. Лучше всего держать сердце свободным, без страха смотреть на

дело, которым занимаешься, и действовать хладнокровно. Я никогда не цепляюсь за идею прибыли и убытка — вот ключ к моему деловому успеху». И тогда Тэссю понял, что Дао самурая и Дао торговца не две разные дороги.

Если одни благодаря дзэн становятся миллионерами, то другие, такие как Оборванец Тэцу, остаются в нищете. Поскольку Тэссю распределил свое наследство среди братьев и сестер, им с женой не хватало денег на содержание дома. По сути, они были настолько бедны, что им пришлось распродать кое-что из того, что они имели: мебель, кухонные принадлежности, спальные одеяла и татами (соломенные циновки). Во всем доме оставалось лишь три татами: один для гостей, один для хозяев и еще один, протершийся до дыр, для медитаций Тэссю. В среднем семь дней в месяц они обходились без еды; бывали длительные периоды, когда Тэссю ел через день. Из-за того, что у них не было спальных одеял, Фусако рожала своего первенца на кимоно Тэссю, тогда как он помогал ей в чем мать родила. Позже ребенок умер от недоедания.

В Японии существует традиция отдавать все долги до наступления нового года. Раздаввшись с подаренной одним из друзей бутылкой сакэ, Тэссю прочитал кредиторам, собравшимся у его дверей, такое стихотворение:

Когда пьешь сакэ,
Весна наполняет
Твое сердце.

Бутыл сакэ и стихотворение, которое Тэссю прочел кредиторам

Вы, пришедшие за долгами,
Разве не слышите вы пение соловья?

Кредиторы не слышали. Когда они потребовали вернуть им деньги, Тэссю сочинил еще одно стихотворение:

«Плати!» — говоришь ты,
Но я без гроша.
Я всем сердцем хочу
Погасить все долги —
Запиши это в долг мне на следующий год.

Тэссю раскрыл свой так называемый «денежный» пояс и достал оттуда две маленькие жемчужины и несколько монет: «Я уверен, что вы не хотите лишиться меня денег чести». (Считалось, что у самурая всегда должна быть при себе достаточная сумма денег для того, чтобы покрыть издержки на его похороны.)

Видя, что шанса получить свои деньги обратно у них нет, торговцы махнули рукой и ушли.

Такая крайняя нищета не была из ряда вон выдающимся явлением во времена хаоса последних лет сегуната Токугава. В отличие от многих своих современников, процветавших после реставрации Мэйдзи, Тэссю продолжал жить в нужде, несмотря на высокое жалование при дворе императора.

Помимо своей собственной большой семьи, состоявшей из жены и пятерых детей, Тэссю помогал целой армии родственников, учеников, разорившихся друзей и случайных нищих — ни одному достойному человеку он не отказал. Для нуждающихся был построен дом рядом с обветшалым имением хозяина. Тэссю задолжал ростовщикам целое состояние (большая часть этих денег занималась для поддержания предпринимательских авантур никчемного шурина). Император продолжал выделять ему деньги на покупку новой одежды; и неизменно они шли на другие нужды. Свой обед Тэссю съедал лишь наполовину, чтобы служанкам, несчастным деревенским девушкам, которых он приютил у себя, доставалось чуть больше еды. Когда они протестовали, Тэссю говорил им, что предпочитает вкус листьев редьки — «еды», которую большинство людей выбрасывает на помойку.

Милосердие Тэссю распространялось также и на других живых существ. Узнав, что в Токио пойманных бродячих собак забивают палками насмерть, Тэссю стал каждой попавшейся ему собаке вешать на шею табличку со своим именем. Те, кто преследовал

Неи-ходзю (синтамани) — чудесный драгоценный камень, порожденный разумом короля драконов и выполняющий желания. Он может сотворить все что ни пожелаешь и в любом количестве. Помимо того что неи-ходзю является символом удачи, он еще символизирует ценность буддийского учения, то есть, как гласит поясняющий иероглиф, истинное «сокровище»

несчастных животных, обходили таких собак стороной, опасаясь нанести вред собственности Тэссю. В конце концов свора бездомных питомцев так разрослась, что каждый день на них уходил целый

бушель риса. (К счастью для многочисленных кредиторов, некоторые из друзей и бывших учеников Тэсю были людьми весьма состоятельными и смогли погасить все долги после его смерти.)

Один из непревзойденных пьяниц своего времени, Тэсю отметил свое великое просветление соответствующим образом. Когда Тэкисуй впервые встретил Тэсю после этого события, то сразу же почувствовал произошедшую в нем огромную перемену. Никаких испытаний больше не требовалось — Тэсю несомненно достиг просветления. Тэкисуй пригласил его отметить это событие ящиком пива. Тэсю осушил двенадцать бутылок и воскликнул: «В жизни не пробовал ничего более восхитительного!» Он с удовольствием расправился еще с шестью бутылками, прежде чем Тэкисуй мягко предостерег его: «Тебе лучше притормозить. У тебя ведь больной желудок».

«Кажется, я переутомился», — заорал Тэсю, совсем захмелев. Впоследствии Тэкисуй подарил Тэсю *инка*, официальное свидетельство о передаче Дхармы.

Сакэ, известное среди буддистов как *ханнья-то* («горячая вода трансцендентальной мудрости»), всегда лилось рекой, когда Тэсю встречался с каким-нибудь мастером дзэн. Благодаря щедрости своих многочисленных друзей и частым подаркам императора Тэсю мог не отказывать себе в удовольствии выпивать половину галлона трансцендентальной мудрости каждый вечер.

Наполненности истинный смысл
Познаешь, отрешившись от мира;

Водопад.

Будь милостив к старшим
И вместо воды
Сакэ щедрой рукой
В чашу налей,
Чтоб облегчить
им страданья

В угаре веселья
Возвращаются лучшие времена.

После великого пробуждения в 1880 году жизнь Тэссю внешне осталась неизменной; это была внутренняя трансформация, давшая ему право быть учителем императора, поборником буддизма и просветленным мастером дзэн как среди священников, так и среди мирян.

Тэссю согласился десять лет служить при дворе по настоянию Сайго Такамори, Кацу Кайсю, Ивакура Томоми и других видных министров, считавших, что он будет сдерживать порывы Мэйдзи, молодого импульсивного императора. Тэссю преподавал императору несколько ценных уроков.

Двадцатилетний Мэйдзи, крупный, сильный, энергичный человек, любил борьбу сумо. Он часто боролся со своими придворными, которые, конечно же, поддавались ему. Все это способствовало тому, что у императора сложилось превратное представление о своих способностях и, более того, сделало его неосторожным — некоторые из придворных были серьезно травмированы во время его необузданных атак. Мэйдзи также был уверен, что в пьянстве он любого может заткнуть за пояс. Однажды вечером, когда он вместе с Тэссю и другими придворными распивал саке, речь зашла о том, что для будущей Японии предпочтительнее гражданские законы, а не императорские указы. Когда император попросил Тэссю высказать свое мнение, тот прямо ответил: «Ну, когда в стране не будет порядка, люди

перестанут поклоняться алтарю императора». Это настолько разъярило Мэйдзи, что он вызвал Тэссю на состязание сумо.

Когда Тэссю вежливо отказался, то разгневанный император попытался силой заставить Тэссю подняться, но тот, казалось, врос в землю подобно огромному дереву. Внезапно император выбросил кулак в лицо Тэссю; в мгновение ока Тэссю слегка переместился, и император пролетел мимо него, падая на пол. Тэссю крепко схватил императора так, что остальные придворные закричали:

— Остановись, Ямаока! Ты ведешь себя непочтительно!

— Я знаю, — отрезал Тэссю.

Тэссю спокойно вышел в другую комнату, ожидая когда император придет в себя. Придворные потребовали от Тэссю немедленно извиниться, но тот отказался:

— Если я нарочно позволю ему побить себя, то буду не более чем лакеем. Я посвятил свою жизнь служению императору и никогда не сделаю ничего, что могло бы повредить ему. Тем не менее он должен научиться держать себя в руках, когда пьет, и не издеваться над другими. Если он не узнает, каково быть побежденным, то станет чудовишным тираном. Передайте ему мои слова, когда он очнется; если он прикажет мне сделать харакири, я сделаю это прямо здесь.

Придя в себя, император послал к Тэссю гонца с сообщением, что с этого времени он отказывается как от пьянства, так и от сумо. (Месяц спустя Тэссю послал Мэйдзи ящик вина, тем самым как

бы снимая запрет на алкоголь.) Несмотря на абсолютную искренность Тэссю, а возможно, и благодаря ей, Мэйдзи не верил больше никому.

Тэссю не терпел ничего сумасбродства, будь то император или чиновник. Несмотря на противодействие всего двора и правительственных министров, Тэссю настаивал на том, чтобы согласно последней воле принцессы ее похоронили по буддийским обрядам, а не по официальным синтоистским. В конце концов так и сделали.

Во время одного из совещаний министр образования, крайне неприятный человек по имени Мори, которого раздражала привычка Тэссю молчать во время всех обсуждений, сказал насмешливым тоном: «Что это с тобой? Ты что, кукла?» Тэссю медленно повернул голову и неожиданно нанес Мори удар веером под подбородок, опрокинув того обратно на свое место. Пристально глядя сверху вниз на наглеца, Тэссю ответил: «Да, я кукла». (Кстати, Мори позже был убит одним из тех, кого он оскорбил.)

Однажды ночью группа недовольных военных атаковала командный пункт недалеко от моста Такэ. И хотя бунт не был направлен против императора, боевые действия перекинулись на район, находившийся в непосредственной близости от дворца. При звуках стрельбы Тэссю выскочил из кровати, натянул хакама поверх ночной рубашки, схватил меч и побежал в сторону дворца. Не тратя времени на выяснение причины беспорядков, Тэссю направился прямо к покоям императора. Он выбил массивные деревянные двери и увидел Мэйдзи одного — в суматохе

дворцовая стража забыла послать кого-нибудь, чтобы защитить императора.

«Рад тебя видеть!» — воскликнул император с облегчением. Тэссю с мечом наготове простоял на охране императора до тех пор, пока не подавили бунт и не был дан отбой. Уже после конца боя начали подтягиваться остальные придворные, аккуратно и по форме одетые. Тэссю попросил у императора прощения за неуставную одежду, добавив: «Я не думал, что у меня было время переодеться». Император от души рассмеялся и попросил себе меч Тэссю: «Он станет постоянным напоминанием о твоей храбрости и преданности».

Когда Тэссю нес ночное дежурство, он спал в *сейдза*, классической сидячей позиции самурая, в течение тридцати минут между ежечасными обходами. Караульные, постоянно несшие службу, спрашивали его:

— Ты не устаешь от ночного дежурства? Тебе не мешает бой всех этих часов?

(Император очень любил часы, и весь дворец был заполнен ими.)

— Что означает «устаешь»? — отвечал Тэссю. — Бой часов меня несколько не беспокоит — мы спим и просыпаемся в унисон.

Когда намечалась поездка императора в Тохоку, некоторые придворные высказывались против, так как этот район последним капитулировал перед новым режимом и там все еще сохранялись очаги сопротивления. Кроме того, упорствовали они, а что если в Токио что-то произойдет, когда император будет находиться

*Официальный портрет Тэсю, сделанный
в 1886 году, когда ему был пятьдесят
один год. Надпись гласит:*

*Сколько раз я по краю бездны ходил?
И сейчас наслаждаюсь итогом.
Уж пятьдесят один год —
На голове моей пыль,
И в грязи лицо.*

*Последняя строка стихотворения
намекает на известный вопрос:
«Как выглядит бодхисаттва?»
Не нужно бояться окунуться
в гушу событий и столкнуться
с кем бы то ни было*

так далеко? Император ответил: «Пока здесь за старшего Ямаока, беспокоиться не о чем».

Император послал Тэссю в Кюсю для переговоров с непокорным Сайго Такамори, поскольку считал, что Тэссю был единственным человеком в правительстве, заслуживавшим доверие Сайго. (Как-то раз Сайго сказал про Тэссю: «Он не дорожит ни славой, ни богатством, ни признанием, ни самой жизнью — как можно бороться с таким человеком?») Хотя Тэссю и сделал все возможное для того, чтобы отговорить Сайго от ухода из правительства, он понимал, что Сайго должен идти своим путем, каким бы трагичным этот путь не был. (Сайго поднял восстание в войсках, которыми когда-то командовал, и после разгрома его армии императорскими войсками сделал себе харакири.)

Хотя Тэссю и мирился с титулами, которые вручал лично император, однако он резко осуждал обыкновение высших государственных чиновников делить почетные награды между собой. Когда член одного из таких комитетов предложил ему награду, то Тэссю объяснил чиновнику, куда именно им следует вешать свои медали. После извещения о присвоении титула «виконта» в 1887 году, за год до смерти, Тэссю экспромтом сочинил такое стихотворение:

Лишь спал, да ел,
Не пошевелил даже пальцем.
И вот отличился:
Могу находиться в Обители Знати,
Только вот кашляю кровью.

(Первоначальное *касоку*, «комариная братия», было заменено на омоним *касоку*, «Обитель Знати».)

Как император, так и императрица были опечалены тем, что Тэссю покинул двор, но как только истекли определенные им самим десять лет, он ушел с правительственной службы ради того, чтобы полностью посвятить себя своим трем Путям.

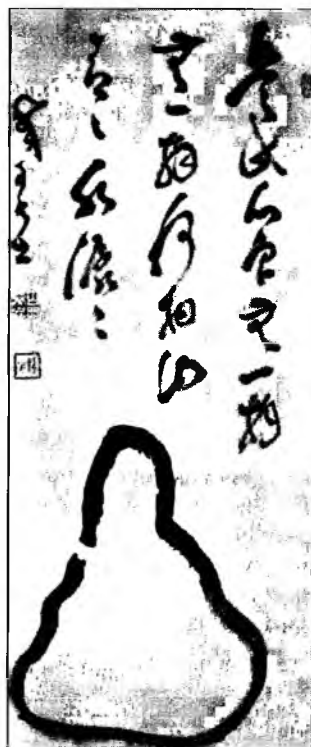
После тысячелетнего покровительства со стороны императора и сегуната, в эпоху Мэйдзи буддизм стал подвергаться нападкам. Теперь, когда феодальная система была отменена, не было больше властителей, которые строили бы около своих замков крупные «храмовые города» (которые могли выполнять роль казарм) и возводили бы великолепные храмы в память о своих предках (имевшие стратегическое значение на случай последнего отчаянного сопротивления). Правительство, стремившееся поддерживать коренное национальное синто, а не заимствованный буддизм, предписывало не заботиться больше о храмах. Буддизм не только терял финансовую базу. Гонениям подвергалось и само учение. Многие влиятельные министры и наставники, полагая, что преисполненные суеверий буддийские доктрины мешали модернизации страны, выступали за отказ от религии вообще. И хотя открытые гонения на буддизм встречались редко, движение «Откажемся от буддизма, искореним учение Шакиямуни» имело многочисленных сторонников, и случались даже умышленные уничтожения храмов и сутр.

Тэссю высоко ценил достижения западной цивилизации, но в то же время был твердым защитником преимуществ восточной культуры. Он часто заявлял: «Я буду продолжать практиковать буддизм, даже если во всей стране буду заниматься этим один». Тэссю неутомимо работал над тем, чтобы сохранить «то, что должно быть сохранено», то есть учения и практики, имевшие всеобщую значимость.

Во время службы правительственным чиновником в Сидзуока Тэссю проявил большой интерес к жизни и учению Хакуина, дзэн-мастера Риндзай, жившего в восемнадцатом веке. Тэссю восхищался усердием, с которым Хакуин относился к занятиям, его отточенными эссе, его мастерским владением кистью и прежде всего его заботой и тревогой о простом народе. Поскольку Хакуин отказался от должности настоятеля крупного монастыря, предпочтя остаться в глухом родном районе, он не был известен в правительственных кругах и, в результате, никогда не награждался званием «Народный Учитель», хотя подобной чести регулярно удостоивались выдающиеся монахи. Для того чтобы исправить это серьезное упущение и дать учению Хакуина заслуженное широкое признание, Тэссю организовал комитет по содействию присвоению Хакуину звания «Народный Учитель». Их деятельность принесла плоды, и в 1885 году император Мэйдзи провозгласил Хакуина *Сесю Кокуси*, «Народным Учителем правильной традиции». Тэссю также помог восстановить Седзю-ан в Токио, бывшее жилище Седзю Этан, учителя Хакуина.

Надпись на картине Тэссю, изображающей рождение Будды, воспроизводит дерзновенное высказывание Шакьямуни: «На земле и на небе один лишь я Единственный и Почитаемый». В каком-то смысле этот возглас повторяется каждый раз, когда новорожденный издает свой первый крик. Это провозглашение изначальной и абсолютной природы, пустой и чистой, лишенной какой бы то ни было двойственности либо раздвоенности. Одновременно это провозглашает истину о том, что всякое живое существо «Единственное и Почитаемое». Поэтому бессмысленно хвататься за внешнее; все до единого личности — совершенные вселенные

Говорят, что нарисовать Бодхидхарму, верховного патриарха дзэн-буддизма, на самом деле означает нарисовать свой духовный автопортрет — чтобы хорошо получилось, самому нужно стать Бодхидхармой. Сознательно или нет, но Тэсю изобразил здесь себя. Приведенная надпись («Безбрежная пустота и ничто не свято») была ответом Бодхидхармы на вопрос императора У: «Что есть первый принцип буддизма?»

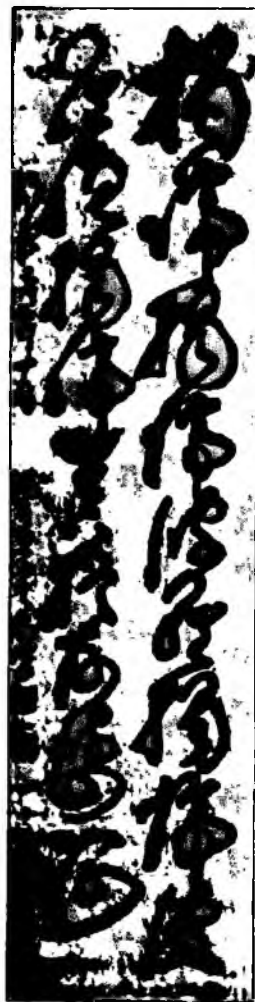

Этот силуэт Бодхидхармы сопровождается одним из любимых стихотворений Тэсю:

Это отпечаток Разума нет-ничего.
Что есть «нет-ничего»?
Прохладные и зеленые горы,
Прозрачная и быстрая река.

Однажды Тэсю сочинил такое юмористическое сэнрю:

Прекрасно слива цветет:
И в моем кошельке
Есть нет-ничего.

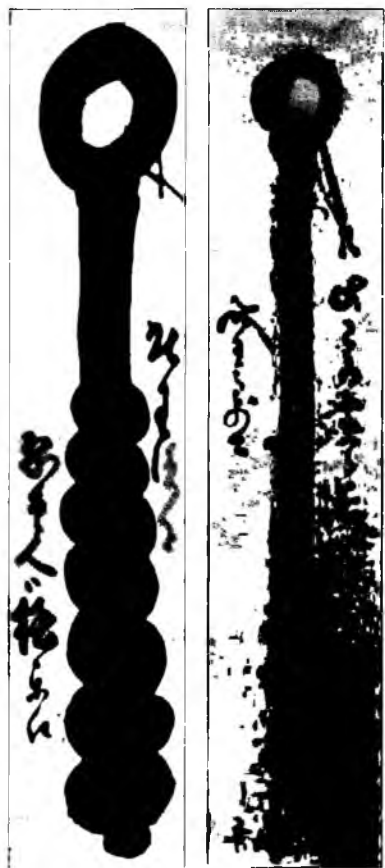
Мантра Сердечной сутры:

*О, выводящая за пределы,
Далеко-далеко за пределы,
Просветление!*

*(Гятэй, гятэй, хара гятэй,
харасо гятэй, бодзи совака.)*

Приветствие Лotosовой
сутре Чудесного закона:
(Наму мехо рэнгэ ке)

Слева — Жезл демона в исполнении Хакуина, любимого мастера дзен Тэссю, а справа — версия Тэссю. На обоих изображениях надпись гласит: кто устрасится этого жезла демона, окажется на дороге в рай

Тэссю внес огромный вклад в восстановление нескольких крупных храмов, которые раньше находились под покровительством императора. Сопровождая Мэйдзи во время поездки по западной Японии, Тэссю узнал, что Кокутайдзи в префектуре Тояма лежит в руинах. Поскольку денег у Тэссю не было, он использовал для сбора средств свою кисть. Тэссю написал 10 000 больших полотен с каллиграфией — главным образом дзэнские стихотворения Кандзана (Хань-шань), чудака, жившего в восьмом веке в Китае, — которые были соединены в 1200 складных ширм. Ширмы эти были проданы, а полученная выручка пошла в фонд восстановления Кокутайдзи.

Когда были созданы все 1200 ширм, в крупном токийском храме состоялся специальный благодарственный банкет. Две тысячи бродячих музыкантов, разорившихся ремесленников, да и просто откровенных изгоев позвали на празднество, где их угощали отличной вегетарианской едой и поили сакэ в неограниченном количестве. В конце банкета Тэссю и остальные чиновники низко кланялись гостям, вручая каждому благодарственный конверт с небольшой суммой денег. Гостей ожидали экипажи, чтобы развести их по «домам».

— Вам куда, господин?

— Кого? Меня? Ах, да. Отвези меня в Отя но Мидзу... там, под мостом.

Тэссю помог восстановить еще два храма: он подарил 6500 каллиграфических работ Екодзи, красивому старому дзэнскому храму Сото в префектуре Исигава, и содействовал воссозданию Кунодзи

Надпись «Чистый ветер, яркая луна» (Сэйфу мэйгэцу), сделанная Тэссю на раздвижных дверях Зала Будды в Екодзи, префектура Исикава

в Сидзуока. Кунодзи в честь его главного покровителя переименовали в Тэссюдзи.

Храм Дзэнсе-ан, основанный Тэссю в память о всех погибших в водовороте гражданской войны, имеет любопытное происхождение. Каждый день по дороге во дворец Тэссю восхищался табличкой на магазинчике, в котором продавались лепешки и рис. Три больших иероглифа были написаны Ранкэем Дорю, китайским монахом, который в тринадцатом веке привез в Японию Риндзай Дзэн. От владельца магазина Тэссю узнал, что Ранкэй некоторое время обитал в этих краях по приезде из Китая, живя

в небольшом уединенном жилище, которое сам он называл Дзэнсе-ан. Когда Ранкэй уезжал в Камакура, чтобы учить сегуна Ходзе, то табличку подарил хозяину, предку нынешнего владельца магазина. Поскольку Тэссю так понравилась эта каллиграфия, то хозяин магазинчика отдал табличку ему. «Дзэнсе» означает «жить полной жизнью», используя все свои силы без остатка в данный момент; это также означает «умереть без остатка», без колебаний и сожалений — идеальное название для собственного храма (ан) Тэссю. Эссо, монах, которого Тэссю пригласил на должность первого настоятеля храма, был идеальной кандидатурой. Как и Тэссю, Эссо умирал от рака желудка, и каждая минута его жизни была «дзэнсе». Дзэнсе-ан оправдывал свое название: дважды за свою короткую историю он сгорал дотла, и каждый раз он восставал из пепла в новом блеске.

Тэссю финансировал Мемориальную Службу На Великой Реке Сумида, одно из крупнейших религиозных собраний эпохи Мэйдзи. Первоначально задуманная как мемориальная служба о жертвах голода в период Тэмпо, она со временем стала охватывать всех, кто умер без должного погребения за предшествующие пятьдесят лет. Больше тысячи монахов собирались для того, чтобы читать сутры, а огромная толпа плакальщиков растягивалась по обоим берегам реки, чтобы пускать через реку лодки-ступа, на которых были написаны имена умерших.

Как не был Тэссю популяризатором кэндо, так же не был он и популяризатором буддизма. Когда один монах поздравил Тэссю с большими достижениями

в деле распространения дзэн-буддизма, тот резко ответил: «Будь в наше время еще больше храмов и еще больше верующих, это не означало бы, что дзэн процветает. На самом деле, когда дзэн-буддизм пытается переманивать к себе людей или соперничать с другими сектами, его истинный дух утрачивается. Ничего из того, что я сделал, не было сделано ради популяризации дзэна; я просто работаю для укрепления и углубления практики дзэна, которую я считаю сердцем буддизма. Если хотя бы один человек получит истинную передачу, то я буду удовлетворен».

Тэссю всегда пользовался популярностью. Сразу после просветления в его дом пошел неиссякаемый поток посетителей. Как и раньше, среди них были те, кто просто хотел одолжить денег или приносил прошения к императору, но большинство приходило за наставлением и советом, и немало людей крутилось поблизости просто для того, чтобы впитать частичку мощной энергии, исходившей от Тэссю. К примеру, в обваливающейся прихожей — единственном доступном месте — занимались медитацией ученики, поскольку одно это давало им душевный подъем. Несмотря на постоянный наплыв посетителей, двери дома Тэссю всегда оставались открытыми и всех принимали с почтительностью.

Тиба Родзе, врач Тэссю, играл роль доктора Ватсона при Тэссю — Шерлоке Холмсе. Тиба, который на протяжении многих лет был семейным врачом Ямаока, разговаривал обычно лишь во время осмотра

больного. Однажды Тэссю пригласил Тиба после его визита на чашку чая.

— Я слышал, что вы хороший доктор, но боюсь, что я не могу вам полностью доверять, — признался Тэссю. — Знаете такую поговорку: «Раз поверх седла нет ездока, значит, под ним нет и лошади»? Это секрет любого искусства — слиться со своим мастерством. Вы кажетесь слишком отдаленным от своих пациентов — боюсь, что вы не в состоянии понять, что у них болит, и, следовательно, лечить их болезни.

— Может, вы хороший мастер меча и высокий правительственный чиновник, но в медицине вы явно не разбираетесь, — с обидой ответил Тиба, вставая, чтобы уйти.

Обвинения Тэссю по-настоящему задели Тиба и во время следующего визита он спросил:

— Что вы предлагаете мне делать?

— Вы слишком нетерпеливы, поэтому объяснения будут лишь пустой тратой времени.

— Я такой же терпеливый, как и все остальные, — нетерпеливо закричал Тиба.

— Хорошо, — сказал Тэссю, — тогда подумайте пока над такой строкой: «Во Вселенной не единственный день; лишь один человек в небесах и на земле». Когда уловите смысл, дайте мне знать.

С великим трудом Тиба в конце концов преодолел этот первый барьер. Тэссю задал ему новую задачу: «Где в данный момент находится дух высокообразованного человека?» В итоге Тиба разрешил этот и другие коаны, которые давал ему Тэссю, становясь убежденным последователем дзэн. Чтобы подбодрить Тиба,

Тэссю подарил ему каллиграфию Хакуина Дзэнди. Там было написано: «НЕИЗМЕННЫЙ — сосредоточься на лучшем; точно знай, где остановиться».

К сожалению, Тиба вбил себе в голову, что для того, чтобы заниматься настоящей практикой дзэн, необходимо стать монахом. Тэссю говорил ему, что такой шаг будет преждевременным; у Тиба еще много дел в миру. Поскольку Тиба был непреклонен, Тэссю написал ему рекомендательное письмо для Тэкисуя.

«Что вы будете делать, когда станете монахом?» — спросил Тэкисуй у Тиба. У доктора не было по этому поводу никаких идей. «Разгадайте коан “Достигай Пути без трудностей”, и я приму вас к себе в ученики». Как Тиба ни старался, но пройти через врата, которых нет, он не смог и отказался от планов покинуть мирскую жизнь, к великому облегчению Тэссю и Тэкисуя.

Однажды Тиба заявил:

— Для того чтобы по-настоящему заниматься медитацией, необходимо избавиться от сексуальных влечений.

— Вы ставите перед собой весьма возвышенную цель, — смеясь произнес Тэссю. — Сексуальное влечение — корень всего сущего. Как вы предлагаете избавиться от этого?

— Расставшись с женой и всеми другими женщинами; тогда сексуальное влечение не возникнет.

— Это довольно эгоистично, разве нет? Что будет с вашей женой, преданной вашей спутницей в течение двадцати лет? Это не способ избавиться от сексуального влечения — это лишь способ подавить его.

— Тогда что мне следует сделать, чтобы искоренить сексуальное влечение?

— Окунитесь в мир сексуального влечения, исчерпайте все его возможности, и тогда вы освободитесь. Любите свою жену всем сердцем и достигните просветления в гуще повседневной жизни.

Пока они обсуждали эту шепетильную проблему, случайно заглянул Бокудзю, настоятель Дайтокудзи в Киото. Когда спросили его мнение по обсуждаемому вопросу, он пробормотал что-то о «старухе, сжигающей жилище» и поспешно удалился.*

Тэссю продолжал:

— В мои двадцать-тридцать с небольшим я был помешан на сексуальном влечении. Я спал с тысячами женщин, надеясь «навести мосты» через пропасть между мужчиной и женщиной, собой и другими. Даже после прихода великого осознания в сорок пять проблема осталась. И только когда мне исполнилось сорок девять, вслед за глубоким опытом просветления, я окончательно смог переступить через сексуальное влечение.

Находившийся с ними один из друзей предположил, что Тэссю просто начал стареть.

* Одна старуха построила жилище для монаха и содержала его в течение двадцати лет. Как-то раз, для того чтобы испытать уровень его просветления, она послала к нему молоденькую девушку с тем, чтобы соблазнить его. Когда девушка обнимала его, он читал стихотворение: «Увядавшее дерево на замерзшей скале; третью зиму не видно и капли тепла». Прознав об ответе монаха, старуха выгнала его, а жилище передала огню.

— Нет, — покачал головой Тэссю. — То, что подразумевается под сексуальным влечением, есть «похоть тела». Это перестало беспокоить меня на середине четвертого десятка. Если человек не в состоянии постичь сексуальное влечение — корень сансары и основную жизненную силу материального мира — до самого его истока, то его просветление будет неполным.

Понятно, что «практика сексуального влечения» не вызвала одобрения у жены Тэссю, какой бы необходимой он ее ни считал для своего духовного развития. Испытывая давление своей семьи, призывавшей ее развестись с ним, и будучи не в состоянии больше переносить ежедневные практические занятия с другими женщинами, Фусако вызвала его на откровенный разговор. Хотя Тэссю и сделал все возможное, чтобы объяснить истинную суть занятий, убедить жену ему не удалось. Размахивая ножом, Фусако поклялась, что убьет себя и детей, если он не прекратит вести распутную жизнь. И он прекратил.

Представления Тэссю о практике были, мягко говоря, нетрадиционными. Как-то раз одного из его любимых учеников, не привыкшего к обилию пищи и алкоголя, вырвало во время банкета, проходившего 31 марта, в честь годовщины просветления Тэссю. И тогда Тэссю сгреб рвотную массу и проглотил.

— Учитель! Что вы делаете? — закричали изумленные ученики.

— Я практикуюсь в «нет различия между чистым и нечистым».

— Но то, что вы едите, — яд.

— Если вы беспокоитесь о своем теле, то вам будет страшно взяться за что бы то ни было. С другой стороны, если ваша практика надежна, то нет ничего, с чем бы вы не справились.

Есть и другая, равно малоаппетитная версия этой истории. Одного из нищих вырвало на вышеупомянутом банкете в Кокутайдзи. Тэссю собрал все это и пригласил присутствовавших там роси разделить эту особую пищу Будды. Когда те отказались от предложения, Тэссю сказал в удивлении:

— Я и не знал, что буддийские монахи могут быть такими разборчивыми. Тогда мне придется съесть это самому!

Очень даже может быть, что обе истории случились на самом деле. Буддийские священники всех школ любили общество Тэссю, но временами им приходилось несладко. Тэссю очень уважал Унсе Рицуси, сингонского священника, который строго соблюдал все правила монастырской дисциплины. У этого священника обучались жена и дети Тэссю. Когда Унсе был готов дать мирское посвящение семье Тэссю, он спросил у Тэссю, не хочет ли тот принять заветы Бодхисаттвы.

— Как я могу принять что-либо не имеющее формы? — спросил Тэссю.

Ответа не последовало.

Однажды утром Унсе посетил Тэссю, с тем чтобы обсудить одно важное дело, имевшее отношение к горе Коя, центру учения Сингон в Японии. Тэссю — он, в конце концов, тоже был человеком — нездоровилось, и Унсе сообщили, что он не принимает

Хотя «нет-ничего» было бы наиболее подходящим пояснением к этому кругу дзэн (энсо), Тэссю выбрал более приземленное стихотворение:

Если есть праведные куртизанки
и квадратные яйца,
То подвесь это в последний день месяца.

(Старая песенка увеселительного заведения Есивара гласит:

Если есть праведные куртизанки
и квадратные яйца,
То полная луна взойдет в последний день месяца.

Во время практики сексуального влечения Тэссю много времени проводил в увеселительных домах, часто «за счет заведения» — девушки не требовали платы от своего демона-любовника. Ходили слухи, что одна молодая гейша зашла так далеко, что отказала хотевшему ее «выкупить» богатому покровителю ради того, чтобы продолжать встречаться с Тэссю. Пришлось Тэссю уговаривать ее не упускать такую прекрасную возможность.) Куртизанки не праведны, а яйца не квадратные — это правда жизни. Таким же духом пронизана надпись, сделанная Тэссю к картинке на веере:

Лишь мухи исчезнут,
Слетятся москиты.
Не пропусти распродажу в июне!

Веши такие, какие они есть, и никакое просветление не может их изменить; то, что нужно менять, так это наше восприятие, а не сам мир

посетителей. Унсе, вероятно, не мог поверить в то, что Тэссю на самом деле болен, и в тот же вечер пришел снова.

Тэссю вышел в ночной рубашке и спросил Унсе:

— Что, у монахов есть заповедь, требующая от них беспокоить больных людей?

И вновь ответа не было.

Настоятелей, которые слишком много пили либо так или иначе дурно себя вели, назначали в храмы, восстановленные Тэссю; там он мог за ними присматривать. В стране не было ни одного буддийского священника (единственным исключением был Тэки-суй), который мог бы держаться с Тэссю на равных.

Тэссю никогда не навязывал медитацию своим друзьям и не заставлял усиленно заниматься этим своих учеников. Если же кто-то просил его попрактиковаться, то уж тогда берегись!

Однажды Тэссю посетил Санютэй Энте, профессиональный рассказчик, пользовавшийся определенной популярностью. Тэссю сказал:

— Я слышал, что ты известный рассказчик. Расскажи мне что-нибудь.

— А что вам нравится?

— Как насчет Момотаро?

Санютэй, слегка обиженный тем, что Тэссю попросил его рассказать самую простую из всех японских сказок, быстро отчеканил рассказ.

— Это было ужасно, — недовольно сказал Тэссю. — Моя мать рассказывала его гораздо лучше. Твой Момотаро никогда не оживал — ты слишком много использовал свой рот.

Дзэнская карикатура на монаха Нантэмбо, колоритного современника Тэссю. Нантэмбо был известен тем, что безудержно использовал свой посох нантэн для наказания учеников. Подпись слева принадлежит Такахаси Дэйсю:

*Можешь пробудиться
Иль нет,
Это не важно.
Отвелаешь посоха,
Уж не обессудь!*

(Между прочим, Нантэмбо был одним из тех роси, которых Тэссю держал на коротком поводке — когда Нантэмбо напивался, то пускал в ход свой посох слишком уж неразборчиво)

Санютэй про себя подумал:

— Как рассказчик может рассказывать историю, не используя при этом свой рот?

Спустя несколько дней Санютэй заикнулся Тэссю о том, что хотел бы попробовать помедитировать.

— Когда удобно будет приступить?

— Прямо сейчас.

— Но...

— Зачем ждать для того, чтобы попробовать хорошее дело? — сказал Тэссю, провожая гостя в свободную комнату на втором этаже. Установив вокруг Санютэя ширму и показав ему, как нужно сидеть, Тэссю сказал ему:

— Ты можешь вставать для того, чтобы сходить в туалет и сделать короткий перерыв на еду; все остальное время ты должен сидеть здесь и размышлять о МУ (несуществовании).

Когда Санютэй в тот вечер не вернулся домой, его жена послала одного из учеников мужа осведомиться о пропавшем рассказчике.

— Он не может уйти отсюда, пока не решит задачу, которую ему задали, — сказали ученику. Управляющий театра, где выступал Санютэй, отчаявшийся выволить своего звездного артиста, получил аналогичный ответ. Попытка Санютэя сбежать была пресечена бдительным Тэссю. Смирившись со своим положением, Санютэй всецело отдался МУ. Спустя неделю он добился своего.

— Расскажи мне еще раз историю про Момотаро, — потребовал Тэссю. Санютэй рассказал.

— Вот теперь это настоящий Момотаро. Рассказывай каждую историю как эту, и ты будешь лучшим мастером в Японии.

Впоследствии Санютэй получил от Тэкисуя буддийское имя Мусэцу, что означает «Без-языка».

Один деревенский юноша хотел, чтобы Тэссю помог ему устроиться на государственную службу.

— Во время гражданской войны моя семья потеряла все, и я надеюсь восстановить ее бывшее благосостояние, — объяснил он.

Прекрасный знаток людей, Тэссю подумал, что этот искренний молодой человек должен получить шанс.

— Для того чтобы стать государственным служащим, необходим определенный уровень образования. Ты много учился?

— К сожалению, нет. Не было денег на обучение.

Тэссю подумал минуту, а затем сказал:

— Я хочу, чтобы ты ответил мне, что означает «нет-ничего». Думай об этом днем и ночью и не voltaйся, пока не найдешь ответ.

После долгих размышлений молодой человек смог предоставить приемлемый ответ. Тэссю дал ему еще несколько коанов с тем, чтобы он их решил. Наконец, Тэссю, удовлетворенный образованием молодого человека, рекомендовал его на должность, и тот приступил к службе, став со временем образцовым чиновником.

Один из посетителей сказал как-то Тэссю:

— Я полагаю, что ваша жена и ваши дети владеют медитацией в совершенстве?

— Нет. Раз у них нет склонности к медитации, то они ее и не практикуют. А в буддийском учении их наставляет один сингонский священник.

— В дзэн, безусловно, нет различия между мужчинами и женщинами, молодыми и старыми, мудрыми и глупыми.

— Конечно, нет. И тем не менее дзэн требует большой выдержки и определенной доли упорства. Если медитация не соответствует физическим и психическим возможностям человека, то она бесполезна.

Один человек хотел заняться дзэн для того, чтобы избавиться от разнообразных печалей, которые сопровождают людей; он хотел «скользить по жизни, свободным от потрясений». Тэссю был резок: «В моем дзэн если ты самурай, то ты идешь по пути самурая; если ты купец, то идешь по пути купца. Тот дзэн, который хочешь ты, лучше всего подходит шуту». Другими словами, человек должен прямо смотреть в лицо жизненным проблемам и не пытаться убежать от своих обязанностей.

Один буддист-мирянин стремился услышать рассуждения Тэссю по поводу «Высказываний Риндзая». Когда Тэссю сообщил ему, что роси Косэн периодически читает лекции по этому тексту в Камакура, мирянин сказал:

— Я знаю. Но я хочу услышать *ваше* мнение.

— Очень хорошо, — согласился Тэссю и отвел гостя в тренировочный зал. Там в паре со своим учеником он продемонстрировал искусство меча.

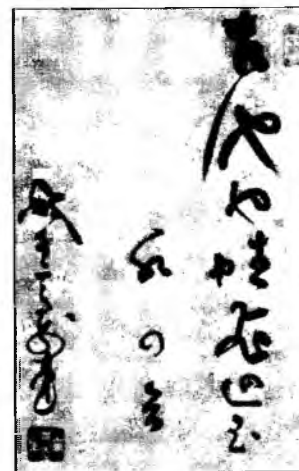
— Ну и что вы думаете о моих рассуждениях по поводу «Высказываний Рэндзая»?

Широкий круг знакомых — то, что непременно сопровождает любого мастера, достигшего просветления. Тэссю общался с большинством выдающихся людей своего времени. Знаменитое стихотворение Басе про лягушку, написанное Тэссю на картине Сибата Дзэсина, известного художника эпохи Мэйдзи.

Старый пруд.
Прыгнула в воду лягушка.
Всплеск в тишине.*

(Фуру икэ я кавадзу тобикому
мидзу но ото)

* Перевод В. Н. Марковой. — Примеч. пер.

Когда ответа не последовало, Тэссю объяснил:

— Поскольку я мастер меча, лучше всего я могу выразить свое понимание учения Рэндзая через Путь Меча. Независимо от широты твоих интеллектуальных познаний, если ты кому-то подражаешь, то твой дзэн мертв.

Хиранума Сэндзо, богатый купец, чья история, как говорят, ускорила просветление Тэссю, потерял любимую дочь, заболевшую смертельной болезнью. Убитый горем Хиранума собирался покинуть «юдоль печали» и стать монахом. Тэссю отговорил его: «Используйте ваши огромные средства на то, чтобы помогать другим; это самая лучшая жертва, которую вы можете принести в память об умершем ребенке».

В другой раз в аналогичной ситуации Тэссю предложил противоположный путь. Амата Гуан, известный поэт в стиле вака, в неразберихе гражданской войны был разлучен со своими родителями и в течение двадцати лет искал их по всей Японии. Тэссю посоветовал ему принять посвящение в сан и проводить поминальные службы для всех, кто так же пострадал. Тэссю написал для Амата рекомендательные письма двум мастерам дзэн и сказал: «Станьте учеником того, с кем вам будет спокойней».

Однажды у дверей Тэссю появился отшельник, живший в горах Такаяма.

— Вы не поверите! — сказал он. — Я сделал себя неуязвимым для огня.

— Кто б сомневался, — вздохнул Тэссю.

— Да нет же, это правда! Вы можете устроить мне аудиенцию у императора?

— Конечно, нет.

Отшельник ни в какую не соглашался тронуться с места, и, поскольку он заявил, что является старым знакомым отца Тэссю, Ямаока согласился на показ.

В саду развели огонь, и весь двор собрался, чтобы стать свидетелями «чуда». Отшельник переоделся в белые одежды, напряженно сосредотачивался в течение нескольких минут и затем сунул правую руку в самую гущу огня. Через несколько секунд выражение жуткой боли отразилось на его на лице. Так как отшельник зашатался, Тэссю приказал своим ученикам спасать его. Когда к отшельнику вернулось сознание, он застонал: «Раньше это всегда срабатывало». Сильно обожженную руку пришлось ампутировать (счет оплачивал Тэссю). При определенных условиях, *ямабуси*, по-видимому, могут делаться неуязвимыми для огня; в данном случае, вероятно, убежденность Тэссю в том, что «в законе Будды нет ничего мистического», подавила психическую энергию отшельника.

В другой раз пылкий ученик прославленного русского православного миссионера Николая попытался обратить Тэссю в христианство. Тэссю, уставший от бессмысленной настойчивости молодого человека, придумал следующий коан:

— Что ты будешь делать, если встретишь кого-нибудь более великого, чем Иисус?

— Тогда я с радостью стану его последователем, но я не верю, что в этом мире есть кто-то более великий, чем Иисус.

— Ты ошибаешься. Более великий есть и прямо здесь, — сказал Тэссю, указывая на себя. Молодой

*Изображение двух кукол
хинасама с написанным
Тэссю стихотворением его
знакомой Рэнгэцу, талант-
ливой монахини, поэтессы,
каллиграфа и гончара.*

*Сегодня, словно
подношение
Этим господам,
Одно из сокровищ
ранней весны —
Недавно распустившиеся
Цветы персика.*

*Куклы хинасама демонст-
рируют 3 марта, в День
девочек*

прозелит больше не беспокоил Тэссю и, более того, впоследствии отказался от христианства.

Тэссю обладал огромным чувством юмора. Возвращаясь как-то после важного дела, Тэссю с другом решили поучаствовать в проходившем тогда в Токио турнире по борьбе сумо. Посмотрев несколько схваток, Тэссю вдруг снимает обувь и взбирается на ринг, все еще в смокинге и цилиндре. «Иностранец! — с восторгом закричали зрители. — Это должно быть интересно! Держись!» Одетый в такой наряд, ростом в шесть футов и с окладистой бородой, Тэссю действительно выглядел как западный человек.

Когда пришедшие в замешательство борцы не ответили на брошенный вызов, Тэссю указал на самого крупного из них и заташил его на помост. Тэссю крепко схватился за пояс борца и начал толкать его назад к краю ринга. Однако вместо того, чтобы столкнуть соперника, Тэссю ослабил хватку, дружелюбно похлопал его по спине и сошел с помоста. «Здорово! — завопили зрители. — Этот иностранец и в самом деле силен! Еще! Еще!» Поклонившись восхищенной публике, Тэссю торжественно покинул арену.

Приобшившиеся к Западу японцы переняли обычай устраивать изысканные «благотворительные балы» для того, чтобы продемонстрировать свою филантропию, а заодно и новые наряды. Бал считался удачным, если на нем было какое-нибудь первоклассное увеселение. Когда Тэссю устроил свой благотворительный бал, собравшиеся гости с нетерпением ожидали, какое же развлечение им подготовил такой

Дзэнская летучая мышь.

*Разве нету в округе более птиц?
Летучая мышь распушила усы
И мнит себя повелителем мира.*

Эта дзэнская летучая мышь парит над миром, наслаждаясь абсолютной свободой. Тэсю также изобразил дзэнских слизняков и дзэнских личинок. Хотя сами рисунки, скорее всего, пропали, но сохранились подписи к ним:

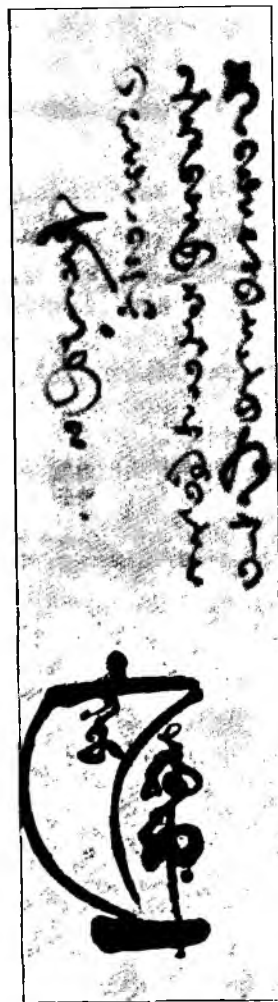
(Дзэнский слизняк)

*В этом мире
Лягушки и змеи
Вселяют в нас ужас,
Но, к счастью, немало
Вокруг слизняков [пища для них].*

(По каким-то причинам некоторые японцы боятся лягушек и жаб так же, как и змей.)

(Дзэнские личинки)

*Личинкам, быть может, неплохо в дерьме,
Но не пытайся их истребить;
Знаешь,
Много полезных вещей
Из дерьма происходит.*

Корабль с сокровищами
 Семи Богов Счастливой Судьбы.
 Здесь Тэсю шутило объединил
 каллиграфию, рисунок
 и дзэнский юмор. Ниже приводит-
 ся забавно-абсурдное стихотворе-
 ние, которое одинаково читается
 с начала и с конца:

После долгой ночи
 Пробуждаются боги
 От сладкого сна,
 Потревожны звуками волн,
 Бьющих о лодку.

Здесь Тэссю изобразил Фудо Мео, которому поклонялись в огромном сингонском храме в Нарита. Фудо (Акала), воплощение бурного динамизма и неизменного холодно-кровия, был божественным покровителем мастеров меча. Обычно его сопровождает свита из двух мальчиков, которые помогают ему в работе по усмирению зла и помощи в просветлении. Надпись представляет собой короткую сутру святого Фудо:

Однажды во время собрания учеников Будды появился Фудо. И этот Фудо был чрезвычайно силен: на его бледном лице проступало великое сострадание, когда он занял Алмазный Трон, от него исходила великая твердость, а в сиянии, окружавшем его, видна была великая мудрость. Размахивая мечом постижения, он рассек три яда — жадность, гнев и заблуждение; путами-самадхи связал он врагов буддизма.

Не имеющий формы подобно пустоте Тела Дхармы, Фудо обитает нигде, но живет в сердце живых существ. Преданный слуга для всех, он способствует благополучию и конечному спасению живых существ. И когда все собравшиеся услышали это учение, они с радостью прониклись и приняли его.

Рисунок был сделан всего за четыре месяца до смерти Тэссю; невозможно даже предположить, что это работа человека, неизлечимо больного раком желудка

Дзэнское изображение Тэсю
работы Кацу Кайсю. Надпись
гласит:

Храбрый и мудрый,
Этот мужественный человек
вершил великие дела.
Его искусство меча было
неизмеримо высоким,
А просветление
всеобъемлющим.
Породят ли потомки
равного ему?

Черепы всегда были популярной темой в дзэнском искусстве, но в первую очередь не как символы непродолжительности и суетности жизни, а как образ справедливости изменений. Природе Будды присуще неизбежное разрушение всех вещей. Надпись Тэсю подтверждает это:

Нет лучшего повода для поздравления, чем это!

Под другим изображением черепа он написал:

Отринь смерть,
И блаженство сойдет на тебя;
Притворись мертвым,
И станешь хуже,
Чем труп.

важный правительственный чиновник. Открыли занавес, и Тэссю представил гвоздь программы — большую группу слепых гадалок и массажисток, одетых в лохмотья. По знаку Тэссю женщины продемонстрировали свои «скрытые таланты» — кто-то играл на сямисэне, кто-то на флейте, кто-то читал синтоистские молитвы, а кто-то пел популярные песенки — и все это одновременно, сливаясь в невероятную какофонию.

— Это, дамы и господа, — заявил Тэссю напуганной публике, — благотворительный бал по-восточному!

После того как Тэссю оставил службу при императорском дворе, его расписание состояло из тренировок с мечом с 6:00 до 9:00 утром, каллиграфии и рисования с 10:00 до 16:00 или 17:00 и медитации или же переписывания сутр вечером (часто до 1:00 или 2:00 ночи). Тэссю твердо придерживался дзэнской поговорки «Ешь, когда голоден; спи, когда устал»; всегда, когда Тэссю клонило ко сну, он извинялся, уходил в свою комнату, крепко спал где-то с полчаса (храпя при этом как тигр), а затем возвращался к работе или к гостям полностью отдохнувшим.

Годы изнурительных тренировок и чрезмерного пьянства взяли свое, и Тэссю поставили диагноз — рак желудка. До самого конца Тэссю без жалоб и уныния придерживался своего расписания, сосредоточившись на своих делах, предоставив радости и боли, жизни и смерти идти своим чередом.

Его жена поинтересовалась, есть ли у него какое-нибудь мудрое наставление для потомков.

— Нет, — ответил Тэссю.

«А как насчет наследства для своих внуков?» Тогда Тэссю написал такое высказывание китайского мудреца Сыма:

Для наследников скопишь ты деньги —
они их, конечно, потратят;
Соберешь ты коллекцию книг —
наверняка не прочтут в них ни строчки;
Лучше в себе накопить добродетель —
ведь она сохранится
на долгие годы.

Мацуока прослышал о том, что Тэссю быстро угасает. Ночью он пробрался в комнату Тэссю и прыгнул на своего учителя, который в тот момент медитировал. После того как Тэссю схватил незваного гостя, то увидел, что перед ним Мацуока.

— Что ты вытворяешь, болван?

— О Учитель! С вами все в порядке! Вы все еще в форме!

Мацуока побежал к Фусако сообщить хорошую новость, что ее муж такой же сильный, как и прежде.

На самом деле жить Тэссю оставалось всего неделю. Сотни людей приходили, чтобы попрощаться с Тэссю, в том числе и его старший товарищ Кайсю.

— Похоже, что ты уходишь раньше меня, — сказал Кайсю.

— Простите меня за то, что ухожу первым, — пошутил Тэссю. — Но у меня срочное дело.

Этот покрытый следами слез
 посмертный портрет был сделан
 Танака Сэйдзи, одним из учеников Тэссю, сразу же
 после смерти учителя.
 19 июля 1888 года был жаркий летний день, поэто-
 му у Тэссю, даже мертвого,
 в руках веер: дзэн учит нас соответствовать погоде.
 Хотя такая форма перехода идеальна,
 в действительности лишь немногие последователи
 дзэн погружались в вечную медитацию в позиции
 для медитирования; полагают, что в эпоху Мэйдзи
 Тэссю был единственным, кому это удалось.
 Поскольку такая смерть была редким явлением, его
 друзья и ученики собирались отложить кремацию
 Тэссю, чтобы позволить ему «помедитировать».
 Тем не менее, так как Тэссю никогда
 не любил выставять себя напоказ,
 от этого решили отказаться

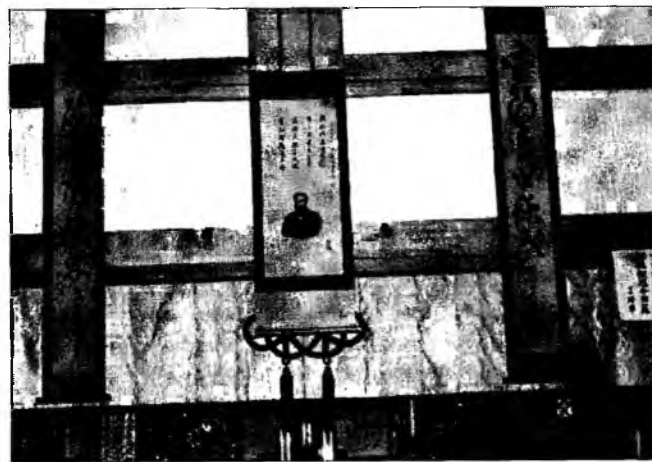
В Японии есть обычай приносить серьезно больным людям подарки, часто в виде денег. Тэссю дал четкие указания, чтобы эти деньги раздали тем нуждающимся, которым в последнее время было отказано, — Тэссю остался совсем без денег.

Когда пришло время умирать (19 июля 1888 года), Тэссю помылся и надел чистое белое кимоно. Согласно традиции ученики попросили о предсмертном стихотворении. Тэссю тут же выдал хайку:

От жуткой боли
сводит живот —
Утром каркает ворона.

Так как ученики Тэссю никогда не слышали посмертное стихотворение, где было бы слово «боль», они полагали, что «покой», «свет» либо что-то вроде этого было бы более приемлемым для мастера дзэн — они не решались предавать такой вариант гласности. Не без трепета они передали это стихотворение настоятелю Гасану по его просьбе. «Какое великолепное посмертное стихотворение», — воскликнул он. Когда пролетала ворона и о чем-то кричала, Тэссю истекал кровью, а его желудок разъедал рак — и оба эти события наполняли Вселенную.

Тэссю принял надлежащее положение для медитации, попрощался с семьей и друзьями («Не беспокойся о пище и одежде», — предостерег он старшего сына), закрыл глаза, глубоко вздохнул и погрузился в вечную медитацию. Некоторые источники утверждают, что казалось, будто Тэссю безмятежно улыбался перед самой смертью. Ему было пятьдесят три года.

Каждый год 19 июля в Дзэнсе-ан проводится поминальная служба в честь Тэссю. Эти три свитка висят над алтарем. Справа: Сидящий среди тысячи мудрецов. Слева: Разбивающий твердыню армии демонов. На свитке с портретом Тэссю написано стихотворение Тэкисуя:

Меч и кисть парили меж Абсолютным
и Относительным,
Его верное мужество и благородная сила
пронзали Небеса.
Сон в пятьдесят три года длиною,
Овеянный чистым ароматом лотоса,
цветущего в сердце бушующего огня.

На похоронах Тэссю присутствовало пять тысяч человек; совместную службу проводили главы всех основных буддийских школ. Фусако, его верная спутница, умерла десятью годами позже. Тэссю похоронен в Дзэнсе-ан. Впоследствии там оказались также члены его семьи и многие из его ближайших учеников.

Дзэн Тэссю был немеркнущим пламенем: мужество в нем сочеталось с состраданием, железная дисциплина с чуткой отзывчивостью, а физическая сила с душевной утонченностью. Тэкисуй сочинил такое стихотворение на похороны Тэссю:

Меч и кисть парили меж Абсолютным
и Относительным,
Его верное мужество и благородная сила
пронзали Небеса.
Сон в пятьдесят три года длиною,
Овеянный чистым ароматом лотоса,
цветущего в сердце бушующего огня.

4

ВЗМЫВАЮЩИЙ ВВЕРХ ДРАКОН

Несмотря на свои беспримерные достижения, Тэссю не был одарен от природы. У него была слабая память, и запомнить прочитанное он мог, лишь написав это несколько раз. Хотя его врожденные способности и были невелики, он невероятно много трудился — вполне возможно, что Тэссю создал больше работ, чем любой другой каллиграф в истории Востока.

Когда Тэссю жил в Такаяма, ему посчастливилось стать учеником Иваса Иттэй, пятьдесят первого Глав школы каллиграфии Дзюбокудо. Название дзюбоку («войти в дерево») обязано своим появлением следующей легенде: однажды кто-то по ошибке попытался вывести на доске надпись, сделанную китайским каллиграфом третьего века — святым О Гисю (Ван Си-цзином); как бы глубоко ни срезал этот человек, уничтожить сделанную кистью надпись было невозможно — в самое сердце дерева глубоко вошли сами иероглифы, а не только тушь. В девятом веке школа Дзюбокудо была перевезена из Китая в Японию Кобо Дайси, патриархом школы Сингон. В каллиграфии Дзюбокудо основное внимание уделяется не технической стороне работы с кистью, а духовной.

Иваса, ученик и преемник монаха Дзекэя из Тэндая, тоже был помешан на упражнениях. Три года он провел, практикуясь только в написании простого иероглифа *ити* (один), а на регулярные занятия у него

уходило по пинте чернил в день. Тому, кто желал стать учеником Иваса, необходимо было сделать копию «Канона тысячи иероглифов» (*Сэндзимон*), обычного учебника для начинающих. После того как Тэссю месяц изучал образцы написания иероглифов работы Иваса, отец велел ему сделать чистую копию текста на гербовой бумаге. Одиннадцатилетний мальчик тут же сел за работу и через несколько часов вручил отцу копию из шестидесяти трех страниц. Иваса, пораженный способностями мальчика, согласился учить Тэссю.

Есть некоторые сомнения по поводу того, был ли Тэссю пятьдесят вторым Главой школы Дзюбокудо. В возрасте пятнадцати лет Тэссю подал официальное «Прощение о наставничестве»; спустя всего шесть месяцев он получил от Иваса «Сертификат мастерства». Само по себе это не так уж и необычно — очевидно, Тэссю был первым из учеников Иваса, кто представил документ, — однако маловероятно, чтобы Иваса выбрал в качестве своего преемника пятнадцатилетнего подростка, обучавшегося всего четыре года, каким бы талантливым тот ни был. Есть мнение, что Иваса, которому в то время было семьдесят лет, за отсутствием перспективных учеников считал Тэссю достаточно способным, чтобы продолжить традицию Дзюбокудо, но не решался назначить его главой солидной школы в столь юном возрасте. Учитель и ученик регулярно переписывались вплоть до смерти Иваса в 1858 году. Впоследствии Тэссю продолжал учиться самостоятельно, посещая выставки, советуясь с учеными мужами и, конечно же, переписывая

образцы китайской каллиграфии. Так как достойных претендентов не появилось, Тэссю, безусловно, принял звание пятьдесят второго, и последнего, Главы школы каллиграфии Дзюбокудо.

Ранние образцы каллиграфии Тэссю, когда ему было тридцать с небольшим лет, выполнены технически грамотно, но лишены глубины. Только после того, как в возрасте сорока пяти лет достиг просветления, его работы кистью стали по-настоящему зрелыми.

В последние восемь лет жизни Тэссю работал невероятно плодотворно — по самым скромным оценкам, число его работ достигает МИЛЛИОНА. Главной причиной такой поразительной продуктивности было добывание денег на восстановление храмов для жертв катастроф и на другие достойные нужды. В дополнение к 1200 экранам с 12 000 листами для Кокутайдзи и к 6500 работам для Екодзи Тэссю написал 20 000 листов для другой группы экранов, создав несколько тысяч полномасштабных (110×28) полотен для жертвователей в фонд восстановления Тэссюдзи, в течение восьми месяцев написал сто одну тысячу работ, с тем чтобы заплатить за восстановление Дзэнсе-ан, а в последние пять месяцев жизни, когда он предположительно уже «отошел от дел», Тэссю сделал надписи на сорока тысячах вееров для того, чтобы собрать деньги на реставрацию зала боевых искусств.

Тэссю писал по пятьсот листов (!) в день; в случае нужды он мог сделать и тысячу (рекорд был тысяча триста листов). И это лишь законченные работы на

Слева — Взмывающий
ввысь дракон.
Одно существо
в мгновение ока долетает
до вершины горы Фудзия-
ма, тогда как другое (спра-
ва) медленно прокладывает
себе дорогу наверх
в течение не одного го-
да — как дракон, так и
улитка достигают места,
куда хотят добраться, каж-
дый со своей скоростью.
Написав стихотворение

Если улитка
Отправляется
К вершине Фудзи,
Будь уверен —
Она доползет,

Тэссю попросил
своих учеников добавить
подходящее продолжение.
Добровольцев
не нашлось, и тогда Тэссю
справа написал свою лю-
бимую поговорку:

Когда дух един,
любая вершина
подвластна!

продажу или по отдельным просьбам, не считая испорченных либо черновых листов. Вдобавок ко всему Тэссю успел написать более ста томов сяке (копии сутр).

В тех случаях, когда Тэссю нужно было написать большое количество каллиграфии за короткое время, он начинал работать сразу же после утренней тренировки кэндо. Пока Тэссю работал с кистью, пять или шесть его помощников готовили тушь, раскладывали бумагу, подсушивали готовые листы и т. д. Тэссю продолжал работать до полуночи, делая короткий перерыв на скромный обед, состоявший из риса и сушеных слив. «Собери все, что есть на небе и на земле, на кончике кисти, и ты никогда не почувствуешь усталости», — говорил Тэссю своим ученикам, когда они один за другим валялись с ног.

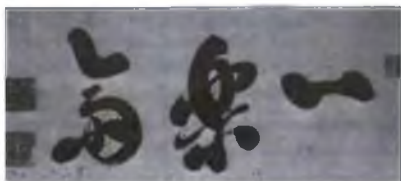
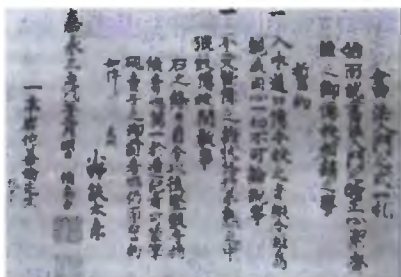
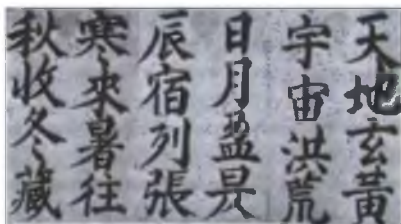
Ростовщики часто взимали долги каллиграфическими работами. Одного кредитора, приехавшего за деньгами издалека, попросили задержаться, пока Тэссю не сможет обеспечить «платеж». Спустя три дня кредитор вернулся домой с тремя тысячами работ, сделанными на заказ. Иные кредиторы считали, что мастерски написанные Тэссю долговые расписки имеют большую ценность, чем сам долг, и никогда не требовали денег.

Каллиграфия Тэссю пользовалась такой популярностью, что для того, чтобы сохранять порядок, его ученикам приходилось раздавать работы многочисленным желающим, приходившим каждый день. Однажды ученики были так рассержены просьбой одного мясника написать вывеску, что не впустили

его. Тэссю случайно услышал шум и вышел. «Если это поможет его торговле, то это будет только хорошо, — строго отчитывал он их. — Моя каллиграфия не для продажи, и не товар для обмена; не следует отказывать никому, кто приходит сюда с просьбой, какой бы она ни была». До наших дней сохранилась замечательная вывеска «Тэссю Соба» на макаронной лавке в Токио. Один владелец театра попросил Тэссю сделать подходящую надпись для громадной новой занавеси длиной восемьдесят четыре фута. Тэссю задумался на мгновение, затем взял большую кисть и написал огромными иероглифами: «Всегда полный зал».

Несмотря на то что Тэссю и не брал денег за свои каллиграфические работы, многие просители (хотя и не все) из обычной вежливости приносили что-нибудь взамен: либо подарки, либо деньги. Когда же Тэссю получал конверт с деньгами, он не открывая клал его в специальный ящик. Если приходил какой-нибудь нуждающийся, Тэссю рылся в ящике и извлекал оттуда нужную сумму. Продажа каллиграфических работ Тэссю увеличивала благосостояние других (в том числе тех, кто эти работы подделывал), но не принесла ни иены ему самому.

Меч Тэссю был дарующим жизнь; его кисть была кистью Бодхисаттвы. Каждый раз, когда Тэссю писал кистью, он произносил одну из четырех Великих Клятв: «Живых существ бесчисленное множество, и я клянусь всех их спасти». Когда его друг заметил: «Ты, несомненно, написал много работ», — Тэссю ответил: «Я только начал. На то, чтобы дойти до тридцати пяти миллионов, уйдет уйма времени» (численность

Сверху: копия Сэнзимона, сделанная Тэсё в возрасте одиннадцати лет. В середине: «Официальное прошение» пятнадцатилетнего Тэсё стать учеником Иваса Иттэя. Внизу: выполненная Иваса надпись «Итиракусай» — прозвище, которое он дал Тэсё

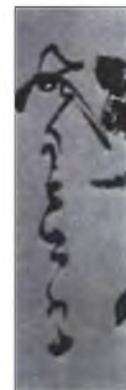
а) 44 года...

б) 45 лет...

в) 47 лет...

г) 49 лет...

д) 52 года...

Если правда то, что каллиграфия отражает линию сердца, тогда глубину просветления можно прочесть по строчкам, написанным кистью.

Сравните подпись Тэсё в возрасте сорока четырех лет (а) с подписью в сорок пять (б), спустя несколько месяцев после просветления.

С каждым последующим годом глубина просветления Тэсё отражается во все большей четкости и ясности чернильной надписи (в–д).

(Эта тема более подробно описана в книге «Дзэн и искусство каллиграфии» Рутледж и Кеган Пол, 1983 г.)

Тигр и дракон. Эти два мифических животных олицетворяют работу вселенной. Тигр (слева) отождествляется с принципом инь, а дракон (справа) символизирует принцип ян. Изображенные вместе, они означают гармоничное соединение противоположностей — мужского и женского, светлого и темного, весны и осени, востока и запада. Бокки, энергия ки в туши поражает; создается впечатление, будто эти два иероглифа в любой момент могут вырваться из бумаги

Это, по-видимому, один из сорока тысяч вееров, расписанных Тэсю в последние пять месяцев жизни, чтобы достать деньги для зала кэндо.

Согласно Дзэнсе-ан, это было написано всего за несколько дней до его смерти. Надпись гласит:

Храмовый колокол —
Его чистый звон
Рассеивает облака иллюзий
Всех тех, кто
Внемлет ему.

Сяке Сутры Заповеданного Учения, написанное Тэсю. В этом образце можно почувствовать божественную кисть Тэсю. Помимо совершенной формы и отточенного как бритва мастерства, иероглифы пронизаны духовной силой. Каждый иероглиф действительно подобен Будде. (К сожалению, большая часть сяке погибла во время одного из пожаров в Дзэнсе-ан.)

населения тогдашней Японии). Таким образом, каллиграфия была для Тэссю одним из искусных приемов, с помощью которого он мог вести и поддерживать других на пути к спасению.

За два года до смерти Тэссю заявил о своем намерении переписать весь буддийский канон.

— Даже если ты доживешь до ста лет, ты не сможешь переписать и половины, — заметил его друг. — Зачем же начинать?

— Что! — воскликнул Тэссю. — Когда я закончу весь канон на расчерченной бумаге, я планирую написать его скорописью.

Тут Тэссю прочел мысли своего друга.

— Нет, я не сумасшедший. Скоро я сменю этот мешок дерьма [то есть тело] на другой и так смогу продолжать задуманное. Рано или поздно, когда-нибудь и где-нибудь я закончу работу.

— Но не будет ли переписывание всего канона слишком тяжелым испытанием?

— Вовсе нет. За раз я переписываю только одну страницу.

Мыши, когда-то смертельно напуганные медитацией Демона Тэцу, теперь резвились на его коленях и плечах, когда он писал сяке, создавая очередного Будду в каждом иероглифе. До самого дня своей смерти Тэссю продолжал писать сяке; и даже в таких чрезвычайных обстоятельствах его кисть, которая была божественной, придавала иероглифам совершенную форму.

Своим ученикам по каллиграфии Тэссю давал точно такой же совет, что и ученикам по кэндо: хотя

бы три года придерживайтесь основ — забудьте поначалу о формировании собственного стиля, сосредоточившись на писании простых линий и *и-ро-ха*, японской азбуки. После этого самое малое десять лет должно посвятить переписыванию классиков китайской каллиграфии. Особенно Тэссю рекомендовал О Гисю; каким бы трудным это ни казалось, наставлял он своих учеников, единственный способ обучения — с самого начала копировать самое лучшее. Тэссю потратил двадцать лет, переписывая классиков китайской каллиграфии и бесчисленное количество часов созерцая работы японских мастеров дзэн — Дайто, Мусо, Иккю, Рикю, Сэссю, Мусаси, Такуана, Фугая, Хакуина, Суйо, Тайгадо, Сэнгая, — прежде чем создал свой собственный уникальный стиль.

В каллиграфии не в меньшей степени, чем в искусстве меча, необходимо выйти за рамки формы. Один известный каллиграф, описав свои подробно разработанные приготовления, тщательный выбор орудий письма и бумаги и особые приемы, спросил Тэссю, какой системы тот придерживается.

— Никакой, — ответил Тэссю.

— Я не понимаю.

— Как вы полагаете, кто лучший плотник: тот, кто может работать только с хорошими инструментами, или тот, которому не важно, что именно у него в руках?

Пару слов об искусстве Тэссю. Излишне говорить, что не каждая из бесчисленного множества его работ, написанных за последние восемь лет жизни, является шедевром — как-то Тэссю пошутил, что

он скорее маляр, нежели каллиграф, — многие из них набросаны на скорую руку в безумном порыве дзэнского исступления; однако даже в поспешно написанных вещах нет ни следа косности, ни налета суетности. Нет здесь и небрежно написанных иероглифов. При жизни у Тэсю было много завистливых критиков, однако никто из них не мог придраться к его произведениям — его техника письма, отточенная долгими годами переписывания классических образцов, была безупречной.

Созерцать его удивительно естественные рисунки также одно удовольствие. Каллиграфия Тэсю как мастера се, высшей из всех форм искусства, в самом деле подобна взлетающему дракону.

Восемь бессмертных винной чаши

Взад-вперед на коне качает Цзи-Чжана,
будто на корабле в непогоду;
Упади он в колодезь в нетрезвом тумане,
то, наверно, уснул бы на дне крепким сном.
Три галлона для принца Жу Яна —
первая нужная вещь по утрам;
А как слюнки текут, когда пивовар проезжает;
очень жаль, что не быть ему Богом
Пьяной Весны.
Ли, министр, кладет уйму денег на алтарь
ежедневной привычки, словно кит осушая
реки вина;
Удовольствие ищет он в мудрой воде, нежно
чашу лелея, и как можно скорее мечтает
уйти на покой.

Красивый юноша Цзун-цзи не смотрит на землю;
Сжимая любимую чашу, свой взор устремив
в небеса, сверкает он на ветру подобно стволу
из нефрита.

Монах Су Цзинь

читает сутры перед ликом Будды.

Но медитацию он часто прерывает,
чтоб покутить с друзьями от души.

Сотню стихов сочиняет Ли Бо после галлона;
в винной лавке в Чанъани он спит,

Отказавшись подняться на борт императорской
лодки: «Я Бессмертный Вина, государь».

Выпивает три чаши известный каллиграф

Чжан Сюй, и вот он уже на коне;

Забывая о приличиях, снимает он шапку,
и из-под кисти его выходит шедевр.

Чжао Суй осушает за раз пять галлонов,
и прекрасною речью

Он радует слух;

его мастерство — поистине редкое чудо.

作字要手熟則神氣完實而有餘韻于靜中自是
 一樂事然常患少暇豈于其所樂常不足耶自蘇子美
 死遂覺筆法中絕近年蔡君謨獨步當世往者謙讓不肯
 主盟往年予嘗戲謂君謨言學書如訴急流用盡氣力不
 離舊處君謨頗諾以為能取譬今思此語已四十餘年
 意如何哉
 錄蘇東坡與蔡君謨論書記 山岡鐵舟

Образец написанного Тэссю кайсе, упорядоченного стиля письма. В этом отрывке приводится высказывание китайского мудреца Сотоба (Су Дун-бо):

Для того чтобы должным образом писать иероглифы, требуется зрелость. Это значит, что человек должен управлять волнами божественной энергии. Когда так владеешь собой, то каллиграфия становится истинным удовольствием. В наши дни работа с кистью людям кажется в тягость и редко кто получает удовольствие от письма. Все это оттого, что люди пренебрегают учением великих китайских каллиграфов. Они говорят нам: «Изучение каллиграфии подобно несущемуся потоку; нужно использовать каждую каплю физической духовной энергии. Не отделяйте себя от древних Путей». Более сорока лет я размышляла над этим мудрым советом. А вы?

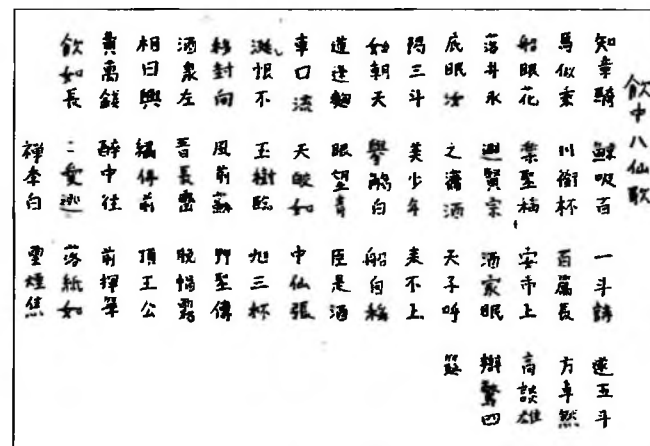

Складная ширма
с каллиграфией и-ро-ха —
японской слоговой азбукой.
Кобо Дайси, которому традиционно
приписывается создание этой каны,
написал следующее буддийское стихотворение,
в котором сорок один слог:

Прекрасные [цветы] источают аромат,
Но должны увянуть;
Кто из живущих в этом мире
Может жить вечно?
Давай, перейди через высокие горы
Жизненных иллюзий,
И не будет больше ни мелочных мечтаний,
Ни пьяного угара.

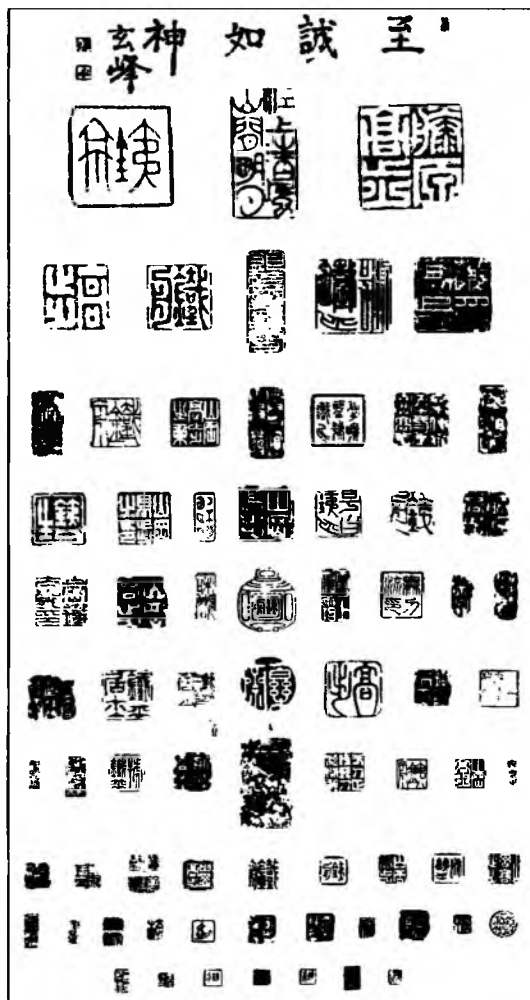

Черновик «Истинного значения
искусства меча Муто Рю»

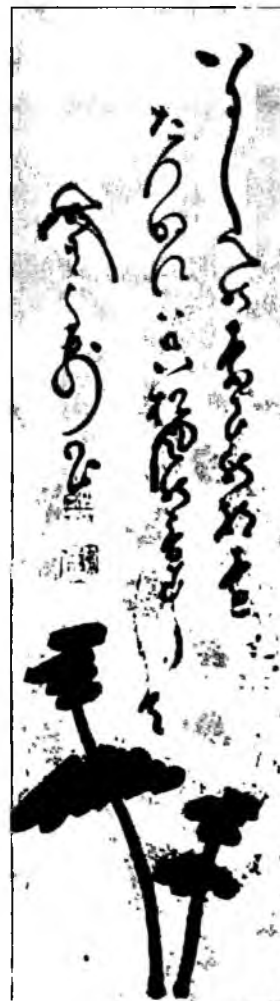

Стихотворение «Восемь бессмертных винной чаши»,
написанное китайскими иероглифами.

Вариант Тэссю приведен на страницах 174–175,
а перевод на странице 176–177

Коллекция печатей Тэссю.
 Надпись сверху
 («Искренность подобна богу»)
 была написана Ямамото Гэмпо,
 одним из выдающихся роси
 двадцатого столетия.
 После ухода с должности
 настоятеля Месиндзи
 какое-то время Гэмпо
 жил в монастыре Дзэнсе-ан
 (один из его учеников служил
 там старшим монахом)

На Дальнем Востоке нет четкого разделения между каллиграфией и живописью.

Слева: бамбук

Справа: две сосны
и стихотворение:

Поездка
В древнюю столицу Нара:
Все эти руины —
Шелест ветра
В кроне сосны.

Дикая хризантема и китайское стихотворение:

Нежные хризантемы в полях
Ждут, когда их заметят,
Но никто не идет,
Насладиться их красотой,
И благоуханье их тает.

Страница из записной книжки Тэсё.
Даже в черновых блокнотах каллиграфия Тэсё исключительно хороша и преисполнена энергии ки

Омори Согэн использует текст стихотворения
Ду Фу «Восемь бессмертных винной чаши»,
написанный Тэсё, в качестве прописи
для обучения каллиграфии в Обществе Тэсё

Когда китайский император спросил известного каллиграфа, как нужно держать кисть, тот сказал:

Если разум ваш будет в порядке, то и кисть будет в порядке (Кокоро тадасикэ-рэба сунавати фудэ тадаси). Это справедливо для любого из Путей. Если помыслы нечестны или искажены, такой же будет и техника. Когда каллиграф здесь и сейчас пишет в состоянии «без-разума», то строчки полны энергии; если же он чем-то смущен либо исполнен заблуждений, то строчки будут безжизненны, как бы хорошо они ни были написаны

5

ТРИ СЮ

Тэссю был младшим членом *Бакумацу но сансю*, или «Трех Сю эпохи Бакумацу». Три Сю — Кацу Кайсю, Такахаси Дэйсю и Ямаока Тэссю — были государственными деятелями, столпами учения дзэн, слугами народа, в высшей степени безразличными к деньгам, власти и личной славе. У каждого из них вторая часть имени представляет собой иероглиф *сю* (лодка): *кай-сю*, «океанская лодка», рассекает бескрайнее море; *дэй-сю*, «вездеходная лодка», твердая как скала на суше и неуловимая на воде; *тэцу-сю*, «железная лодка», — чудесный корабль Пана:

Для поддержания жизни нужно все убить:
Когда все разрушено, можно пребывать в покое.
Если постигнешь сей сокровенный смысл,
Железная лодка поплывет по воде.

Кацу Кайсю родился в 1823 году в Эдо, в семье обедневшего мелкого самурая. Ребенком Кайсю рос вместе с одним из сыновей сегуна и получил обычное самурайское образование, куда входили китайская классическая литература, каллиграфия и поэзия. Первым учителем Кайсю в искусстве меча был Ота-ни Нобутомо, тринадцатый Глава Дзикисинкагэ Рю, а в возрасте шестнадцати лет Кайсю стал учеником конфуцианского ученого и мастера меча Симада Тораноскэ. Симада наставлял Кайсю: «Если хочешь

овладеть секретами искусства меча, изучай дзэн. Это кратчайший путь».

В последующие четыре года Кайсю распределял время между залом для медитации и залом кэндо; каждый вечер он уединялся в горной обители, чередуя упражнения с мечом с занятием медитацией до самого рассвета. Кайсю часто говорил, что эти годы суровых тренировок в искусстве меча и дзэн помогли ему стойко встретить многие трудности и опасности в дальнейшей жизни — всегда храня при этом свой меч в ножнах и отвечая на каждый вызов энергией «меча благородного мужа». Кайсю получил удостоверение от учителя Дзикисинкагэ Рю, когда ему был двадцать один год, но он понимал, что Япония не может больше защищать себя только при помощи мечей.

В результате Кайсю решил изучать европейскую воинскую науку и овладел голландским языком, а затем понемногу большинством западных наук. Тем не менее Кайсю не забросил восточное образование; один из учителей говорил ему: «Сейчас, когда во всем мире утверждается западная наука, как восточным, так и западным людям нельзя позволять себе забывать учения великих мудрецов Востока. Как следует изучай восточные идеи и западные технологии, чтобы быть маяком для своих соотечественников». Занимался Кайсю следующим образом: по утрам он читал книги на западных языках, днем — китайскую классическую литературу, а вечером — работы на японском. Безденежный, как и большинство самураев того времени, Кайсю был вынужден ограничить себя

Три Фудзиямы трех Сю: Кайсю.

В наши дни люди жалуются на три страны [Россию, Францию и Германию], многие возмущены, встревожены и огорчены; когда я слышу подобный вздор, я прихожу в недоумение — сравните эти три страны с духом Фудзиямы

до одного приема пищи в день и использовать свой письменный стол в качестве кровати. После того как большинство потолочных досок в доме были пушены на дрова, Кайсю одолжил редкую книгу на голландском языке и сделал две рукописные копии, одну для себя, а другую на продажу. Несмотря на нищету, Кайсю никогда не жаловался и не вспоминал период нужды с сожалением. «Лишения создают человека» было самурайским кредо, а личным девизом Кайсю: «Отрешенный от себя, в гармонии с другими, пребывающий в безмятежности, решительный в действии, собранный в мыслях и несгибаемый в несчастьях».

В 1850 году Кайсю открыл свою школу западного типа. Письмо, где Кайсю выражал свою точку зрения на проблему защиты побережья Японии, было воспринято благосклонно, и в результате сегунат направил Кайсю на службу в государственное бюро переводов в Симода. В 1855 году Кайсю был переведен в недавно образованный Военно-морской институт в Нагасаки, где изучал морское дело у голландских капитанов. В 1860 году Кайсю выполнял обязанности японского командира *Кэнрин Мару*, корабля, на котором первая официальная японская делегация отправилась в Соединенные Штаты. (В Америке на Кайсю, похоже, наибольшее впечатление произвело то, как все слои общества смешиваются между собой, и то, с каким почтением и доброжелательностью там относятся к женщинам.) Спустя четыре с половиной месяца пребывания в США Кайсю вернулся в Японию, где он продолжал содействовать укреплению военно-морской мощи своей страны — Кайсю

иногда называют «отцом японского военно-морского флота». Как уже упоминалось ранее, они с Тэссю договорились о мирной сдаче замка в Эдо и плавном переходе власти во время реставрации Мэйдзи 1868 года. Видный чиновник нового правительства Мэйдзи, Кайсю в итоге стал министром военно-морского ведомства, а также служил государственным советником. Умер Кайсю в 1899 году в возрасте семидесяти семи лет.

Кайсю был одним из первых японских интернационалистов. Он принимал участие в первой делегации новой Японии в западную страну, а его сын, который проучился в Соединенных Штатах более десяти лет, стал, по-видимому, первым заморским ученым японского происхождения (*рюгаку сэй*). На протяжении всей своей карьеры Кайсю был тесно связан с внешней политикой. Он несколько раз участвовал в переговорах с такими лицами, как Таунсенд Харрис, Гарри Смит-Паркес, Эрнст Сатоу, и принимал других иностранных эмиссаров. Как-то раз Кайсю высказал суждение по поводу осуществления внешней политики:

В молодости меня учили, что секрет искусства владения мечом заключается в том, чтобы сохранять свой разум ясным и спокойным подобно прозрачному зеркалу (*мэйке-сисуй*); секрет внешней политики заключается в том же самом. Многие дипломаты заранее планируют, как они будут реагировать в определенных ситуациях, и устанавливают неизменные стандарты поведения. Это большая ошибка. Лучше не иметь в голове какой-то

определенной схемы и не держаться за абстрактные принципы. Откиньте все, что вас ограничивает, и не позволяйте иллюзиям и заблуждениям затуманить ваш взор. Сохраняйте ваш разум ясным и безмятежным подобно прозрачному зеркалу, и, что бы ни случилось, вы сможете повести себя естественным, должным образом.

Кайсю был убежден, что такого подхода следует придерживаться во всем в жизни — при проведении внешней политики, когда размахиваешь мечом или сидишь на подушке.

Учение дзэн Кайсю можно подытожить следующим образом:

Сядь и обо всем забудь. Когда твое сознание пусто, то можно легко справиться с любыми обстоятельствами. Если же тобой овладело беспокойство и тебя постоянно раздражает то одно, то другое, то ты никогда ни с чем не справишься. Человеку прежде всего необходима ежедневная физическая и психическая тренировка, постоянное закаливание и совершенствование духа. Самураев приучали, как к чему-то само собой разумеющемуся, жить просто и владеть минимумом вещей. Гораздо лучше быть свободным от привязанности к вещам и событиям; когда человек достиг высокого уровня понимания, его не волнует непрерывный ход событий и вещей.

Кайсю был искушен не только в политике, кэндо и дзэн. Помимо официальной жены у него на протяжении многих лет было по крайней мере еще пять партнерш, приживших от него как минимум девять

детей. Говорят, что в самом конце жизни, когда Кайсю было далеко за семьдесят, он жил с шестью молодыми женщинами.

Такахаси Дэйсю, наименее известный из Трех Сю из-за раннего ухода с политической арены, родился в 1835 году. Его самурайская семья, жившая в Эдо, была несколько богаче, чем семья Кайсю (клан Оно, к которому стал принадлежать и Тэссю, был наиболее именитым из трех); по рождению Дэйсю был Ямаока, однако в юности принял девичью фамилию матери Такахаси, с тем чтобы продолжить эту ветвь рода. Из клана Ямаока-Такахаси вышло немало выдающихся мастеров боевых искусств, а семейной традицией была борьба на копьях. В юном возрасте Дэйсю начал совершенствоваться в этом искусстве, сначала под руководством своего деда, а затем старшего брата Сэйдзана. После того как Сэйдзан безвременно скончался в возрасте двадцати семи лет, Дэйсю унаследовал тренировочный зал, а Тэссю женился на его сестре и принял имя Ямаока.

Хотя Дэйсю, по всей видимости, никогда не изучал дзэн, как это делали двое других Сю, тем не менее однажды у него состоялась схватка с одним дзэнским монахом, который дал ему ценный совет. Как-то раз Дэйсю по семейным делам остановился в храме в Уэно, и получилось так, что он стал хвастаться перед тамошним священником своим искусным обращением с копьем.

— Неужели? — заметил священник. — Может, покажете? Сможете коснуться меня своим оружием?

Рассердившись на бесцеремонное отношение к своей репутации, Дэйсю схватил палку для белья, собираясь быстро расправиться с монахом. К своему ужасу, Дэйсю не смог приблизиться к священнику, который ловко уклонялся от ударов. Дэйсю был вынужден признать свое поражение и принялся умолять священника:

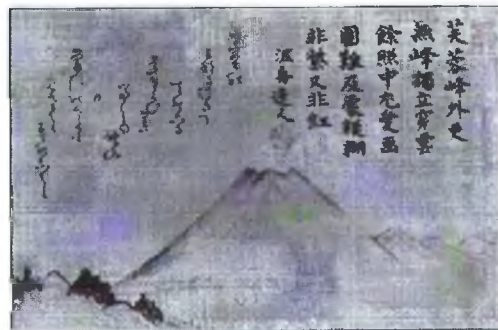
— Что у вас за школа? Пожалуйста, научите меня основам вашей Рю.

— Я принадлежу к Рю «Горы высоки, а реки длинные». Она также известна как школа «Глаза расположены по горизонтали, а нос по вертикали», или «Ивы зеленые, а цветы красные».

— Что вы имеете в виду? — спросил озадаченный Дэйсю.

— Догадайся сам, — сказал дзэнский священник.

Особые отношения сложились у Дэйсю также со священником продзэнского Дзедо Синсю по имени Риндзуй. Риндзуй любил озадачивать Дэйсю такими высказываниями в духе коан, как «Что-то должно поступать как ничто, а ничто должно поступать как что-то. Разбей концы и оставь середину!» Дэйсю размышлял над загадками Риндзуя во время занятий с копьем. Однажды ночью, после трехлетних раздумий над великой сущностью жизни и смерти, Дэйсю приснилось, что он увидел своего покойного брата Сэйдзана. Проведя с Дэйсю несколько схваток, Сэйдзан поделился секретами искусства копья, и к Дэйсю пришло глубокое понимание. Когда Дэйсю воспользовался этим опытом, о нем заговорили как о непревзойденном мастере копья.

Дэйсю. В китайском стихотворении слева:

Никакая гора не сравнится с лotosовой вершиной
в дымке заката,
В одиноком великолепии парящей
над облаками.
Нелегко описать
ее красоту —
Кроваво-багряный и ослепительно-красный
растворяются в умирающем свете.

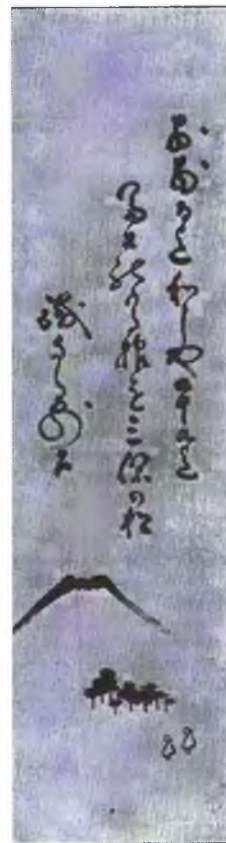
Японские стихотворения справа:

Великолепие
Трех Имперских Сокровиш
Будто блеском своим
Озаряет весь мир, отраженный
Священной горой Фудзияма.

Ты сокровища те
На ладонь положи
И всем покажи
Фудзияму весной.

После назначения Дэйсю официальным наставником сегуна в искусстве владения копьем, он постепенно стал все больше вовлекаться в политику. Какое-то время он служил представителем правительства в Исэ, однако был ложно обвинен в организации заговора и посажен под домашний арест. После того как в 1868 году произошла реставрация Мэйдзи, Дэйсю отошел от общественной жизни. По сравнению с Кайсю и Тэссю, Дэйсю имел более тесные отношения с Есинобу, последним сегуном рижима Токугава, и считал, что должен находиться рядом со своим господином в изоляции после отречения Есинобу. Несмотря на то что Дэйсю несколько раз предлагали важные посты в правительстве Мэйдзи, он мирно жил вдали от всеобщего внимания (пользуясь поддержкой Тэссю), посвятив себя поэзии, каллиграфии и рисованию вплоть до того, как скончался в 1903 году в возрасте шестидесяти девяти лет.

Возможно, Дэйсю и променял копье на кисть, однако отношение осталось прежним: всецело использовать свое тело и разум, ни на секунду не ослабляя сосредоточенности. Однажды Дэйсю так откровенно высказался по поводу каллиграфии: «Даже если вы слишком заняты повседневными делами, чтобы взять в руки кисть, вы все же можете развить свое искусство каллиграфии, развивая свой разум. Ни в коем случае нельзя пренебрегать своими обязанностями ради работы с кистью. Любая хорошо сделанная работа улучшает вашу каллиграфию благодаря тому, что укрепляется ваш дух. Ни один из великих людей древности никогда не считал, что

Тэссю.

Тебе исполнится сто,
мне — девяносто девять.
Вершина Фудзи
и сосны в Мико.

Этот великолепный рисунок, возможно лучший из всех рисунков Тэссю, вне всякого сомнения, одно из лучших дзэнга

занятие каллиграфией должно ограничиваться только свободным временем».

По поводу дзэн Дэйсю говаривал так: «Если прекрасный меч не начищать постоянно, он не засверкает никогда. Если вы не упражняетесь, то никогда не сможете овладеть общим и частным. Многие могут рассуждать о дзэн, но немногие могут жить им. За дело!» По другому поводу он сказал:

Если кто-то вроде меня хочет достичь просветления, вот что он будет делать: прежде всего он схватит Эмма, Властителя Ада, за штаны и бросит его на землю; затем он подчинит себе слуг Эмма; завоевав всю преисподнюю, он направится прямо-ком к Чистой Земле, по ходу разшвыривая архатов и бодхисаттв до тех пор, пока не доберется до самого Будды; без малейшего колебания он сбросит Шакьямуни с Лotosового Трона и провозгласит себя Единственным Почитаемым на небе и на земле!

Когда Дэйсю узнал, что этот тупоголовый зять Тэсю достиг просветления, он хлопнул себя по колену и воскликнул: «Пора!»

6

СОЧИНЕНИЯ ТЭССЮ

Сочинения Тэссю, который сам по себе был человеком немногословным, написаны коротко и по существу вопроса. К примеру, в отношении поведения учеников было всего два принципа: «Не воровать и не лгать», и правила эти не вывешивались, пока у кого-нибудь не пропадали часы. Подобным образом Тэссю написал большинство своих письменных работ, преследуя конкретные задачи или нужды. Длинными были только сделанные Тэссю копии *мокуроку*, «перечень техник» Итто Рю.

Многие сочинения, приписываемые Тэссю, на самом деле написаны не им. На исходе эпохи Мэйдзи некто по имени Абэ Масато опубликовал *Тэссю Гэнко Року*, считавшуюся собранием работ Тэссю. Хотя большинство этих работ были поддельными, изобилующими противоречиями и несоответствиями, некоторые из них — например, «Искусство владения мечом и принципы дзэн» (*Кэнпо то Дзэнри*) — получили широкое распространение, вызвав немало недоумений. Аналогично вызывает сомнения большая часть работ, «записанных учениками»; тем не менее я включил в книгу некоторые выдержки из таких работ, которые, как представляется, правильно отражают взгляды Тэссю. Почти весь представленный здесь материал переведен непосредственно с оригинальных текстов Тэссю, хранящихся в Сюмпукан Бунко.

Принципы тренировок в школе искусства меча Мута Рю (1)

Искусство меча Мута Рю представляет собой работу по слиянию частного и общего¹. Издавна каждый основатель школы открывал этот принцип в ходе упорных непрерывных тренировок, делая его ядром своей традиции. В наше время большинство школ нетребовательны и более не следуют надлежащим методам. Бамбуковым мечом сейчас обычно пользуются исключительно для проведения состязаний. Это происходит оттого, что мало кто знает истинное значение искусства владения мечом, и многие гонятся за голой техникой, а сами школы просто сохраняют видимость. В бою такие мастера меча могут добиться успеха, если им повезет, но это будет не полная победа. Мои представления отличаются от распространенных стандартов. Настоящая победа приходит сама собой², когда мастер меча достигает состояния без-формы, а не цепляется за внешнее и разные стили. Тот, кто хочет идти по этому пути и поступает в мою школу, должен с великой решительностью упорно заниматься; в течение начального трехлетнего периода тренировок ученики школы должны следовать суровой дисциплине. Во избежание путаницы новым ученикам воспрещается смотреть на выступления других школ и участвовать в открытых состязаниях. Если это не соблюдать, то вся система тренировок рухнет. В основе моей Мута Рю лежат секреты слияния частного и общего. Это

Начальный и заключительный разделы «Правил тренировок школы искусства меча Мута Рю», написанные рукой Тэсю

учение имеет древнюю традицию, и все мои ученики должны соблюдать данные правила.

30 марта 1880 года³

Просветление через путь меча

Упорно занимайтесь, и тогда всего можно добиться; если бросите обучение, то останетесь ни с чем.

Когда мне было девять лет, я очень заинтересовался искусством меча и начал заниматься у Кусуми Кантэкисай из Синкагэ Рю. Позже я попал в додзэ Иноуэ Киетора из Хокуто Итто Рю и стал заниматься интенсивней, принимая участие в тысячах состязаниях с мастерами меча всех стилей. Более двадцати лет я упорно тренировался, но не мог дать своему разуму мир, который искал. Тщетно я повсюду искал по-настоящему просветленного мастера Пути Меча; потом я встретил Асари Матаситиро из Итто Рю. Асари был вторым сыном Наканиси Тюбии и наследником традиции искусства меча Ито Иттосай. Поскольку он был настоящим мастером, я сразу же попросил его о поединке. Асари не был похож ни на одного мастера меча, с которыми я когда-либо встречался, — он был податливый снаружи и твердый как алмаз внутри. Его огромная духовная сосредоточенность позволяла ему одержать победу над соперником прежде, чем тот что-либо предпримет. Это был поистине просветленный мастер. Впоследствии я сражался с ним бесчисленное количество раз, однако как я ни старался, не смог победить его.

Каждый день после тренировок с разными мастерами меча мне виделось, что Асари стоит передо мною как гора. Иневозможно было ни нанести ответный удар, ни прогнать это видение.

Позже, утром 30 марта 1880 года, когда я представлял себе, что скрешиваю мечи с Асари, видение внезапно исчезло и я достиг конечного состояния без-врага. Я поспешил в додзэ Асари, чтобы проверить свое достижение. Он сказал мне: «Ты постиг чудесный принцип». Опираясь на это пробуждение, я впоследствии создал систему, которую назвал Мутто Рю. Когда о таких вещах спрашивали великих людей древности, они говорили своим ученикам: «Если стараться, то придет понимание; упорная тренировка непременно ведет к основным принципам». Постигающие Путь, никогда не прекращайте заниматься!

Годами закалял я свой дух,
изучая искусство меча,
Каждый вызов приема без страха.
Стены обрушились вдруг;
Подобно капле росы, отражающей мир
в кристальной своей чистоте,
Пробужденье пришло.

При помощи мыслей постигать
действительность — это иллюзия;
Если думаешь о победе или поражении,
то потеряешь все.
В чем секрет искусства меча?
Молнии разрезают весенний ветер.

Июнь 1880 года⁴

Истинный смысл искусства меча Муто Рю

1. Мастера меча Муто Рю не добиваются превосходства при помощи состязаний; они очищают свой разум усердной тренировкой и естественно добиваются победы.
2. «Частное» и «общее» — два аспекта занятий. «Частное» — это техника, «общее» — это Сознание Будды. Там, где частное и общее находятся в гармонии, происходят чудесные⁵ вещи.
3. Что такое «без-меча»? Вне Сознания Будды нет меча. Когда встречаешься с противником, не завись от меча; используй Сознание Будды для того, чтобы сразить разум своего соперника. Это и есть «без-меча». Поддерживай строгую дисциплину и выполняй упражнения самостоятельно. Не полагайся на других; постигай все только сам!

Стратегия Муто Рю

Пять составляющих:

1. Ме-кэн, Чудесный Меч.
2. Дзэцуме-кэн, Изысканный Меч.
3. Син-кэн, Истинный Меч.
4. Контитео-кэн, Меч золотокрылого короля Гаруда⁶.
5. Докуме-кэн, Меч Неповторимого Великолепия.

Эти приемы Муто Рю не для поединка; они предназначены для тренировки разума и оттачивания

техники, которая позволит нам естественным образом одержать победу. Когда эти чудесные приемы отточены, меч движется [сообразно основам]: «Вне разума нет меча; посмотрите на противника, перед вами никого нет».

Двигайтесь свободно через все измерения и используйте Сознание Будды, чтобы одолеть разум — это «Молнии разрезают весенний ветер».

Суть искусства меча заключается в овладении общей и частной сторонами. Частное подразумевает технику; общее подразумевает Сознание Будды. Когда [тело и разум] отточены и очищены, человек достигает чудесного состояния, когда частное и общее едины. Продолжайте закалять свой дух, и тогда частное и общее будут полностью забыты — это «единый меч противостоит холодному небу»⁷. Если вы хотите овладеть секретами столь чудесных приемов, упражняйтесь, закаляйтесь, подвергайте себя суровой тренировке, забудьте про тело и разум; следуйте этой дорогой долгое время, и вы легко достигнете высочайших вершин. Чтобы узнать, горяча вода или холодна, вы должны ее потрогать. Таким же образом приемы меча передаются от разума к разуму. Это искусство меча Муто Рю.

Стоящий в додзэ суйгэцу⁸,
Сражающийся в цветах пустоты обнаженным
клинком.

Июнь 1880 года

Каким должно быть отношение начинающих учеников

Овладевающие искусством меча не должны увлекаться такими понятиями, как хорошее, плохое, победа и поражение, в первые годы занятий. Для того чтобы не развились неправильные навыки, старайтесь всем своим существом, упорно и с готовностью вновь и вновь беритесь за меч, работайте с полной отдачей и сосредоточьтесь на естественном выполнении приемов. В результате истинная сила укрепитя; вся неповоротливость исчезнет, а приемы можно проводить легко и свободно. Движения противника можно заметить еще до атаки — боец интуитивно знает, куда наносить удар и как отразить любую атаку. Избавьтесь от тревожных мыслей и сомнений, не искажайте приемы, тренируйтесь упорней!

Семь ступеней к победе

1. Подавление ки соперника.
2. Предвидение атаки.
3. Ответ на атаку.
4. Наступление.
5. Отбрасывание противника.
6. Разгром.
7. Достижение надлежащего примирения.

Эти семь ступеней на пути к победе нужно всегда держать в голове. Если ими пренебрегать, то трудно

будет иметь правильное понимание Пути Меча. Если тренируешься бесцельно, то Сознание Будды не может развиваться, время тратится впустую, а энергия бесполезно расходуется. Поэтому я сформулировал эти семь ключевых приемов по просьбе г-на Маэда и обучал им его в течение семи дней.

Август 1880 года

Сюин Тати

Иттосай Ито Кагэхиса передал этот *сюин тати* (деревянный меч с дарственной надписью) Оно Дзи-роэмон Тадааки. От Тадааки он передавался из рук в руки на протяжении тринадцати поколений, пока Тэцутаро не получил его как символ перехода. Времена изменились, и истинное искусство меча должно возродиться. Я возлагаю эту обязанность на тебя, Котэта. Ты никогда не должен нарушать клятву сохранять традицию. В качестве вещественного символа нашей школы я передаю тебе этот сюин тати. Не позволяй суетным и жадным людям засорять Истинную Тропу сорняками. Печально, что сущность нашего Пути, единение частного и общего, нужно хранить в секрете [во избежание неправильного толкования и употребления]. Если не будет сохранен этот закон, то не только подлинное лицо Кагэхиса запачкается грязью; будут утеряны учения разных патриархов. Я верю, что ты не способен на такое, и поэтому передал тебе этот меч⁹.

3 мая 1881 года

Истинное и ложное искусство меча

У тех, кто должным образом передает основные принципы искусства владения мечом, нет определенной техники. Они достигают победы, входя в излюбленное место соперника. Что такое «излюбленное место» врага? Когда скрещиваются мечи, все мысли направлены на то, чтобы поразить противника. Сливаясь всем своим телом с телом противника, вы вступаете в его излюбленное место [то есть точку его наибольшей силы] и таким образом добиваетесь «победы через истинную победу». Например, перед тем, как брать что-нибудь из коробки, вы сначала снимаете крышку, внимательно осматриваете содержимое и определяете, что там находится. Это естественная победа, не требующая особых приемов. Тем не менее даже эта процедура может стать либо чрезвычайно легкой, либо чрезвычайно трудной в зависимости от подхода. Постигающие Путь не должны так упрощенно смотреть на вещи.

Мастера меча других школ действуют не естественно. Когда они встречаются с противником, ими тут же овладевает возбуждение, и они пытаются сразить своего соперника стремительной лобовой атакой. Это серьезная ошибка. Те, кто следует таким методам, могут одерживать победы в молодости, когда они полны энергии и сил. Однако, когда из-за возраста или болезни они уже не смогут более полагаться на свою физическую силу, тогда неправильные навыки подведут их так, словно они вовсе и не

изучали искусство меча. Это ложное искусство меча. Постигающие Путь должны осознать правильный принцип, занимаясь все усердней и усердней.

5 января 1882 года

Состояние без-врага

С девяти лет я начал заниматься искусством меча. Когда я был молодым, то думал только о том, чтобы поразить соперника, используя всю свою силу. Независимо от положения я широко размахивал своим мечом. Так я прозанимался десять лет. Постепенно я стал более искусным и мог свободно перемещаться в любом направлении; я был уверен в победе. Тем не менее, когда мне пошел третий десяток, я стал сосредотачиваться на мече противника и потерял плавность движений. Как бы то ни было, атакуя противника, я начал ступевываться, утратив былую ловкость. Чего-то не доставало в моих занятиях, и обучение перестало удовлетворять меня. Я преисполнился решимости тренироваться усердней, чем когда бы то ни было. Мне было тогда двадцать восемь — двадцать девять лет, самый расцвет; я тренировался день и ночь, бесконечно сражаясь с противниками, используя все свои силы. В тот период я мог определить, чего стоит тот или иной мастер меча, просто взглянув на его стойку; но это было все, чего я добился. Заниматься столько лет и достичь лишь умения определять степень чьего-нибудь мастерства — печальный итог. Но несмотря ни на что, я знал, что моя борьба выведет меня на

верную дорогу. Я продолжал бы искания, даже если бы во всем мире исчезло искусство меча и не осталось бы ни одного противника. Я бы не остановился, пока не постиг основного принципа.

Я занимался год за годом и 30 марта 1880 года достиг состояния без-врага. Не могу описать той великой радости, которую я испытал тогда. Традиционное, правильно переданное учение доступно и истинно; в этом нет сомнений. В то время мне было сорок пять лет. Когда я вспомнил свои прежние представления об умении и неумении, борьбе и неборьбе, я понял, что все это деление не имеет ничего общего с противником; все эти вещи порождены твоим разумом. Если есть я, то есть враг; если нет меня, то нет врага. Если мы познали истинность этого принципа, то мастерство — неумение, слабость — сила, ребенок — взрослый и прочие противопоставления больше не кажутся двумя несвязанными частями. Это: «Прекрасные снежинки, одна за одной падающие в никуда»¹⁰ — в чудесное место.

8 января 1882 года

Спокойствие разума

Основа истинной тренировки в искусстве меча заключается в закаливании духа. Наша важнейшая цель — встретить противника без малейшей «бреши» (суки) в нашей защите. Что такое «брешь»? «Брешь» означает желание поразить противника, избегая собственного поражения. Такая мысль сбивает с толку. Разум изначально лишен мыслей подобно

прозрачному, незатемненному зеркалу. Но когда возникает мысль, вводящая в заблуждение, появляется тень; когда появляется тень, зеркало затемняется. Полностью затемненное зеркало не может ничего отражать. Когда сталкиваешься лицом к лицу с противником, мысли о нападении или о том, что тебя атакуют, свидетельствуют о незнании и заблуждении. Даже не думайте о том, чтобы безучастно стоять перед противником. Помните о принципе [подсознательно-го] уклонения от удара и избегания выпадов, и у вас ни в чем не будет затруднений. Это естественный, чудесный принцип. Избегайте пристрастных мыслей, и полная победа будет за вами. Все должны понять этот чудесный принцип.

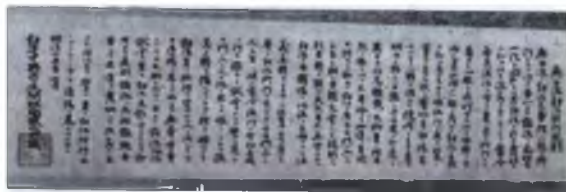
8 февраля 1882 года

Искусство владения мечом заключается в использовании без-формы в рамках формы для достижения победы.

Принципы тренировок в школе искусства меча Муту Рю (2)

Первый принцип искусства меча Муту Рю — это тренировка единения частного и общего. Все основатели других школ открыли для себя этот принцип искусства владения мечом, положив его в основу своих учений. Сейчас нет школ, которые бы сохраняли этот принцип благодаря правильному его использованию.

Как правило, мастера меча в наше время добиваются победы только при помощи техники меча. Причина такого упадка заключается в том, что нынешние мастера меча не знают основных принципов искусства меча: они просто придерживаются популярных направлений и следуют лишь внешним формам. В настоящем бою такой мастер меча может победить только благодаря везению, но это не решающая победа. У меня другая точка зрения. Не цепляться за внешнее и стили, непобедимость придет, если опираться на принципы истинной и естественной победы. Тот, кто хочет идти по этой истинной стезе, поступив в мою школу, должен [по крайней мере] в течение трех лет закалять свое тело. Закаливание тела должно проходить естественно, без каких бы то ни было ухищрений и перегрузок. Пока закладываются основы искусства меча, ученику не разрешается посещать другие школы, потому что это может привести к смешению. Тем, кто искренне желает заниматься искусством меча и поступает в мою школу,

Оригинальный текст «Принципов тренировок в школе искусства меча Мутто Рю», написанный рукой Тэссу

не позволяется в течение трех лет посещать другие тренировочные залы, либо заниматься с мастерами меча из других школ. Это не оттого, что я не одобряю посещения моими учениками других школ, но я не хочу, чтобы нарушалась система тренировок. Я не хочу видеть в своем зале того, кто не желает овладеть истинным искусством меча, так же как и не хочу видеть, как усилия тратятся напрасно. Традиционно запрещались состязания между начинающими из разных школ; разрешение на это давалось только аттестованным мастерам меча. Создатели всех школ на основании нелегкого опыта приняли это правило и положили в основу своих систем. Да будет известно, что в моей школе не приветствуются те, у кого недостаточно решимости заниматься истинным искусством меча.

Июль 1882 года

Возвращение к сознанию новичка

Если чудеса искусства меча ускользают от вас, вернитесь к сознанию новичка. Сознание новичка отличается от других «типов» сознания — нападение без колебаний, когда человек не думает о своем теле и стремительно движется вперед, говорит о том, что этот человек забыл о себе. Анализирование сковывает движения искусственных бойцов. Когда преодолете препятствие в виде разбросанных мыслей, можно будет понять значение чудес искусства меча. Сначала необходимо заниматься с опытными мастерами

меча с тем, чтобы увидеть свои слабые места. Продолжайте заниматься до конца, разбудите свою безграничную силу, без усталости занимайтесь, пока ваше сердце не станет бесстрастным, и тогда вы поймете. Тренируйтесь до тех пор, пока не исчезнут всякие сомнения. Время, когда чудеса откроются, придет непременно.

Август 1882 года

Правило треугольника в искусстве меча

Необходимо строго соблюдать правило треугольника: глаза, живот и кончик меча должны вписываться в треугольник.

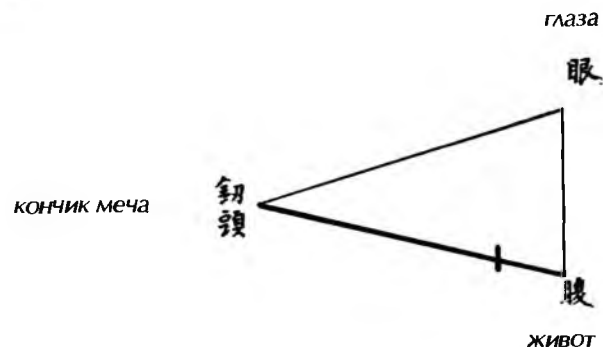
Длина меча должна быть в десять раз длиннее ширины руки; это составляет приблизительно половину длины тела хозяина меча. Когда вы стоите лицом к противнику, никогда не разделяйте три

1. Стойка

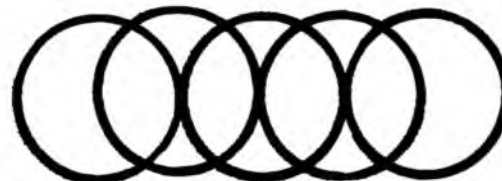
2. Положение
меча

3. Правило
треугольника

стороны треугольника: глаза, живот и кончик меча. Поскольку меч составляет половину длины обеих вытянутых рук, когда держите меч, который в десять раз длиннее ширины руки, все тело слегка подайте в сторону противника [как показано на рис. 3 на стр. 207]. С древних времен это называется Тэнсин Седэн, «Правильно Переданная Священная Истина». Правило треугольника — это основа Тэнсин Седэн.

Все, кто изучает искусство меча в этой школе, должны взять правило треугольника за основу. Явления обладают формой, и поэтому их можно

Тэнсин Седэн

использовать; если нет формы, не может быть и использования. Так же и в искусстве меча. Когда мы овладеваем формой, то знаем, как использовать ее принципы. Необходимо строго придерживаться и практиковать правило треугольника; затем только можно постичь внутреннее учение о неразделимости формы и ее функции. Упорно занимайтесь! Упорно занимайтесь!

30 марта 1883 года

Предупреждение, висевшее в Сюмпукан додзе

С древности стандартная длина меча в десять раз превышала ширину руки. Это составляет приблизительно половину длины всего тела. Следовательно, когда скрещиваются мечи, расстояние между противниками в двадцать раз больше ширины руки, то есть соответствует длине тела. Есть также мечи, длина которых в восемь раз превышает ширину руки. Поскольку такой меч короче, то во время поединка требуется больше внимания и сосредоточенности. В прошлом мастера меча придерживались таких стандартов и все школы пользовались мечами, которые по длине превышали ширину руки не более чем в десять раз.

Во времена эпохи Тэмпо [1830–1843 гг.] некто по имени Оиси Сусуми из рода Янагигава скитался по стране со своим мечом длиной в пять футов, вызывая на бой разных мастеров. Оиси добрался до

Эдо, чтобы штурмовать здешние додзе, и состязался с Тиба Сюсаку. Когда Оиси продемонстрировал свой пятифутовый меч, Тиба в ответ для защиты на рукояти своего меча закрепил огромную крышку. Может, кому-то и нравится развлекаться таким образом, но наше искусство меча не такое. К сожалению, в наши дни практически все школы подпали под влияние подобного; из-за того, что далеко не все сегодня имеют представление о стандартах, чересчур длинные мечи стали нормой. Такой недостаток обучения и должных знаний действительно достоин сожаления. Любому, кто хоть чуть-чуть искусен в искусстве владения мечом, надо осознать это, а не заниматься хвостовством. Неудивительно, что мечом пользуются неправильно, поскольку нынешние инструкторы любят похвалиться всяческими трюками, пренебрегая настоящими честными состязаниями. Все, кто хочет возродить Путь Меча, должны изготавливать свои бамбуковые мечи в соответствии с древними стандартами, обращаясь с ним так, как если бы это был настоящий клинок. Будущие поколения во что бы то ни стало должны сохранить эти стандарты.

14 сентября 1883 года

Древние традиции

В нашей стране есть прочно установившаяся традиция относительно длины меча. Основатели разных школ следовали древним стандартам, которые, я верю, будут восстановлены. Недавно я высказал

свою точку зрения по поводу правильной длины меча, но это больше чем просто мое личное мнение. После того как Оиси Сусуми из рода Янагигава начал в эпоху Тэмпо использовать длинный меч, школы перестали видеть преимущества короткого меча, постепенно отказываясь от традиций своих предшественников. Сейчас почти повсеместно пользуются длинным мечом — Синкагэ Рю, Синкэй Рю, Мунэн Рю, Итто Рю и все другие отошли от традиции. Для меня очевидно, что использование длинных мечей противоречит предписаниям древних. Сегодняшние мастера меча — преемники Оиси [а не мастеров древности]. С детства я обучался различным системам и продолжал заниматься этим на протяжении почти сорока лет. Внезапно на меня снизошло истинное понимание искусства меча, и впоследствии я создал Мутто Рю. Несмотря на это, я ни в малейшей степени не искажил традицию Иттосай¹¹ и не передавал его учение. Десятилетиями Иттосай напряженно занимался, с риском для жизни, с любовью передавая потомкам свое великое учение. Наш долг сохранить его нетронутым. Как гласит древняя поговорка: «Придерживайся истоков и укрепляй Путь». Может, в соревнованиях и есть определенная ценность, но если не сохраняется традиционное учение, то, как бы долго ты не занимался, невозможно будет достичь основных принципов. Современные спортивные состязания зависят от использования длинных мечей; это не истинный Путь занятий. Я призываю изучающих искусство меча серьезно над этим задуматься.

По поводу основания Японской Ассоциации Искусства Меча

Для того чтобы добиться успеха в состязании, мастер меча должен знать, как нужно нападать на противника. Но эта техника чрезвычайно тонка и трудна для овладения. Существует такое наставление: «Жажда победы ведет к поражению; стойкость перед поражениями ведет к победе». Те, кто пренебрегает этим принципом, растрачивают по мелочам годы тренировок, ничего не постигая. Усилия, затраченные впустую, ранят любого. Обычно во время боя мастера меча полагаются исключительно на технику. Это ошибка. Перед тем как упражняться с другими, упражняйся сам с собой. Единственная дорога — закалывание своего духа и самоконтроль. Это принцип: «Все вещи возвращаются к Одному». Чтобы достичь этого, упорно трудитесь и сосредотачивайте свой дух — так учили наши предшественники. Это короткое обращение, исходящее из личного опыта, было написано по просьбе м-ра Фуку по случаю основания Японской Ассоциации Искусства Меча.

Сентябрь 1883 года

Единый источник сущности и назначения

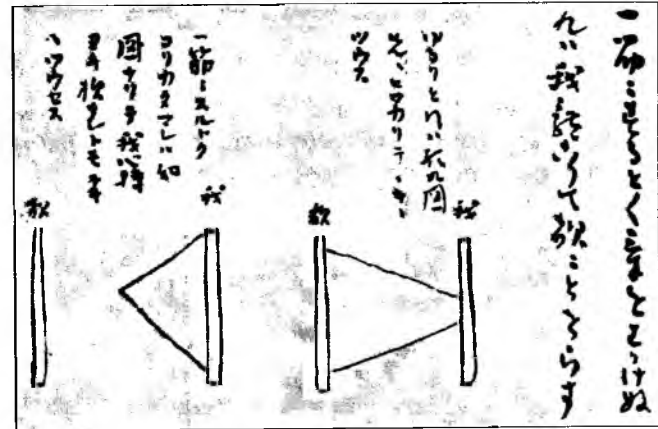
Все во вселенной имеет сущность и назначение. Так же и наше искусство меча. Если нет сущности, то ничто не может быть сделано или завершено. Что такое «сущность»? «Внутренний покой разума,

свободного от личных неудач». Если такого покоя нет, то нельзя справиться с врагами духа и невозможно достичь свободы. Поэтому ярко освещайте природу истины в соответствии с сущностью.

При помощи безрассудных атак и выпадов разум противника не одолеть. Отсутствие покоя в сердце порождает волнение, накатывающее на вас со всех сторон, что не дает проявиться мастерству. Знайте, что это происходит только из-за отсутствия сущности. Когда зависишь от удачи и счастливого случая, никогда не добьешься истинной победы. Подумайте над этим, и многое прояснится. Истинной победы можно достичь только тогда, когда ваш разум спокоен.

Если хотите, чтобы в разуме был покой, прежде всего совершенствуйте свою сущность. Если сущность не развита, сердце никогда не успокоится. Таково значение фразы: «Сущность и назначение едины». Начинающие, которые хотят идти этой дорогой, должны забыть о себе, смело противостоять сопернику, полностью сосредоточившись, действовать решительно, подобно вспышкам молнии, гнать от себя посторонние мысли. Приступайте к поискам с чистым сердцем; каждый день начинайте заново и шаг за шагом продвигайтесь вперед. Если поймете, как удерживаться в самом центре своей сущности, будете прекрасно контролировать каждый удар. Это называется «промежуток между изменением сущности и естественной приспособляемостью».

Когда встречаетесь с противником, действуйте в соответствии с этим принципом и у вас не будет

Фрагмент оригинальной рукописи Тэссю

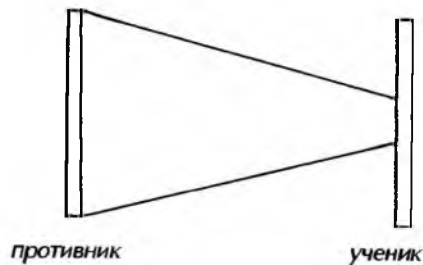
неточных атак. Это называют «узнать соперника». Продвигайтесь вперед и вскоре сможете увидеть степень мастерства противника. Это называют «узнать себя и узнать противника». Дойдите до последней стадии, и стойка или положение противника не будут более иметь никакого значения. Это называют «забыть о противнике». Этот уровень нельзя описать словами или на бумаге. Прилагайте напряженные усилия для того, чтобы постичь эти чудесные секреты.

Это единственный источник сущности и назначения, закона без малейшего изъяна. Примите основополагающие принципы этого закона. Если не уяснить этот Путь, то все будет напрасно.

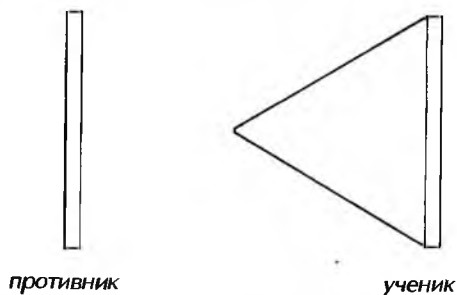
Ноябрь 1883 года

Как в искусстве меча проецировать энергию ки

Если не удастся действовать быстро и с тщательно сосредоточенной ки, то тело становится твердым и невозможно пробить защиту противника.

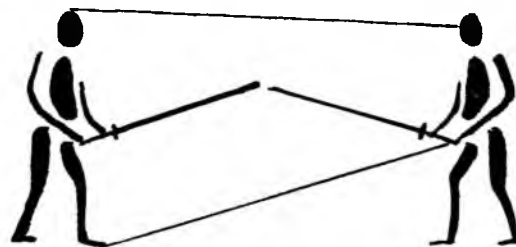

Когда ты пассивен, противник распространяет свою ки, добиваясь преимущества.

Если действуешь с непреклонной решимостью, то уверенное состояние разума проецирует твою энергию ки на противника.

Продвигаться вперед,
Отринув сомнения,
Энергия ки разобьет
все преграды —
Что за чудо!

Листья лотоса круглее, чем самое круглое
зеркало;
Шипы водяного каштана острее, чем самое
острое шило¹².

Что общего имеет это дзэнское стихотворение с искусством меча? Круглые листья символизируют устойчивый разум, который свободно отражает любые обстоятельства; игольчатые шипы водяного каштана представляют собой острый ум, который четко реагирует в конкретной ситуации. Для того чтобы поразить противника, атака должна быть острой как бритва. Острый ум возникает из круглого ума; все это потому, что круглость и острота содержатся в сознании, которое обитает нигде. Усердно занимайтесь для того, чтобы овладеть этими чудесными техниками; в полной мере испытайте глубину круглости и остроты.

Объяснение Муто Рю

Мастера меча упорно занимаются, с тем чтобы достичь конечного состояния «без-врага». Сосредоточиться на относительной силе или слабости противника означает утратить состояние без-врага. Все зависит от разума. Если вы представите, что противник опытен, разум будет скован, а меч будет сдерживаться; если вы представите, что противник слаб, то разум будет открыт, а меч будет свободен. Это говорит о том, что ничто не существует вне разума. Мастер меча может серьезно заниматься в течение многих лет, но если он просто перемешает свое тело и бессмысленно машет мечом, его тренировки ничего не стоят. Основываясь на своем понимании, я создал то, что назвал «Школа Без-Меча». Вне разума нет меча — это «без-меча». «Без-меча» означает «без-разума»; «без-разума» означает «разум, который обитает нигде». Если разум останавливается, появляется противник; если разум продолжает изменяться, врагов нет. В этом суть высказывания Мэнцзы: «Универсальная энергия ки наполняет каждую частичку земли и неба», — другими словами, «без-врага». Занимайтесь день и ночь и достигнете состояния без-врага. Тренируйтесь все упорней и упорней!

10 апреля 1884 года

Тайное искусство плотнишко рубанка

Использование плотнишко рубанка подразумевает три операции: грубую, промежуточную и окончательную. При грубом строгании тело напрягается, живот подтягивается, бедра обретают устойчивость, руки с силой работают рубанком. Одним словом, все тело наливается силой и человек не может расслабиться. Если не прикладывать к этой операции силу воли, то ее не осуществить.

Далее идет промежуточное строгание. Теперь человек не должен использовать всю свою энергию. Сила нажима рубанка контролируется легкими движениями руки. Этот уровень является подготовкой к следующему шагу. Однако если из-за слабой концентрации переход от грубого строгания к промежуточному происходит слишком резко, то работа не может быть выполнена должным образом.

От промежуточного строгания человек переходит к окончательному. Здесь сглаживаются все оставшиеся после предыдущих действий шероховатости. Если оказалось, что получился брусок, над которым человек и работал, то по нему надо пройти сверху донизу. Когда продвигаешься сверху вниз, важно сохранять полное самообладание. Если самообладания нет, то возникнут различные шероховатости и работа не может быть успешно завершена. Ключевым моментом здесь является самоконтроль.

Таким же образом разум, тело и техника должны работать вместе в полном единстве. «Разум, тело

и техника» соответствуют «рубанку, плотнику и бруску». Если полагать, что строгание производит плотник, тогда зачем нужен рубанок? Если полагать, что строгание производит рубанок, тогда зачем нужен брусок? Разум, тело и техника работают вместе, так же как и рубанок, плотник и брусок; если эта взаимозависимость непонятна, то человек не сможет сделать хороший брусок, как бы долго он ни упражнялся с плотницким рубанком. Для того чтобы создать хороший брусок, сначала необходимо произвести грубое строгание. Как только овладеете этой ступенью, сможете овладеть и двумя оставшимися.

Окончательное строгание — «тайная техника». Но в этой тайной технике нет ничего особенного. Разум, тело и техника в конечном счете забываются, и человек продолжает плавно идти дальше, пока работа не будет закончена. Не думать более о завершении строгания и не говорить более о технике или о чем-нибудь другом — чудесное состояние. Бесполезно спрашивать, как достичь этого — гладкому строганию можно научиться только самостоятельно; этому не может научить кто-то другой.

Апрель 1884 года

Наставления новичкам

Заниматься искусством владения мечом означает войти в тренировочный зал. Это гораздо больше, чем свободно входить в учебный класс и выходить из него. Это некое обязательство, заключенное между учителем и учеником. Причина здесь в том,

что в искусстве меча знания передаются напрямую, лично, от учителя к ученику. Для того чтобы получать такое индивидуальное обучение, после принятия в школу должно быть заключено соответствующее обязательство. Отношения между учителем и учеником подобны отношениям отца и сына. Некоторые считают это преувеличением, но таким должно быть надлежащее отношение. Хотя лучше приобрести свое личное снаряжение, допускается временно пользоваться снаряжением из тренировочного зала.

Хотя искусство владения мечом включает в себя обучение тому, как себя вести во время состязания, более важно искусство меча как Путь тренировки тела и ума. Если в процессе обучения у кого-то будет хромать дисциплина, то это отрицательно скажется на результатах. Правильное отношение — это главное. Данные наставления работали в течение двадцати лет и должны быть известны всем мастерам меча, но я еще раз написал их для новичков.

Июнь 1885 года

Комментарий к кумитати¹³

Среди различных техник есть скрытая суть. Отбрось субъект и объект, стань одним целым; Забудь о себе и других, создай единый меч. Используй пронзающий взгляд Неба и Земли, Чтобы видеть сквозь противника.

Путь кумитати — «захватывать и высвобождать, высвобождать и захватывать». «Захватывать» означает

захватывать у противника энергию ки; «высвободить» означает высвободить свою собственную ки. Такова традиция Итто Рю.

Состязания с деревянным мечом и без защитного снаряжения

В прошлом занятия искусством меча в любой школе понимались как занятия с деревянными мечами и без защитного снаряжения. Тем не менее примерно сто лет назад большинство школ начали использовать шлемы, перчатки и нагрудные щитки. Причина такой перемены в том, что защитные принадлежности дают возможность обучающимся меньше себя сдерживать и использовать приемы в полную силу — это единственное преимущество.

Состязания, которые проводятся с деревянными мечами и без защитного снаряжения, совсем не похожи на современные соревнования. Участники таких состязаний более осторожны из-за боязни ранений; даже опытный мастер меча подвергается риску получить удар. Если человек плохо понимает, как выполнять маневры, соответствующие принципу «сила в слабости, слабость в силе», то ему трудно будет участвовать в соревнованиях с деревянным мечом.

Обычно в прошлом, когда встречались соперничающие школы, использовали либо стальные мечи с зачехленным клинком, либо деревянные мечи. Тем не менее есть бесчисленные примеры, когда мастера меча были ранены или убиты. Мастера-самоучки,

получившие ранение, испытывали не такой позор, какой испытывали после поражения те, у кого был учитель.

«Без-формы» является обязательным в моем Пути. Поскольку возникли и широко распространились бесчисленные изменения в технике, не осталось мест, куда бы нельзя было наносить удары мечом. Несомненно, это Путь Неба для сильных в помощь слабым. Тогда почему современные школы используют шлемы, перчатки и другое защитное оборудование, стремясь только к тому, чтобы из схватки выйти победителем? Естественно, что в этих поединках выиграет тот, кто проворней, а тот, кто менее — проиграет; искушенным в технике редко что угрожает.

В случае с состязаниями на деревянных мечах и без защитного снаряжения само это условие требует должного состояния разума. Если ты невнимателен, то это опасно. Хотя из тех, кто долгие годы занимается исключительно в защитном снаряжении, возможно, и есть такие, кто поборол бы силу духа противника, импульсивные мастера меча, полагающиеся на физическую силу и атакующие так, словно на них защитные принадлежности, в состязаниях с деревянными мечами быстро получают ранения. Хорошо подумайте над этим, и у вас не будет нужды беспокоиться о травмах. Те, кто в состязаниях с деревянными мечами и без защитного снаряжения старается убить или покалечить противника, не следуют истинным принципам искусства меча.

Ноябрь 1884 года

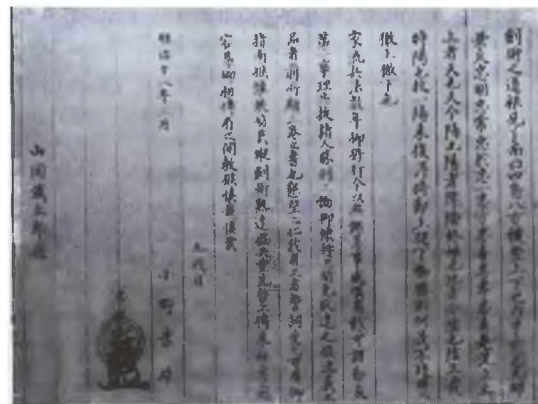
Искусство меча и простой разум

В «Учении о середине» говорится: «Когда счастье, гнев, печаль и удовольствие не возникают, это называется “равновесие”. Когда эти чувства возникают и человек поступает соответствующим образом, это называется “гармония”». Другими словами, «равновесие» — это «простой разум». Когда счастье — будь счастлив. Когда гнев — гневайся. Когда печаль — печалься. Когда удовольствие — наслаждайся им. Таким образом подобное поведение лишено препятствий. Точно так же и в искусстве владения мечом. Когда противник идет — следуй за ним; преврати его атаку в свою победу, действуя соответствующим образом. Здесь появляется «простой разум».

Свидетельство о передаче

Ты постиг основу Пути Меча. Говорят: «Стой в середине четырех углов и восьми направлений, горизонтального и вертикального, верха и низа, и прон-зай их все!» Патриархи нашей школы знали такое состояние и поведали о нем. Небо — это ян. Ян постепенно переходит в инь. Земля — это инь. Инь растет и дает жизнь ян. Поэтому весна возвращается в соответствующее время, следуя велению неба и движению земли.

Этому никогда не воспрепятствовать; это охватывает все сферы. Многие годы ты беспрестанно

Свидетельство о передаче, которое Оно Нарю вручил Тэссю

практиковал учение нашей школы. Это воистину замечательно, прекрасный образец величайших усилий. Среди многих ты один добрался до основного принципа частного и общего, постиг истинные размеры победы и продвинулся настолько, чтобы получить разрешение на преподавание в полном объеме. Тебе уже вручили три свитка с перечнем приемов и принципов нашей школы. Твои мольбы были искренними, обещания надежными, и твои просьбы удовлетворены. Может ли кто-либо возразить против вручения тебе свидетельства? Даже если ты овладел искусством меча, не забывай о традициях своих просветленных предшественников. Сей документ

свидетельствует о передаче основного учения. Тщательно храни его! Тщательно храни его!¹⁴

*Оно Нариро
Март 1885 года*

Объяснение названия Муто Рю

«Без-меча» означает «вне разума нет меча»; другими словами, «три мира — это один Разум». Один разум означает, что внутри и снаружи нет ни одной вещи. Поэтому, когда ты стоишь лицом к лицу с противником, впереди нет врага, а позади нет тебя. Чудесным образом все границы исчезают и не остается и следа. Таково значение названия «Школа Без-Меча».

Во всех трех мирах прошлого, настоящего и будущего и среди воплощения всего сущего нет ничего, что не есть Сознание Будды. Сознание Будды не имеет границ; оно работает как неистощимое сокровище. Его крайне сложно ухватить: ищешь его на востоке, а оно исчезает на западе; пытаешься найти его на юге, а оно покидает север. Оно обладает священной свободой, какой нет даже у небес.

Когда достигнешь этого уровня, откроешь «одиноким меч против холодного неба». Встречай противника так, как если бы его там не было; свободно странствуй по вселенной подобно золотокрылому королю Гаруда. Достичь этого удивительного состояния — великое чудо, наполняющее все жизнью.

Поступки в повседневной жизни должны совершаться таким же образом. Абсолютной свободе ничего не препятствует. Когда сидишь, сиди; когда идешь, иди. Речь, безмолвие, движение, неподвижность — все происходит от одного источника. Ничто не может сравниться с лезвием меча-Разума.

18 мая 1885 года

Примечание о занятиях искусством меча Муто Рю

В прошлом такие мастера меча, как Чукахара Бокудэн¹⁵, Ито Иттосай, Миямото Мусаси и многие другие, путешествовали по стране, в поединках оттачивая свою технику. Встречая друг друга с настоящими клинками или толстыми деревянными мечами, они без конца вступали в поединки. Многие из них таким образом распростились с жизнью. Почему они так поступали? Может показаться глупым вот так впустую расставаться с жизнью, но для тех, кто шел по этой дороге, это было единственно возможным средством. Если ты не готов в любой момент рисковать своей жизнью, то не сможешь найти истину. Просто счастливого случая недостаточно.

Такие же принципы и у Муто Рю; я не хочу, чтобы учения наших предшественников предавались забвению. Продвинутым мастерам меча разрешается соревноваться с бойцами из других школ при условии, что состязания будут проводиться на деревянных

мечах и без защитного снаряжения. Мы с радостью и незамедлительно примем любого мастера меча, изъявившего желание принять участие в состязании и согласного на это условие.

Июнь 1885 года

Песни Тэссю о Пути

Подобно другим мастерам, Тэссю сочинил множество *дока*, «песен Пути», для иллюстрации своего учения. Дока Тэссю о горе Фудзияма (стр. 84), считают новой классикой поэзии дзэн. Это любимое стихотворение Д. Т. Судзуки и Нисида Китаро, двух величайших японских мыслителей. Первые избранные отрывки, представленные здесь, относятся к искусству меча, остальные же посвящены более общим темам.

Десять тысяч приемов
не помогут тебе,
если руки не будут
продолжением
твоего сознания.

В поединке мечей
поможет не стойка,
а свобода сознания;
в этом залог
успеха.

Искусство меча:
не получив тычка,

не нанеся удара,
не встретив препятствий, я вглубь проникаю
и достигаю предела.

Когда скрещиваются мечи,
избавься от иллюзий;
позабудь о себе
и продолжи свой путь
в мире живых.

Форма, порожденная
свободным сознанием,
находится в центре вещей;
мысли приходят, но не связывают —
что за чудо!

Дух стремителен;
разум спокоен;
тело легко;
взор безмятежен;
мастерство совершенно!

Эгоцентричные мысли
отражаются так же
ясно, как в зеркале;
позволь лишь другим их увидеть
и будешь смеяться ты сам над собой.

Высоко возвышаясь,
снеговик (как и все мы)
спустя пару дней
исчезает куда-то
бесследно.

После смерти
твое место в аду,
но умри ты опять —
и Дьявол со свитой
возопят (о пощаде)!

Не желай богатства,
не завись от пустых принципов,
не гоняйся за славой:
довольствуйся тем, что имеешь,
и ты пройдешь свой путь без потерь.

В сердцеvine вещей,
что не увидеть при помощи глаз, —
там покоятся семена Будды:
расти их снова и снова
и обретешь истину.

«Никакого сакэ»,
(заявляет мне врач),
но взгляни на лохмотья моих рукавов¹⁶ —
налей мне глоток;
пусть не будет пустой
моя чаша.

Подпись к изображению
даосского бессмертного

На спине журавля
Ты гони облака
Высоко над безумием мира:
И живи тышу лет,
Наслаждаясь каждой минутой!

Подпись к изображению
дровосека

Рубит и рубит
В печали и горести,
И с каждым ударом
Все дальше теряется он средь цветов
и малиновых листьев,
Забывая о мелких невзгодах.

Много

Звук повозок,
увозящих людей,
никогда не стихает;
но в какую бы даль они тебя ни умчали,
однажды ты должен вернуться.

Мало

Пусть год от года
братские узы
укрепляются сами собой —
будет узок друзей твоих круг,
зато он прочней и надежней.

Лентяй

«Говорят, что у нас
десятки тысяч богов,
вот только меня
посещает всегда
лишь бог нишеты!»

Бог нишеты отвечает

«Где спускают все до гроша,
там, где пьют сакэ
и ведут праздную жизнь —
лучшего места
для меня не найти!»

Табачная лавка

Так красиво нарезаны
листья табака,
восхитителен запах и цвет,
но хорошей затяжки довольно,
чтоб остался лишь пепел.

Перечень техник (мокуроку)

Тэссю вручил удостоверения нескольким своим старшим ученикам в виде двух мокуроку, списков техник. Очевидно, подлинное содержание списков передавалось устно, а удостоверения, написанные Тэссю, состояли лишь из заголовков мокуроку. Оба списка, вероятно, основаны на списках Итто Рю, передававшихся различными подшолами. Список, перевод которого приводится здесь, опирается на оригинальный текст, написанный лично Тэссю. Подобные списки составлялись в весьма завуалированном стиле и предназначались для того, чтобы мастера меча разгадывали их во время занятий.

Остается неясным, сколько именно мастеров меча получили такие удостоверения. В дошедших до

нас записях Муту Рю упоминается тридцать один человек, но в них не указан по крайней мере еще один мастер меча, получивший удостоверение.

Итто Седэн Муту Рю Канадзи Мокуроку

Единый меч

От единого «единого меча» появились десять элементов; десять элементов содержатся в едином. Как ни считай бесчисленные элементы, принцип сохраняется. Учись как надо и смотри ясно; это источник «единого меча».

Хотя охотник, преследующий оленя, сознательно может не «смотреть» на горы, тем не менее он «видит» их. Охотник преодолевает одну гору за другой, но из-за того, что его разум сосредоточен на олене, он их не замечает. Когда олень подходит к реке, он, естественно, перепрыгивает через нее — что произойдет, если он будет колебаться, вступать ли ему на неизведанную территорию? Пока нельзя сказать, что горы не видны, нельзя сказать, что они видны. Кагэхиса, основатель нашей школы, по этому поводу сказал: «В конце концов ты увидишь любую гору» [то есть увидишь однажды и запомнишь]. Вооруженный таким знанием сможет в зависимости от ситуации преграждать горные проходы или перекрывать устье рек. А также избегать охотиться в неверном направлении.

Ветер шелестит кустовым клевером; есть места мягкие и твердые, сильные и слабые. На силу противника отвечаю слабостью; решительно завладевай слабостью противника для достижения победы. Сочетания сила на силу, слабость на слабость, камень на камень и ткань на ткань [не хороши]. Когда сталкиваются два камня, они разлетаются и победа не достается никому; когда ткань трется о ткань, нельзя увидеть великое дело жизни и смерти. В Итто Рю есть такой принцип: «время без-времени».

Суйгэцу «Луна-вода»

Даже когда наберешь воду в черпак, в нем отражается луна. Отражение луны не пропадает, если воду переливать из одного черпака в другой. Если его потрясти, то нельзя ничего узнать; в плещущейся воде луна не показывается. Если разум спокоен, а черпак устойчив, отражение луны сохраняется.

Не замыкайся
На своем противнике.
Веди себя естественно,
Как лунный свет,
Проникающий в ветхое жилище.

Такое состояние разума полностью отличается от оцепенения из-за боязни потерпеть поражение. Ты можешь быть недоволен своим ветхим жилищем, но луна, освещающая небесный свод, наполняет своим светом и твое жилище. Точно так же, не стараясь защитить себя и забывая о придуманных слабых местах, можно атаковать противника и добиться

Суйгэцу «Луна-Вода».

В хорошо известном стихотворении говорится:

Вода не знает, что отражает луну,
Как и луна не ведает о своем отражении
В пруду Хиросава.

Когда показывается луна, она сразу же отражается в воде, хотя луна и не ищет воду намеренно, как и вода не прилагает усилий, чтобы удержать свет. Это происходит спонтанно, в совершенно естественной гармонии. Луна не делает никаких различий, равно отбрасывая свет на океаны и капли росы, чистые родники и грязные лужи. Такое свободное состояние непосредственного и чистого реагирования является идеалом как для дзэн-буддизма, так и для искусства владения мечом. Такуан, духовный наставник дзэнского мастера меча Ягю Мунэнори, добавил такую надпись к своей каллиграфии суйгэцу:

Буддизм подобен луне, отраженной в воде

победы. Не заботясь о защите своего маленького «я», нападайте на противника. Если чем-либо обеспокоен или смущен, поражение неизбежно.

Хонсе

Существует три типа *хонсе*: *син*, *со* и *ге*. *Син но хонсе* означает «изначальная победа». *Со но хонсе* означает «изначальная правота». *Ге но хонсе* означает «изначальный источник». *Со* и *ге* относятся к передаче. Примером изначальной правоты служит способность удерживать и контролировать момент атаки. Меч, появляющийся и развивающийся из *ян*, изначально не в состоянии уничтожить; изначальный источник дает жизнь и способствует усилению *истины*. Действие в соответствии с духовным знанием дает возможность быть свободным от напряжения и разлада. Победа с самого начала принадлежит нам; даже если допущена грубая ошибка, опасности не будет. Тот, кто передает своим ученикам *син но хонсе*, «изначальную победу», оставляет в наследство нечто большее, чем золото.

Дзансин

Дзансин, «нерушимая концентрация», означает следующее. Победа состоит из уверенного движения прямо к месту победы. Любая решительная атака должна проводиться без промедления; разум не мешкает, все мысли отброшены, и ты продвигаешься вперед, лишенный сомнений. Во время занятий некоторые самодовольные мастера меча часто

злоупотребляют *дзансином*, используя его для обманных целей. Те, кто осознает такое положение, добиваются победы при помощи принципа «атакуй во время ожидания, жди во время атаки». Не применяйте поддельный *дзансин*. Опытный противник может предвидеть, что вы будете использовать фальшивый *дзансин*, скорректировать свои движения и выиграть схватку. Всегда старайтесь избегать таких ситуаций. *Дзансин* не есть «нерушимая концентрация на победе».

Ути-орэ Сото-орэ

Лучшее место для удара — внутренняя линия (*ути-орэ*). Даже когда удар нанесен вдоль внешней линии, останется по крайней мере половина внутренней линии. Хотя можно поразить любую часть [тела], избегайте мелких движений.

Восемь углов

Объяснение «восьми углов»: когда принимаете простую стойку, например *гэдан*, не переключайте все свое внимание исключительно на этот угол. Посмотрите налево и найдите меч *инь*; обезопасьте себя спереди и добейтесь изначального пробуждения. Если сзади находятся враги, то такое понимание не может произойти. Целеустремленное, лишенное сомнений и открытое движение называется «единым мечом». Узнаешь место победы — встанешь прямо посреди жизни и смерти. Не добьешься этого — ничего не сможешь сделать. Это достойно сожаления.

Учение наставника

Тот, кто заявляет, что тщательно изучил технику своего наставника, пренебрегая самим учением, а вместо этого полагаясь на собственные способности, хуже дурака. Такой человек — просто тень своего учителя. С чем его сравнить? Он похож на подставку для кото, всего лишь деталь инструмента. Учителям следует проявлять особую осторожность, чтобы не передавать свою мудрость тем, кто к этому еще не готов.

Куда направлять глаза (Кэнто)

«Взгляд» (*кэн*) — это то, что можно увидеть. Если атаку, исходящую из инь, можно увидеть, ее предполагаемое направление можно определить. «Удар» (*то*) — это значит представить свой собственный удар, возникающий из инь, и мгновенно направить его в цель. Поэтому не держитесь за движения; атакуйте во время ожидания, то есть моментально приспособляйтесь к обстановке. Основные принципы искусства меча записаны во многих томах, но сами по себе слова никогда не гарантируют победу. Кто-то может не прочитать ни строчки ни в одном руководстве, но если он ведет себя должным образом, нужно ли ему еще что-нибудь? Приспособляйтесь к меняющимся обстоятельствам как вода. Не полагайтесь только на технику; отбросьте шаблоны и занимайтесь снова, каждый день, ежедневно.

Не впадай в заблуждение,
Что всем овладел.
Существует немало
Прекрасных техник —
Меч необъятен.

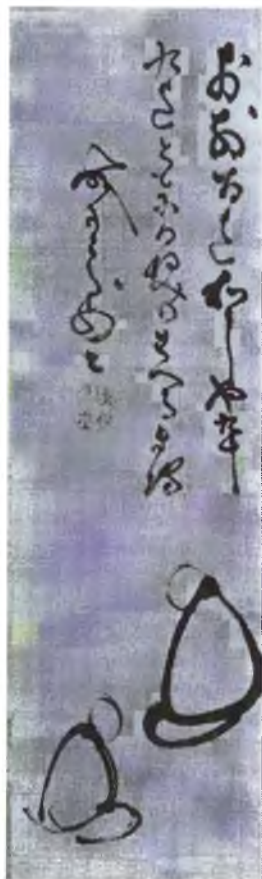
Мир велик
И полон неожиданностей.
Помни об этом
И никогда не считай,
Что ты единственный, кто знает.

Бусидо

В основе моего Бусидо лежат принципы буддизма. Это учение охватывает все стороны человеческой жизни. В мире есть разные системы, исповедующие множество видов добродетелей; все они хороши, но только те, кто применяет эти добродетели на практике, соблюдают Бусидо.

Бусидо для японцев — надлежащий образ жизни. Для того чтобы постигать Путь, забудь о себе и пробудись к истине. Отбрось иллюзии, очисти небо и землю, видь вещи такими, какие они есть на самом деле, и осознай без-себя.

Проявление себя — ошибка. Все берет начало от одного и того же источника и наследуют тело от своих родителей, которые, в свою очередь, получили жизнь от своих отцов и матерей. Не следует говорить «я сам» — на самом деле такой вещи не существует. Женщина, готовящаяся стать матерью, носит ребенка в течение десяти месяцев (сорока недель), питая его

Тэссю любил изображать чету пожилых людей, мирно сидящих вместе, и сопровождал свои рисунки подписью:

Тебе будет сто,
Мне девяносто девять,
Когда наших волос
коснется седина.

«Сначала другие» — основа гармоничных общественных отношений, и хороший спутник по-настоящему бесценен. Тэссю проявлял величайшее уважение к своей жене и частенько говорил друзьям, что ничего бы не добился без ее помощи

своим собственным дыханием и кровью. Это союз любви. Когда нет мыслей о себе, совершенствуется истинное Бусидо. Гармония — это основа неба и земли и Великий Путь для человеческих существ. Все вещи повсеместно взаимозависимы. Ничто не существует само по себе. Благодаря усилиям всех живых существ мы способны жить. Поэтому мы должны проявлять сострадание ко всем живым существам. Все десять тысяч существ в шести мирах — боги, люди, звери, духи, демоны и черты — наши родственники и друзья.

Главной составной частью Бусидо является благодарность — благодарность родителям и предкам, благодарность живым существам, благодарность главе государства и благодарность Трем Сокровищам.

Изначально мы благодарны тем, кто вокруг нас: нашим родителям, живым существам, главе государства. Затем мы должны проникнуться благодарностью к тому, что не можем увидеть — к Трем Сокровищам: Будде, Дхарме и Сангхе. Бусидо происходит от второго Сокровища. Дхарма — это Закон вселенной и матерь всех Будд. Она непостижимо огромна; ее непросто постичь, ибо у нее нет формы и очертаний. Небо и земля не в состоянии вместить ее, лавина слов не в состоянии описать ее. Для того чтобы постичь Дхарму, посмотри на вещи рядом с тобой и прислушайся к своему сердцу. Нет нужды искать где-то еще. Люди поклоняются различным богам и буддам, но на самом деле все боги и будды суть одно.

Эти четыре типа благодарности должны осуществляться в общественной жизни; такова сущность моего Бусидо. Тем не менее в современном обществе многие заботятся исключительно о своем благосостоянии и, для того чтобы продвинуться, занимаются любым делом, и даже воровством. Чиновники немногим лучше. Они злоупотребляют служебным положением, желая, чтобы служили им, но никак не служить самим. Что эти люди знают о Бусидо?

Жажда славы и богатства вытеснила жажду просветления. Современной наукой увлекаются эгоистичные люди, которые человеческим эмоциям предпочитают научные абстракции. За всю свою историю наша страна заимствовала много идей. Некоторые из них были полезными и стали частью нашей культуры; а так называемые современные науки, похоже, медленно отравляют нашу страну.

Сейчас все спорят о «правах» — государственных правах, личных правах, правах на собственность и так далее. Невозможно все точно объяснить в рамках науки о законе; существует столько неясных моментов, что различие между должным и недолжным остается расплывчатым. Приверженность букве закона убьет предприимчивость и уничтожит сострадание; истина, преданность, честь, любовь, смирение и другие добродетели нельзя облечь в форму закона. Только Бусидо взращивает эти добродетели. Закон никогда не сможет быть чем-то большим, чем уловка; Бусидо — истинный Закон духа.

Мы должны заботиться друг о друге, не обращая внимания на собственное благосостояние, убивать

Две итиге можно, высказывания в одну строчку.
Слева: Музыка и поэзия: творения богов.
Справа: Скромное жилище, заваленное книгами и свитками с каллиграфией

в себе эгоистичные желания, смело смотреть в глаза врагам и иметь чистую совесть — это Бусидо¹⁷.

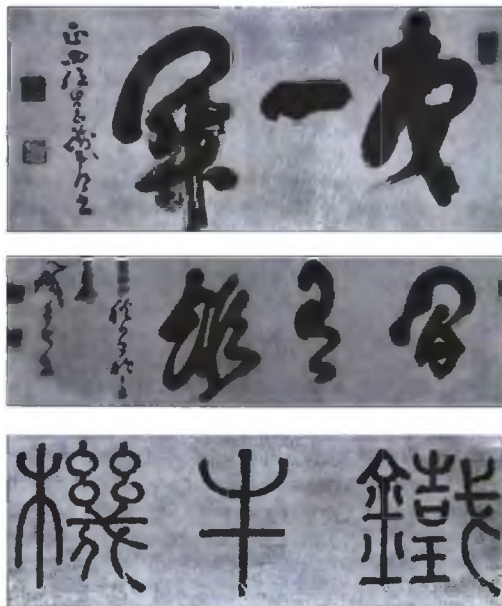
О каллиграфии

Много лет назад, примерно в 1865 году, когда я молился в национальном храме в Отава, я случайно заметил изысканную каллиграфическую надпись, изображенную в углу зала. Иероглифы были лишены суетности, а манера письма — чистой и свежей; это был настоящий образ «взлетающего дракона». По рассмотрении я обнаружил, что это работа кисти буддийского патриарха Кобо Дайси. Я не могу выразить всю грандиозную красоту его каллиграфии, и я никогда не смогу ее забыть.

Впоследствии я изучал различные стили каллиграфии как у служителей, так и у мирян, копируя их работы при любой возможности. И так продолжалось немало лет, пока я не достиг определенной степени мастерства. Это был 1872 или 1873 год.

30 марта 1880 года я осознал истинное значение искусства меча и дзэна. Глубокие познания подразумевают постижение многих вещей, и одновременно мне открылась сущность каллиграфии. И хотя сейчас я знаю секрет, но объяснить его словами не могу. Кто в этом мире сможет это сделать?

Некоторые критиковали мою каллиграфию, говоря: «Каллиграфия Ямаока Тэссю не соответствует ни одной из принятых школ. Непонятно, каллиграфия это или живопись». Это правда, что я никакой конкретной школы не придерживаюсь. Независимо

Три гаку, горизонтально расположенные надписи.

Вверху: Первое препятствие.

Посередине: Молчание красноречиво.

Внизу: Работа железного быка. Написано древним печатным стилем тэнсё. «Работа железного быка» является темой двадцать третьей части Хэкиганроку. Символизирует непревзойденную мощь и неукротимую решительность

от школы, пока твоя каллиграфия отражает твоё истинное состояние души, этого вполне достаточно. В настоящий момент моя каллиграфия принадлежит «Школе Тэссю».

Сушность буддизма

Когда сущность буддизма постигается через ясное понимание, то все вещи — небо, земля, горы, реки, богатые, бедные, мужчины, женщины — видятся именно такими, какие они есть. Офицеры служат, торговцы торгуют, крестьяне пашут, рыбаки ловят рыбу; каждый беспрепятственно занимается своим делом. Такое осознание приходит мгновенно — «Прогулка по Великому Пути под ясным голубым небом».

Обладатель такого Сознания Будды становится хозяином трех миров, даже если он или она живет в хижине или пребывает в нишете. Сансара и нирвана преодолены; офицер, торговец, крестьянин, рыбак — любой труд не имеет равных на небе и на земле. Все действуют в неограниченной самадхе: «Это тело есть Будда»; «Этот мир скорби на самом деле рай».

Неотъемлемое право

Буддизм закаляет нашу душевную сущность и реализует ее в мире. Это неотъемлемое право, которым обладает каждый с самого начала, и принадлежит оно только ему. Любой человек содержит в себе безграничное сокровище. Но как много из миллиардов

людей, живущих на земле, знают о своем внутреннем богатстве? Очень жаль, что люди по ошибке больше ценят золото, серебро и бриллианты, а не истинные богатства. Тот, кто обретет свое неотъемлемое право, будет хозяином трех тысяч миров.

В нынешнюю эпоху мирские знания растут месяц за месяцем, в то время как знание «не-действия» уменьшается день ото дня. Что такое «не-действие»? Глазом не моргнув, яростно сражаться в гуще неистовой битвы. Один древний сказал: «За весь день не сделано ни одного дела; за весь день не сказано ни одного слова». В *Лотосовой сутре* говорится: «Бодрствующий или спящий, нет разницы». Работать в мире, погрязшем в делах, суетясь тут и там, то же самое, что громко храпеть во время мирной попойки — место «одинокое блеска не-деяния».

Где ты сейчас? Взбирайся на драгоценную гору и не возвращайся с пустыми руками.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ «Частное» (*дзи*) означает «проявление», то есть событие или объект во времени и пространстве; «общее» (*ри*) означает лежащий в основе «принцип» — *дзи* и *ри* также называют форменное и бесформенное, относительное и абсолютное, опыт и истина. Идеальным для любого Пути является соединение частной техники со всеобщей истиной.
- ² В работах Тэсю «естественный» (*сидзэн* или *дзинэн*) подразумевает «само собой, без сознательного усилия» и «развиваясь само по себе, в соответствии с *ри*».
- ³ Документ, несомненно, задним числом был приурочен к дате просветления Тэсю. На самом деле он был написан 30 марта 1883 года. Другой вариант приводится на стр. 203–204.
- ⁴ Этот документ знаменует собой официальное создание Муту Рю. Как уже упоминалось во второй главе, Тэсю считал, что он скорее восстанавливает старое, чем создает новое, и выбор названия му-то, без-меча, не являлся нововведением. Как сообщают, Ягю Тадзима но ками Муненори, шестнадцатый Глава Ягю Синкагэ Рю, говорил: «Если бы у моей школы уже не было имени, я бы назвал ее Муту Рю».
- ⁵ Ме — это чудо, не поддающееся разумному объяснению; оно означает самопроизвольность и созидательность.
- ⁶ Огромные птицы, питающиеся драконами, которые обитают на горе Сумэру, в центре буддийского мира.

- ⁷ Слова из последней беседы Кусуноки Масасигэ с мастером дзэн Гокусюном. За день до боя с превосходящим его по силе Асикага Кусуноки посетил Гокусюна и спросил: «Как мне выстоять между жизнью и смертью?» Гокусюн ответил: «Отбрось раздвоенность и подними единый меч против холодного неба».
- ⁸ Смотрите иллюстрации на стр. 42.
- ⁹ Этот деревянный меч, одна из наиболее ценных вещей Тэссю, как полагают, был украшен Иттосаем. Всего было пять надписей киноварью: на кончике меча было написано «Время без-времени»; в нижней части, по краю, было написано «контроль» и «победа»; в районе рукоятки перед гардой было написано «атака», а позади нее было написано «контроль». Влиятельный правительственный чиновник Котэта Ясумада долгое время был учеником и другом Тэссю, оказывая ему поддержку. После смерти Котэта сюин тати был передан Янагита Гандзиро.
- ¹⁰ Стихотворение из сорок четвертого коана сборника Хэкинганроку. «Посмотри на чудесное воплощение истины здесь и сейчас».
- ¹¹ Ито Иттосай Кагэхиса, основатель Итто Рю, жил в начале эпохи Токугава, но о его жизни мало что известно наверняка. Иттосай символизировал для Тэссю классические учения прошлого, и он тщательно записывал как письменные, так и устные предания Итто Рю.
- ¹² Высказывание Дайэ Соко (1089–1163).
- ¹³ «Парные техники», то есть канонические упражнения, выполняемые совместно с партнером. Ката Мутто Рю Тэссю произошли от классических упражнений Итто Рю.
- ¹⁴ 30 января 1881 года Асари Гимэй вручил Тэссю официальное удостоверение о признании его тринадцатым

Главой Наканиси-ха Итто Рю. В 1885 году Оно Нарю (Тадамаса), который в то время был уже не у дел и не имел преемника, принял решение провозгласить Тэссю — по происхождению из клана Оно и дальнего родственника Нарю — десятым Главой Оно Итто Рю. Кроме того, Нарю подарил Тэссю фамильную ценность «Камэвари Кэн». Название этого уникального «меча, раскалывающего горшки», который, как говорят, был выкован кузнечных дел мастером Итидзимондзи, ведет свое начало от следующей истории. В молодости Иттосай был учеником синтоистского служителя и мастера меча Орибэ. Однажды Орибэ подозвал Иттосая и взял меч, находившийся перед алтарем. Затем Орибэ опустил меч на один из самых крупных горшков, который использовался для изготовления и хранения священного сакэ. Лезвие прошло насквозь до самого днища горшка. Орибэ подарил этот меч многообещающему ученику. Спустя несколько дней бандиты попытались ограбить храм. Схватив меч, у которого еще не было рукоятки, за нижнюю часть, Иттосай быстро расправился с семьей из незваных гостей. Один бандит попытался спрятаться в большом горшке. Мощным ударом Иттосай разрубил горшок вместе с бандитом на две равные части. Меч перешел к Оно Тадааки, лучшему ученику и преемнику Иттосая, и так он передавался каждому последующему главе, пока не дошел до Тэссю. К сожалению, у Тэссю не было официального преемника, и, по свидетельству Дэйсю, жена Тэссю преподнесла этот меч в дар известному храму Тосегу в Никко. Как бы то ни было, в настоящее время меча там нет и его местонахождение неизвестно (некий источник утверждает, что он погиб во время одного из пожаров в Дзэнсе-ан).

- ¹⁵ Хорошо известно *мутэкацу* Цукахары Бокудэн. Когда однажды Бокудэн плыл на небольшом пароме, другой мастер меча принялся хвастаться своей доблестью. Пока хвастун распибался, Бокудэн прикорнул. Это взбесило мастера меча, и он стал трясти Бокудэна, требуя назвать стиль, которым тот владеет. «Школа "Победа не используя рук" (*мутэкацу*)», — сказал Бокудэн. Буйный вояка вызвал Бокудэна на поединок, чтобы тот продемонстрировал свое искусство. Бокудэн согласился, но предложил высадиться на острове, чтобы не поранить других пассажиров. Паром свернул к ближайшему острову. Как только лодка достигла берега, хвастливый мастер меча прыгнул на землю, вытащил свой меч и принял боевую стойку. Бокудэн встал и, казалось, собрался последовать за противником, но тут внезапно схватил весло и резко оттолкнул лодку обратно в реку. «Это и есть поразить врага, не используя рук», — прокричал он оставшемуся на острове.
- ¹⁶ «...но взгляни на лохмотья моих рукавов» здесь употребляется в значении «Мое тело устало, но готово идти все равно, так о чем же тревожиться?»
- ¹⁷ Данный отрывок, а также три последующих представляют собой выдержки из бесед и рассуждений Тэссю, изданные его учениками.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
Вступление	9
Добавление от автора	11
1. ЖИЗНЬ ТЭССЮ И ЕГО ВРЕМЯ.....	13
2. МЕЧ БЕЗ-МЕЧА.....	33
3. ВЕЛИКОЕ ПРОСВЕТАЕНИЕ.....	75
4. ВЗМЫВАЮЩИЙ ВВЕРХ ДРАКОН.....	141
5. ТРИ СЮ.....	175
6. СОЧИНЕНИЯ ТЭССЮ.....	189
Принципы тренировок в школе искусства меча Мутэ Рю(1).....	192
Просветление через путь меча	194
Истинный смысл искусства меча Мутэ Рю	196

Стратегия Мутто Рю	196
Каким должно быть отношение начинающих учеников	198
Семь ступеней к победе	198
Сюин Тати	199
Истинное и ложное искусство меча	200
Состояние без-врага	201
Спокойствие разума	202
Принципы тренировок в школе искусства меча Мутто Рю (2)	203
Возвращение к сознанию новичка	205
Правило треугольника в искусстве меча	206
Предупреждение, висевшее в Сюмпукан додзэ	208
Древние традиции	209
По поводу основания Японской Ассоциации Искусства Меча	211
Единый источник сущности и назначения	211
Как в искусстве меча проецировать энергию ки	214
Объяснение Мутто Рю	216
Тайное искусство плотницкого рубанка	217
Наставления новичкам	218
Комментарий к кумитати	219

Состязания с деревянным мечом и без защитного снаряжения	220
Искусство меча и простой разум	222
Свидетельство о передаче	222
Объяснение названия Мутто Рю	224
Примечание о занятиях искусством меча Мутто Рю	225
Песни Тэссю о Пути	226
Перечень техник (мокуроку)	230
Итто Седэн Мутто Рю Канадзи Мокуроку	231
Бусидо	237
О каллиграфии	243
Сущность буддизма	245
Неотъемлемое право	245
Примечания	247

Джон Стивенс
МЕЧ БЕЗ-МЕЧА

Жизнь мастера боевых искусств Тэссю

Научное издание

Директор издательства: *Чубарь В. В.*

Главный редактор: *Трофимов В. Ю.*

Дизайн макета: *Петрова М. В.*

Подписано в печать 13.03.2012.

Формат 70х100 1/32. Усл. печ. л. 10,32.

Гарнитура «Optima». Бумага офсетная №1

Печать офсетная. Тираж 3000 экз.

Заказ № 3054

ООО «Издательство «ЕВРАЗИЯ»

199026, Санкт-Петербург,

Средний пр-кт, д. 86, пом. 106

тел. (812) 320-57-74

<http://www.eurasiabooks.ru>

Первая Академическая типография «Наука»

199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Представляем Вам биографию знаменитого японского фехтовальщика и основателя школы Муто-рю, мастера дзэн и каллиграфии, политического деятеля и личного советника императора-реформатора Мэйдзи — Ямаока Тэссю (1836 — 1888). Его жизнь пришлась на период падения режима сёгунов Токугава и заката «золотого века» самураев. Именно Ямаока Тэссю сумел проложить путь, по которому самурайские боевые искусства перешли в новую эпоху.

www.eurasia-books.ru

www.inwardpath.ru

ISBN 978-5-91852-047-5

9 785918 520475